

Альберт Иванов

ЛИЛИПУТ- СЫН ВЕЛИКАНА

Альберт Иванов
**ЛИЛИПУТ-
СЫН
ВЕЛИКАНА**

Альберт Иванов

**ЛИЛИПУТ-
СЫН
ВЕЛИКАНА**

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Художник А. ГРАШИН

«АЛТЕЙ»

1993 г.

ББК 84Р7—4
И —19

Издание подготовлено Литературно-издательским агентством
«КРУГ»

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I5
ЧАСТЬ II 49
ЧАСТЬ III111
ПОСЛЕСЛОВИЕ160

Иванов Альберт Анатольевич

ЛИЛИПУТ — СЫН ВЕЛИКАНА

Редактор

Т. В. Коршунова

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Технический редактор

Н. Ю. Крапоткина

Корректор

Л. Л. Полонская

ЛР № 061100.22.04.92 г.

Сдано в набор 17.04.91. Подписано к печати 15.08.93.
Формат 84×108 1/8 Бум. офсетная №1 Шрифт «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 535. Цена договорная.

Иванов А. А.

И 19 Лилипут — сын великана: Повесть. — М.: «Алтей», 1993. — 161 с.; ил. — (Серия «В мире сказок»).

С - 11

Сказочная повесть об удивительных приключениях мальчика по имени Пальчик и его говорящей собаки по кличке Гав. При помощи необычного, волшебного лифта они путешествуют по другим мирам. Мужественно преодолевая невзгоды, помогая слабым и беззащитным, маленький Пальчик вырастает. Он не только становится выше ростом, но и растет как Человек, который никогда не станет равнодушным к чужой беде.

И $\frac{4803010201-4}{Б 62(03) - 92}$ 4 — 92

ББК 84Р7— 4

ISBN - 5 - 85037 - 13 - 7

© А.А. Иванов, 1992.

© А. Грашин. Иллюстрации, оформление, 1992.

ЧАСТЬ I

ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ ЗДРАВСТВУЙТЕ

В этом приморском городе его знали, наверно, все местные жители. И разве только новая молочница не знала его. Когда она впервые заголосола рано утром во дворе: «Молоко-о-о!», он вышел из подъезда, везя за собой бидончик на тележке. Молочница застыла с открытым ртом, похожим на безмолвное «О», которое перед этим так зычно тянула. И её можно простить за это. Мальчик с тележкой был удивительно маленьким, пожалуй, ненамного выше своего бидона. Зато одет, как взрослый франт: высокая фетровая шляпа, клетчатый костюмчик-тройка, галстук «бабочка», модные красноватые туфли на высоких каблуках. Мальчик подошёл ближе, и потрясённая молочница узрела на его жилете ещё и цепочку карманных часов.

И тут из-за угла дома выскочила огромная собака с красной пастью. Собака бросилась к мальчику, молочница зажмурилась. Стояла тишина...

Молочница осторожно приоткрыла один глаз. Собака сидела, возвышаясь над мальчиком, а он дружески тряс её тяжелую лапу обеими руками. Ей это нравилось, она улыбалась и мела пыль хвостом. Усатый мужчина с пустым поводком в руке, очевидно, её хозяин, весело помахал кепкой маленькому франту, а тот с достоинством приподнял шляпу. Собака умчалась на свист хозяина, и мальчик подкатил тележку с бидончиком к молочнице.

— Очень-преочень здравствуйте! — поклонился он ей. — Большая хорошая погода, не правда ли?

— Хорошая... Большая... — запинаясь, ответила она. — Здравствуйте очень...

У мальчика были синие глаза. Из-под шляпы торчали тёмно-рыжие и жёсткие, как у эрдельтерьера, волосы.

— Вы меня поняли, — доверчиво сказал он.

— Что... поняла? — пробормотала молочница.

— А что я сказал: «Очень здравствуйте». И сами мне так же ответили. Почему вот говорят: «Я очень хочу, я очень рад»? Значит, можно сказать и «очень здравствуйте»? Да?

— Да... — выдохнула она.

— А ещё лучше... — на секунду задумался мальчик, — очень большое здравствуйте!

— Очень большое... здравствуйте, — повторила молочница, машинально наливая ему молоко в бидончик.

— Нижайшее спасибо и высочайший поклон, — сказал он, рассчитываясь. — Маленькое до свидания.

— М-маленькое?.. — голова у неё пошла кругом.

— Ну не большое же, не огромное? — удивился мальчик. — Мы же завтра увидимся?

— А вы... кто? Кто ты такой? — выпалила молочница, набравшись храбрости.

— Мальчик с пальчик, — важно произнес маленький незнакомец.

Молочница растерянно взглянула на свой палец, словно сравнивая.

— Нет-нет. Вы обычный взрослый человек. А я ростом с палец... ну, пусть великана, если в этом великане — хотя бы метров пять. — Он подумал, сомневаясь, и добавил: — С половиной.

— С половиной... Таких не бывает, — поджала губы молочница. — Вы меня разыгрываете.

— Правильно! Правильно! Разыгрываю! — обрадовался мальчик, подпрыгивая и хлопая в ладоши и, собственно, становясь тем самым мальчиком, каковым он и был, несмотря на своё взрослое обличье.

Он вдруг спохватился и вновь принял серьёзный вид.

— Разрешите представиться, — и так молодцевато щёлкнул каблуками, что ей нестерпимо захотелось отбить перед ним что-то вроде чечётки. — Иван Сергеев. Сын великана. У моего папы рост — один метр восемьдесят три сантиметра! Моё второе имя — Пальчик. Так меня все прозвали, — доверительно сообщил он. Шляпа на его голове сама собой приподнялась вместе с волосами, вставшими дыбом. Хлюп — и опустилась.

— Разыгрываете, — вяло махнула рукой молочница, улыбаясь.

— Но чуть-чуть, — строго заметил мальчик. Он далеко оттянул свою «бабочку», и галстук со свистом возвратился на место.

— А ты... А вы случайно не взрослый клоун? А то есть такие...

— Таких нет, — шмыгнул носом мальчик. — Я ещё не взрослый и, увы, — он так и сказал «увы», — ещё не клоун. Понимаете, все липипуты — или акробаты, или гимнасты, или жонглёры. А я не хочу. Я смешной, а? — с надеждой спросил он и шевельнул чёрными мохнатыми бровями.

Молочница даже не заметила, откуда они взялись, и хихикнула.

— Спасибо, — повеселел он. — Вы знаете, я так и хочу назвать свой будущий номер: «Сын великана». Представляете, на арене цирка шпрыхштальмейстер объявляет: «Сын великана!» — звонко провозгласил мальчик и тихо закончил: — И выхожу я.

Молочница с рокочущим смешком схватилась за живот.

— Ты?

— Я, — широко улыбнулся он.

— Сын великана?.. — задыхаясь, сказала она.

— Сын, — подмигнул он.

— Ой, не могу, — она села прямо на траву. Из глаз у неё катились

слёзы, в горле булькало. Она хлопала себя по бокам, безуспешно пыталась вымолвить хоть слово.

— Ха-ха-ха! — вдруг захохотала она таким басом, что на гулкой железной крыше с треском поднялись голуби.

Пальчик изящно откланялся и покатил домой свою тележку. А из подъездов заспешили к молочнице наконец-то проснувшиеся, вероятно, от её столь жизнерадостного смеха, сони жильцы.

МАЛЕНЬКОЕ ДО СВИДАНИЯ

Квартира Пальчика была на первом этаже. Дверь её могла бы показаться странной непосвящённому человеку, потому что ручка и замочная скважина находились невысоко от пола. Но ведь любому, даже высокому человеку, ничего не стоило нагнуться, в то время как Пальчик не мог же вечно носить с собой табуретку.

Итак, Пальчик вытащил за цепочку ключ из жилетного кармана — как видите, там были не часы — и открыл замок. Затем надавил обеими руками на ручку, толкнул дверь плечом, и она отворилась.

— Молоко-о! — прокричал он.

И родители вышли навстречу. Они были очень высокие. Иногда Пальчик думал, что им здорово повезло. Так он думал, когда маленький рост не позволял ему играть в футбол с мальчишками во дворе — мяч сбивал бы его с ног. Но зато никто не мог, как Мюнхгаузен на пушечном ядре, взлететь, вцепившись в шнуровку, на том же мяче, посланном мощным ударом в небо, а затем под восторженные крики спуститься во двор на самодельном, заранее приготовленном парашюте! Да мало ли какие большие преимущества давал Пальчику его небольшой рост! Кто мог бродить в густом бурьяне обычного пустыря, как в таинственных джунглях тропического леса? Кто мог на рыбалке мужественно помериться силами с глупой озёрной щукой, попавшейся на крючок, будто с какой-нибудь океанской меч-рыбой? Кто мог спрятаться во время игры в прятки так, что никто не смог бы найти его и за целый год? Кого почтительно пропускали на любой фильм, когда он с билетом в первый ряд, важно поглаживая приклеенные рыжие усы, шёл среди расступившихся зрителей? И, наконец, кто ходил в цирк каждый день, собираясь стать самым маленьким в мире клоуном?!

— Здравствуй, старик, — сказала мама. — Ты уже встал?

— Здорово, старик, — вторил ей папа. — Он уже встал.

— Привет, старики, — ответил Пальчик. — Я ещё не ложился.

Обращение друг к другу «старик» принято среди людей искусства. А родители Пальчика были цирковыми артистами. Когда-то они очень переживали, что их сын такой маленький. Но потом привыкли. Главное, он был всегда здоровым и никогда не унывал. Для любых родителей их дети — самые лучшие на свете, хотя бы до тех пор, пока они ещё не выросли. Самые умные, самые красивые и даже самые высокие. Родители Пальчика настолько привыкли к нему, что удивлялись, что у других такие неестественно крупные, толстые и неуклюжие дети. И, кроме того, какой физик, врач или даже токарь-многостаночник сумеет похвастаться тем, что может во всём советоваться со своим маленьким сыном, раскрывая все тайны профессии, вместе ломать голову над ещё недостижимым, с волнением ждать совета, одобрения или критики?.. Пальчик перешёл лишь в третий класс, но вот уже лет шесть постигал секреты циркового искусства!

— Понимаете, старики, — сказал Пальчик, — я не спал всю ночь. Всё думал над своим коронным номером. И... не придумал. — Он растерянно вздохнул, потому что был не таким уж взрослым, каким хотел казаться. — Я умею жонглировать, ходить по проволоке и играть на трубе. Знаю всякие фокусы... Но я не хочу просто смешить, как обычные клоуны. Я хочу такое большое разноцветное представление, чтобы... чтобы люди смеялись и плакали.

В общем, мальчик мечтал о настоящем искусстве. Мечты всегда бывают о чём-нибудь Настоящем.

— Все хотят, старина, — добродушно похлопал папа мизинцем по плечу сына.

— Ты ещё не нашёл себя, — мягко сказала мама.

— А вы нашли себя? — спросил Пальчик.

— Ещё нет... Не совсем нет и не совсем да. Ты понимаешь? — сказала мама. — Иногда приходится искать всю жизнь. А ты так мало видел...

— Да, но я вижу то, что другие не видят, — возразил Пальчик. — Вот сейчас я вижу в трещине паркета мурашонка, он затаился и ждёт, когда мы уйдём. Он хитрый. Он делает вид, что нас не замечает, а сам начеку. Я на него взгляну, он сразу отворачивается, будто его тут и нет. Он такой смешной, что хочется смеяться... И он такой беспомощный, что хочется плакать...

Папа с мамой переглянулись и понимающе закивали головами.

— Я мог бы, конечно, дрессировать муравьёв, жучков или божьих коровок — они такие чудесные, но ведь зрители ничего не увидят. А какой бы номер получился! Великан среди лилипутов! Ведь человек — великан среди них, правда? Может, после моих выступлений люди чаще смотрели бы под ноги, чтоб никого не раздавить.

Папа и мама молчали.

— А если поставить вокруг арены увеличительные стёкла? — вдруг предложил папа и сам себя похвалил: — Фантастическое зрелище! Знание — сила!

— У тебя вечно размах, — заметила мама. — Можно просто поставить на арене домик из увеличительного стекла!

— Но тогда все букашки станут большими и покажутся людям некрасивыми, и даже уродливыми, — грустно сказал Пальчик.

— Ты не огорчайся, — бодро произнёс папа. — Раз человек думает о чём-то всё время, значит, придумает. Взгляни — какую шуточку я сочинил.

В руке у него появилась сигара, он ударил себя кулаком в глаз и прикурил от посыпавшихся искр.

— Каково? — с восхищением сказал он.

— Тем, кто не поймёт, будет очень жалко твой глаз, — смутился Пальчик.

— А кто поймёт?.. — насупился папа.

— Тот догадается, что в кулаке у тебя зажигалка, поэтому — искры. А сама сигара с какой-нибудь хитростью. Верно, на конце её порох, он и вспыхивает сразу от искр.

— М-да, — сокрушённо признался папа. — Никудышный я фокусник.

— А я?

На ладони у мамы появилась белая мышка и юркнула в пышный рукав. Мама вытянула руки вперед и сплела пальцы. Мышка выскочила из другого рукава и прошмыгнула в соседний. Мгновенно выбежала следом, снова скрылась, и тут же — опять и опять. По ладоням всё в том же, одном направлении, засновала молниеносная белая мышка!

Мальчик улыбнулся.

— Это уже лучше.

Мама торжествующе поглядела на папу.

— У тебя там через плечи в рукава ведёт гибкая трубка и сквозь неё бегают белые мышки, а кажется, что только одна. Так? — засмеялся Пальчик.

Лицо у мамы омрачилось, а папа хохотнул.

— Но это уже можно показывать, — сказал Пальчик.

— Не догадаются? — обрадовалась мама.

— Не знаю... Ну, просто детям понравятся мышки.

— Детям и мой фокус понравится, — обиделся папа. — Особенно в темноте. Красочное зрелище!

— Во-во, в темноте, — рассмеялась мама. — Когда твоего бедного глаза не видно.

Папа мрачно засопел.

— Ну, а если ты выстрелишь из большого револьвера и вроде бы попадёшь в мою сигару? — предложил он сыну.

— Старо́, — ответил тот.

— А если в полумраке ко мне из заднего ряда прилетит зажжённая свеча? — вслух размышлял папа.

— На леске? Слабо́, — опять забраковал Пальчик.

— Сам знаю, — буркнул отец и ушёл размышлять в комнату.

— Пап, я придумал!

— Что?? — выскочил папа.

— Но это для взрослых, а то малышня жуть напугается, — предупредил Пальчик. — Пусть сигара — взорвётся! Все на миг ослеплены!.. А потом ты стоишь безголовый, только воротник торчит, а твоя отделившаяся голова у тебя под локтем попыхивает размочаленным окурком! И мысль хорошая: о вреде курения. Мол, голову не теряй.

— Так, — сосредоточенно сказал папа. — С пиджаком ясно — скроет башку. Но ведь рост останется прежним, вдруг заметят?.. Нет-нет, надену широченные брюки, ноги внутри них незаметно согну в коленях — вот и уменьшился!.. Голова под мышкой, так же по-клоунски раскрашенная, будет из резины с тем же париком!.. Локоть, который её поддерживает, — муляж, а моя настоящая рука внутри неё сжимает щёки и губы с окурком... Голова — как живая. Она курит, втягивая щёки. Ура! — он чмокнул сына в голову так, что тот чуть не упал, и вновь исчез в комнате. Снова выскочил. — А как эффектно я буду уходить! Голова под мышкой попыхивает себе дымком... Смешно, — серьёзно сказал он.

— А лучше ты выезжай на коне. «Всадник без головы» — вот это номер, а? — увлеклась и мама.

— Я не умею. Я упаду, — озадачился папа.

— Потренируйся на ослике, — посоветовала мама. — Давайте завтракать.

— Я ещё не хочу, — отказался Пальчик. — Я погуляю, ладно?

— Но, может быть, ты переоденешься? — неуверенно предложила мама. — Всё-таки в «рабочей одежде» не очень удобно...

— Ничего. Мне в этом костюме лучше думается. Маленькое до свидания!

Пальчик взял из угла вешалки длинную отцовскую тросточку — она была складная, — мгновенно сделал её небольшой и, вертя в пальцах, пошёл на улицу.

ГАВ — СЫРОЙ МАТЕРИАЛ

Пальчик шёл, на него глядели. Нельзя сказать, нравилось или не нравилось это ему. Кому приятно, когда все смотрят на тебя, как на какую-то невидаль? Кому не приятно, когда все оглядываются на тебя, будто на знаменитость? Словно на мальчика, который снимался в кино. Хоть он и был маленький, но, как всякий человек небольшого роста, был высокого мнения о себе. Когда-то он старался не замечать взглядов прохожих. А потом привык.

Он шёл и думал. Он шёл и не думал. Он шёл и отвлекался по сторонам.

Пальчик вдруг заметил, что булыжная мостовая похожа на разом упавшую каменную стену. Что черепичные крыши приморских домиков, наверно, покрыты не черепицей, а половинками цветочных горшков. Что оперение ласточек и галок похоже на фрак, только ласточки носят его изящнее. Он любил всё на свете сравнивать. И, может быть, именно поэтому в будущем его непременно ждали необычайные приключения. Ему нередко казалось, что Удивительное может встретить его чуть ли не за каждым углом.

Он вдруг заметил около летнего кафе в парке бездомных собак. Они униженно вертелись у входа, ожидая подачи. Один из псов, молодой и некрупный нахал невнятной породы, держал на весу большую лапу. Ему больше всех перепало кусков, его жалели. Зажав добычу в зубах, он, хромя, удалялся от кафе, оглядывался, не следит ли кто за ним, и... удирал со всех ног в кусты. Затем, облизываясь, ковылял назад, снова держа на весу лапу.

Пальчик рассмеялся. Пёс-хитрюга сконфузился и независимо отмахнулся хвостом.

Пальчик вышел к морю. На берегу большого моря стоял человек. Он был мрачен и весел. В руках он держал мешок, в котором шевелилось что-то живое.

— Кому щенки, — мрачно кричал человек, — от чистопородной дворняжки? — весело предлагал он.

Люди от него шарахались.

— Даром отдаю, — мрачно цедил человек.

Люди ускоряли шаг.

— Куда вы? Там дальше нет ничего! — весело говорил он им вдогонку. — Даром, говорю! — мрачнел он.

— Извините, — приподнял шляпу Пальчик, — а почём даром?

— Почём, почём... — пробурчал человек и весело окинул его взглядом. — А вы не замечали, молодой человек, что даром — значит, за так?

— А вы не замечали, — спросил Пальчик, — что булыжная мостовая у вас под ногами похожа на разом упавшую стену, сложенную из не очень дикого камня?

— Не понял, — мрачно ответил человек и весело добавил: — Из не очень дикого, то есть обработанного?

— Ага, — заулыбался Пальчик.

— Ну, а... — с мрачной весёлостью задумался тот, — вы не обращали

внимания, что крыши покрыты не черепицей, а вроде бы половинками цветочных горшков?

— Ага, — снова заулыбался Пальчик. — Но вы уж наверняка не знаете, что оперение ласточек и галок похоже на фрак?

— А вот и знаю, — мрачно обрадовался человек и весело помрачнел, — только ласточки носят его изящнее!

— Я рад, что мы можем поговорить с вами на равных, — серьёзно сказал Пальчик и кивнул на мешок. — Отпустите их.

— Они погибнут.

— А раздать?..

— Сами видите, не берут.

— А оставить себе?

— Не могу я их оставить себе! — удивился человек. — Моя Жучка приводит их в дом по нескольку в год. У меня же не псарня! Я каждый раз дарю их знакомым и незнакомым, знакомым знакомых, незнакомым знакомых и знакомым незнакомых, но не всегда берут. До чего плохие люди, им их даже не жалко! — беспомощно взглянул он на мешок.

— Они хорошие люди, — возразил Пальчик, — но они об этом забыли. И надо, чтоб им стало жалко.

— Так вы считаете: раз нет жестокости, нет и жалости?.. — задумался человек. И вдруг с радостной свирепостью завопил: — Кому щенки?.. А не то всех утоплю!

Сразу набежали добрые люди, забывшие, что они добрые.

Вскоре мрачный весёлый человек остался лишь с одним щенком.

— Злой, жестокий тип, — осудила хозяйина толстая, как снеговая баба, девушка, уносившая сразу двух.

— Мне их жалко, — оскорбился человек, — потому и угрожал! Я за шесть лет сорок восемь собачат раздал!

Девушка тут же хотела вернуть ему щенков, но он угрюмо сказал:

— Не топить же? Могу.

И она поспешно удалилась.

— Возьмёшь? — предложил он Пальчику последнего.

— Да я уже... — Решение пришло внезапно. Пальчик обернулся на пса, который, по-прежнему поджав лапу, дежурил у входа в кафе.

Пёс сразу понял — бездомные собаки сразу это понимают — и быстро подбежал к нему, как к своему господину, которого уже отчаялся найти. Чтоб подчеркнуть это, он сел рядом с Пальчиком и гавкнул на повеселевшего мрачного человека.

— Умён — собака! — восхитился тот. — Вы не волнуйтесь, одного-то щенка как-нибудь да пристрою.

— Нет, вы поймите, — затараторил Пальчик, — я, правда, вдруг решил взять его. Хотел уже вашего щенка, а потом вспомнил про него, — погладил он своего пса, — и подумал: «Всё равно надо брать, ведь нельзя жить без собаки!» А с двумя могут домой не пустить, верно?

— Могут-могут, не мешай. Кому щенка? — закричал человек, держа последнего за шкуру.

— Пошли, Гав, — тут же нашёл Пальчик имя своей собаке.

И они пошли. Пальчик невольно оглядывался на того щенка, и Гав ревниво закрывал ему своим боком путь назад.

Маленькая девочка в скверике, увидав Пальчика, дёрнула дедушку за штанину и заканючила:

— Куклу хочу! Вот такую!

— Это не кукла, а человек, — строго сказал дедушка.

— Всё равно хочу! — И заревела. — А собаку ещё больше хочу! — И указывала на Гава, который даже поджал хвост.

— Капризная девочка? — посочувствовал Пальчик.

— Очень, — пожаловался дедушка. — Деспотичный тиран.

— А почему вы щенка не хотите?

— На благородного денег нет, — нахмурился старик.

— А разве дворняжки — плохие? Она щенка хочет, любого. Ему, конечно, с ней будет неважно, раз она капризная, но ему будет хорошо, если он дворняга. Такой не пропадёт. Вон там даром раздают!

— Хм... — призадумался дедушка. — Знаете, я давно хотел ей купить собачку. Но эту самую собачку, которую я никогда не видел, мне было заранее жалко. Из-за неё, — он покосился на ревущую внучку. — Я всегда думал, что надо породистую... Я даже и не полагал, что можно взять дворняжку. Действительно... Так где дворняжек дают? — встрепенулся он.

Пальчик вновь показал вдаль на хмурого весёлого человека.

— Благодарю вас! — И, схватив девочку на руки, дедушка вихрем понёсся туда, где дают дворняжек.

— Широкое пожалуйста! — крикнул Пальчик вслед.

И они с Гавом зашагали домой. Проходя мимо кафе, Гав поджал было по привычке лапу, взглянул на хозяина, и они оба улыбнулись. Да-да, собаки тоже улыбаются и даже смеются, но по-своему.

Так, посмеиваясь, они и заявилиь домой.

Родители ничего не сказали против собаки. Мама сразу повела Гава купать в ванной, чему тот крайне изумился, а папа сосредоточенно спросил:

— Он что-нибудь умеет дельное?

— Пока ничего, — признался Пальчик.

— Сырой материал?

— Совершенно сырой, — кивнул сын. — Но хитёр!

Из ванной доносились плеск воды и жалобное твяканье пса, уже недовольного расплатой за домашнюю жизнь.

ШЕСТОЙ ЭТАЖ

Ровно через неделю после того, как Гав поселился у них, и произошло удивительное событие.

Но сначала о псе — Гав очень изменился за это короткое время, бездомные приятели ни за что бы его не узнали. Слежавшаяся шерсть, отмытая от уличных ночёвок, стала необычайно пушистой — поэтому он как бы увеличился вдвое и превратился в белый шар. У него появился

красивый ошейник, а на кончике хвоста — бант, мамина выдумка. Правда, он красовался недолго — Пальчик его снял. Хватит, что на него одного глазают на улице, а тут ещё и второе чудо природы — Гав с таким украшением! Да и сам пёс неодобрительно отнёсся к банту: крутился волчком в погоне за собственным хвостом и пытался сорвать позорящую его мужское достоинство ленту.

— Он же не девочка, — заявил Пальчик маме.

— Разве? — рассеянно сказала мама.

— Сразу видно, — закивал Пальчик.

Гав с благодарностью посмотрел на него и, скосив челюсть набок, лихо сдул пышную бахрому над глазами, а затем показал маме большой дерзкий язык. А может, он высовывал язык просто для того, чтобы было легче дышать. Кто знает? Недаром Пальчик говорил, что он хитрый.

И вот, в тот знаменательный день Пальчик, всё время размышлявший о своём коронном номере, вспомнил, что на чердаке их дома, кажется, до сих пор валяется его старая деревянная лошадка — качалка. Ему понадобилось её седло. Лошадка у него уже была, причём живая — Гав. И хотя Пальчик не знал, каким будет его цирковой номер, но он почему-то ясно представлял, как выезжает верхом на своём псе на арену. А дальше? А дальше — видно будет!.. Гав, конечно, не станет возражать против седла. Во-первых, он, Пальчик, совсем лёгкий, во-вторых, Гав тоже прославится.

Пёс увязался за хозяином на чердак. Наверно, он что-то предчувствовал.

Вначале они поехали на лифте на последний пятый этаж. Пальчик, взяв с собой папину тросточку, нажал ею в кабине на нужную кнопку.

О доме, да и о самом лифте тоже необходимо рассказать особо. Старинный пятиэтажный дом высился над новыми малорослыми пятиэтажками, превосходя их раза в полтора высотой. И ещё: у него было своё лицо — как говорила мама. Но Пальчик видел, что у дома не одно, а много лиц: каменные женские головы над каждым окном; тёмные, с потёками от дождей, фигуры сов под балконами; а на фронтоне даже стоял металлический рыцарь с копьём, на котором вращался флажок-флюгер. Лифт тоже был старый, под стать дому: решётка и двери — из меди с завитушками, в которых угадывались морды каких-то загадочных животных и птиц; на толстом стекле за решёткой были навечно протравлены чёткие номера этажей; сама кабина — тёмного дерева с резными неведомыми растениями; на задней стенке — мутное зеркало в облупившейся позолоте тяжёлой рамы; панель чёрного железа с кнопками этажей, на каждой из которых витиевато извивалась цифра... При каждой остановке кабина издавала тонкое мелодичное звяканье.

Лифт давно хотели заменить, но он всё-таки служил и его оставили в покое. Тем более, дом этот оказался последней причудой знаменитого зодчего и, став памятником архитектуры под охраной государства, вообще не подлежал никаким переделкам. Судя по дате «1899», выбитой под карнизом крыши, он был построен в последний год того века, после которого вся таинственная романтика прошлого окончательно уступила

место веку XX с его сугубым техницизмом. Заметим, что именно на грани смены любых веков следует искать чего-то необычайного.

Поднимаясь в кабине с невозмутимым Гавом, который воспринял свою явно первую поездку на лифте как нечто само собой разумеющееся, Пальчик неожиданно обратил внимание, что...

Но тут лифт с медной музыкой остановился напротив двери, на матовом стекле которой виднелась цифра «5».

А Пальчик по-прежнему неотрывно смотрел на кнопочную панель кабины. Он впервые заметил, что на ней не пять кнопок, а восемь. Последние три были перечёркнуты тусклой красной краской. Впрочем, такое встречается и в новых домах, но Пальчик с подобным не сталкивался и поэтому очень заинтересовался странным явлением: дом пятиэтажный, а кнопка восемь! Да ещё шестая, седьмая и восьмая — почему-то запрещённые!

Какой бы мальчишка устоял перед соблазном нажать хотя бы на шестую кнопку из любопытства? Пальчик не устоял. К тому же, он вдруг искренне поверил, что обязательно случится что-то немисливо удивительное!

И кабина взяла и поехала. Лифт остановился... на шестом этаже. За решёткой на двери чётко красовалась цифра «6».

Вновь используя тросточку, на этот раз её изогнутую ручку как крючок, Пальчик осторожно отворил, сначала внутрь, узорные дверцы кабины, затем, затаив дыхание, — дверь этажа наружу.

В лицо пахнуло ветром. Пальчик стоял потрясённый...

— Пошли? — раздался чей-то басок.

СТРАННЫЙ ПАРК

Пальчик оглянулся. Но, кроме Гава, здесь больше никого не было. Почудилось?..

Дверь лифта была распахнута прямо в какой-то густой, дремучий парк. Здесь, на «шестом этаже», уже была осень с ворохами жёлтых и красных листьев. Вечерело, от деревьев падали длинные тени...

Не решаясь выйти из кабины, Пальчик потрогал рукою кленовый лист у двери. Лист оказался настоящим.

Гав внезапно выпрыгнул наружу и обернулся.

— Эй, Пальчик! Айда за мной, — баском позвал он. — Гав-гав!

— Так это... ты? — вконец растерялся Пальчик.

— А кто же? — с достоинством ответил пёс. — Ясно, я. Гав-гав!

— А разве ты разговариваешь?

— Как видишь, — пожал плечами пёс.

— А почему?

— А, а, а, — передразнил его Гав. — Бэ! Откуда я знаю? Я сам здесь в первый раз. Гав-гав!

— Но ты и говоришь, и лаешь... — Пальчик всё ещё не решался выйти.

Пёс на мгновение задумался.

— Не знаю, почему я говорю по-человечьи, но лаю, наверно, потому, чтоб не разучиться.

Пальчик хмыкнул и, наконец, осмелился выйти, на всякий случай подперев приоткрытую дверь «этажа» папиной тросточкой, чтоб не могли вызвать снизу кабину. Шахматный кафель «лестничной площадки» лежал перед входом прямо на земле. Кабина лифта одиноко стояла в укромном уголке парка и напоминала старый забытый киоск с двойными дверьми.

Сразу забыв обо всём, Пальчик побежал вслед за Гавом по заброшенной тропке.

— Теперь-то я могу высказать всё, что о тебе думаю, — обернулся на ходу Гав.

Пальчик даже поёжился. Не часто ведь выпадает нам услышать, что думает о нас наша собака.

— За снятый бант спасибо, — коротко заявил Гав.

— А дальше?..

— Всё, — недоуменно ответил пёс.

— Но я же тебя приютил! — воскликнул Пальчик, ободрённый прежней похвалой Гава и теперь захотевший, чтобы хвалили и дальше. — Можно сказать, спас!

— Ты от скромности не умрёшь, — осудил его пёс. — Извини, но твой характер оставляет желать лучшего. Да, именно, желать лучшего, — просмаковал Гав эти слова. — Точнее не скажешь! В меру вежливо и с глубоким смыслом.

— Ну ты даёшь! — обиделся Пальчик.

— Я даю только лапу, — отрезал пёс. — Могу ещё подавать брошенную палку. Но давать неизвестно что... Нет уж, гав-гав! Не в моих правилах, сэр. Хорошо сказано, достойно, — похвалил себя он. — Сэр.

— Сэр?.. — оторопел Пальчик.

— Наверно, один из моих многочисленных предков был английским терьером, — призадумался Гав. — За ответом в карман не лезем. Карманов нет, — пояснил он.

— Куда ты всё время бежишь? — задыхаясь, взмолился Пальчик.

— Не куда, а почему! Я бегу потому, что у собак, как известно даже людям, нормальная температура тела — тридцать девять градусов! У меня шуба. Когда я бегу, мне прохладней. И, кроме того, шерсть развеивается и в глаза не лезет, — действительно, Гав за словом в карман не лез.

— Не «окромя», а «кромее», — машинально поправил его Пальчик.

— «Окромя»! — упрямо подтвердил пёс. — Буфетчица Оля в кафе «Улыбка» всегда говорит «окромя». Понял? «Окромя засохших котлет ничего нету!» — он облизнулся, вспомнив её слова. — Она лучше знает, она старше тебя.

— А что она ещё говорит? — невольно засмеялся Пальчик.

Пёс остановился и надулся.

— «Пива вся!» Гав-гав-гав! — рывкнул он.

— С тобой можно в цирке выступать! — рассмеялся Пальчик.

— А с тобой — нет.

— Со мной??

— Ты забыл о своём характере. Тщеславие, гордость, самолюбование — вызывающее поведение!

— Какое?..

— Вызывающее на серьёзные размышления. Неплохо сказано, сэр, — похвалил себя Гав. — Я слышал в кафе, туда заходят актёры: искусство требует жизни, ясности, опыта, простоты! А у тебя ничего этого нет, кроме, извини, твоего роста. «От горшка два вершка, а туда же!» Так говорит буфетчица Оля. «Я знаю жизнь», — говорит она. Она знает!

Голова у Пальчика пошла кругом.

— Тебе надо многому учиться. Ты даже лаять не умеешь, гав-гав! Даже твой рост — вызов окружающим. Ты на всех смотришь свысока!

— Это я-то?!

— Это ты-то. Подумай, взвесь, рассуди. Хорошо сказано, сэр, — одобрил себя пёс. — Рассуди, взвесь, подумай! Когда буфетчица Оля взвешивает продукты, она всегда думает о суде. И ты должен думать. Когда взвешиваешь, не обвешивай. Себя не обвешивай, не обманывай, не дури. Сначала подумай, потом взвесь!

— Да помолчи ты! — прикрикнул Пальчик, оглянувшись.

— Слова не дают сказать, — обиделся пёс. — Гав-гав! всю жизнь молчал. — И, очевидно, опять вспомнив буфетчицу Олю, азартно выкрикнул: — На чужой роток не накинешь платок! Цыплят по осени считают! — И туманно пояснил: — Это она говорила после ревизии прошлой осенью, когда у нее не сошёлся баланс в отчёте за цыплят табака.

— Погоди ты... — прошептал Пальчик.

Гав обернулся и уставился в ту же сторону.

По боковой аллее удалялся представительный сенбернар, ведя на поводке тощего бородатого человека, облачённого в жалкую жилетку-попонку и какие-то кургузые штанцы. Нет-нет, мы не оговорились, пёс вёл на поводке человека, а не наоборот. И даже ошейник поблёскивал бляхами на шее бородача. Что-то вроде переплетённой из ремешков корзинки свисало у человека на грудь с ошейника. Неужели это?..

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Пальчик и Гав, прячась за деревьями, бесшумно проследовали за странной парой.

Перед калиткой в заборе сенбернар что-то прорычал своему спутнику, и человек послушно надел на лицо ту «корзинку» с ремешками. Так и есть — намордник!

Странная пара исчезла за калиткой, и Пальчик с Гавом недоуменно воззрились друг на друга.

— Хорошо, хоть не на четвереньках.

— Как сказала бы буфетчица Оля... — начал было Гав.

Но не успел Пальчик узнать, что она сказала, как...

Кто-то поднял его за шиворот в воздух. Он с ужасом увидел над собой

чёрную мохнатую лапу, а выше — угол клыкастой пасти. Пасть что-то оглушительно пролаяла куда-то вниз мимо него. Пальчик беспомощно посмотрел на задрожавшего, прижавшегося к земле Гава.

Гав жалобно затыкал, в чём-то оправдываясь. Пасть над Пальчиком опять что-то пролаяла оробевшему Гава, и тот снова жалко залепетал.

Лапа разжалась, Пальчик упал на спину, глядя, как внушительно удаляется громада пса, мощного чёрного терьера, с красной повязкой на правой передней лапе.

Страж порядка грозно направился к выбежавшему из-за кустов мальчишке, который весело собирал букет из осенних листьев. Он был одет так же, как и тот бородач, и тоже с ошейником. Не успел чёрный терьер приблизиться, как на поляну выскочила красивая собака колли и торопливо пристегнула к ошейнику мальчишки поводок. Страж облаял их и двинулся дальше.

— Эй! — тихонько крикнул Пальчик пацану. — Вы что тут, все с ума посходили?!

Мальчишка сердито огрызнулся, хоть на непонятном, но всё же человеческом языке, и побежал вслед за хозяйкой, увлекаемый поводком.

— Да-а... Тут такое творится! — забормотал Гав. — Надо уносить ноги и лапы. Особенно тебе — ноги. Но сначала давай спрячемся, — тревожно взглянул он на чёрного терьера вдаль.

Когда они торопливо забрались в чащу кустарника, Гав поведал следующее. Оказалось, этот терьер — и впрямь стражник — облаял Гава за то, что тот выгуливает человеческого «щенка» без ошейника.

— И без намордника... — буркнул потрясённый Пальчик.

— До намордника ты не дорос, мал ещё, — не понял иронии Гав. — Ты ещё не опасен.

— Ну и порядочки здесь, на шестом этаже!

— Не лучше, чем у нас на первом, — изрёк Гав.

— Но человек — умнее! Он царь зверей!

— Это у вас... У вас — царь, а здесь — как собачка, гав-гав, — хмыкнул пёс. И не без гордости стукнул себя лапой в грудь. — Здесь мы — умнее!

— Если вы здесь и умнее, в чём даже буфетчица Оля засомневалась бы, — съязвил Пальчик, — то это ещё не значит, что надо грубо обращаться с живыми существами! — запальчиво выпалил он в упор, у Гава даже закачалась бахрома над глазами. И сам понял, что далеко не прав. — У нас тоже так... Прости, Гав, — пробормотал он, — я зарвался.

— Не зарвался, а заврался, — кивнул пёс.

— Что же делать?.. Где лифт? — встрепенулся Пальчик.

— Постой. Так идти опасно, — остановил его Гав и приказал: — Снимай мой ошейник. Хорошо, что меня искупали и его под пышной шерстью не было видно... А теперь присобачивай ошейник на себя. Потерпи, дружок. Гав-гав, и готово!

Он откусил от куста гибкий прут.

— Привяжи его себе вместо поводка. Правильно, — одобрил Гав. — Покрепче. И пойдём искать лифт. А то нарвались бы снова на того, чёрного мордатого, и конец!

— Как — конец?

— Ну, как... — уклончиво ответил пёс и рассердился. — С меня — штраф, а тебя — извини, на мыло. Вот как.

Пальчик убито промолчал. А затем глупо спросил:

— А они что, моются здесь?

— Они даже моются — там, — ткнул лапой вниз Гав. — Ваши мамы их моют, — насмешливо продолжил он, — вам самим — лень!

— Да ладно тебе... — смутился Пальчик. — Я мог бы и сам тебя помыть, мама просто опередила.

— Почему-то мама всегда тебя опережает, когда надо что-то сделать. Странно, да?

— Но я...

— Не спорь, слушайся. А ну-ка, к ноге! — скомандовал Гав. — Рядом! Рядом иди, бестолковый... Кому говорю!

— Ну хватит тебе, — взмолился Пальчик.

— А кто меня ещё вчера этими командами донимал?! Ну ладно, потерпи, — смягчился Гав, взяв зубами прутик-поводок и ведя Пальчика по аллее.

На перекрёстке дорожек вновь появился чёрный страж. Он покосился на них и одобрительно гавкнул.

— Что он сказал? — прошептал Пальчик.

— По-вашему: так держать! — процедил Гав, не разжимая зубов.

— Курс? — не понял Пальчик.

— Нет, тебя. Так держать — на привязи.

— Болван лопоухий! — не выдержав, вдруг крикнул Пальчик чёрному терьеру, сам страшась своей смелости. Но тот и ухом не повёл.

— Ты для него — пустобрёх, — криво усмехнулся Гав.

— Почему ты меня понимаешь, а он — нет? — озадачился Пальчик.

— Да потому что он местный, а мы с тобой с другого этажа.

— Но ты-то ведь тоже с другого, а вы с ним разговаривали.

Чёрный терьер куда-то исчез, и Гав отпустил прутик:

— У собак повсюду один язык.

— А почему ж я тогда и людей здесь не понимаю? Тот мальчишка, помнишь? Ни он меня не понял, ни я его...

— Да у вас, людей, там тоже язык разный. Помню, в наше кафе «Улыбка» зашли какие-то дядьки в шляпах, уж буфетчица Оля им и так и этак кричала: «Гав-гав! Кофе нет!», а те ни бум-бум. «Иностранцы», — вздохнула она. Пришлось им сварить. Так-то...

— Ладно. А почему и здесь люди — одетые, а собаки — раздетые?

— Нам это ни к чему, у нас шерсть. Да и люди иных голых собачек в жилетки и попонки одевают.

— Выходит, и здесь... — начал Пальчик.

— Хорошие хозяева и здесь заботятся, — перебил его Гав. — Не то вы, неженки, окоченеете.

Быстро темнело. Кабины лифта нигде не было видно.

— Заблудились? — ужаснулся Пальчик.

— Не хнычь. Жди меня здесь, я сам быстрее найду.

Гав унёсся, а Пальчик устало опустился на обломок кирпича.

Ждал он недолго. За дремучим кустарником, густо усыпанным жёлтыми листьями, послышались чьи-то шаги — Пальчик вскочил. Но это был не Гав, а чёрный терьер, поменьше размерами, чем прежний громила, подобнее своей кудлатой внешностью, но тоже с красной повязкой на лапе.

Верно, жалкий вид имел мальчонка в клетчатом костюмчике, с ошейником вокруг тонкой шеи и привязанным к нему прутиком. Ни дать ни взять потерявшийся «щенок». Страж порядка сразу же заскулил над ним. Пальчик догадался, что терьер, сочувствуя, бормочет что-то вроде: «Ах, ты, несчастный! Потерялся! Где же твой хозяин, бедолага?»

Не успел Пальчик опомниться, как и этот терьер взял его тоже за шиворот — только не лапой, а зубами — и понёс прочь.

Напрасно Пальчик негодовал, размахивал руками и вопил:

— Оставьте меня! Пустите! Гав, где ты? На помощь!

Добряк терьер уносил его всё дальше и дальше от того места, куда должен был непременно вернуться Гав, и только сдержанно порывивал на строптивного найдёныша.

Страж толкнул калитку в заборе, и перед ними оказалась улица.

Здесь уже горели фонари. Низкие машины, похожие на гоночные, которыми, лёжа, управляли разномастные псы, проносились взад и вперёд мимо двух-трёхэтажных домов. Дома были похожи на комфортабельные большие конуры с островерхими крышами и круглыми застеклёнными

входами, к которым вели открытые и столь крутые лестницы, какие у нас увидишь разве что на собачьих площадках. У иных внизу стояли грубо сколоченные сторожки, возле которых сидели на цепи люди в попонках и, охраняя хозяев, грозно покрикивали на прохожих — собак. Очевидно, они орала: «Не подходи! Укушу!» или, вернее, «Поколочу!», потому что у каждого была здоровенная палка. Недаром говорится: на своём подворье и собака пан. А уж человек и подавно, если он на собачьей должности!

Всё это успел подробно разглядеть ошеломлённый Пальчик, оттого что они с терьером стояли долго у перехода, ожидая, пока мраморный дог-регулировщик не взмахнёт своим полосатым хвостом в нужную сторону, наконец-то разрешив идти пешеходам.

Когда терьер переносил Пальчика через улицу, из-за угла внезапно вылетело спортивное авто. Его вела взбалмошная болонка с окрашенным в ядовито-синий цвет мехом. Раздался визг тормозов. Терьер, взвизгнув ещё громче, взмыл в воздух так высоко, словно обладал способностью вертикального взлёта, и с перепугу выпустил Пальчика. Тот шлёпнулся на багажник авто, скатился на землю и дал дёру.

Ныряя под ноги лающих псов, он помчался куда глаза глядят...

ХИТРАЯ ЛОВУШКА

Вот когда пригодился ему маленький рост. Шмыг туда, шмыг сюда — и нету. В пустынном, как ночной парк, переулке он проскочил меж прутьев железной ограды и, перепрыгивая через какие-то цепи, ведущие в сторожку, юркнул в её приоткрытую дверь.

Здесь шло тихое веселье. Трое двуногих сторожей, каждый со свистком на тесёмке у груди, с дубинкой, прислонённой к табуретке, в неприменном ошейнике, от которого куда-то наружу тянулась цепь — возможно, даже на соседний участок, — тихо бражничали при свете тусклой лампы за дощатым столом.

Пальчика они не заметили, он нырнул за пузатое ведро.

Краснорожие сторожа пили зелёную, пенящуюся, едко пахнущую жидкость из больших кружек, бесшумно сдвигая их разом и разом заглатывая, а потом, беззвучно притопывая войлочными башмаками, безмолвно шевелили губами, иной раз так широко разевая рты, что даже привставали с места. Пальчик догадался: они поют. И судя по тому, что были они при свистках, дубинках и на цепях, гуляли они втихую — на работе.

Снаружи послышался чей-то недовольный лай, и люди, отталкивая друг друга и опрокинув жбан, заметались по комнате. И чем старательней они пытались одновременно втроем выскочить во двор, тем больше запутывали свои цепи.

В сторожку просунулась квадратная голова бульдога, возмущённо гавкнула, приведя тем людей в некое остолбенение, затем исчезла и показался наконечник брандспойта. Миг — и мощная струя воды буквально сдвинула всех сторожей в угол, будто распластав по стене. Они взвыли, как стадо паровозов!

Пальчик был не столь любознательным, чтоб узнать, чем кончится эта выволочка. Он нырнул под струей, проскочил между ногами бульдога и кинулся к ограде. Ошеломлённый хозяин невольно повернулся ему вслед вместе с пожарным шлангом. Проходивший за оградой пёс-водолаз раскрыл было рот на всю эту суету, но с ходу заглотив с «полметра» мощной струи, пронёсшейся над беглецом, брякнулся на спину с раздувшимся брюхом. Никто так и не услышал, что хотел он пролаять.

А Пальчик уже летел по переулку вдаль.

Опомнился он только на тихой и уютной, словно потаённой, площади, внезапно выросшей на его пути. Посредине её ярко горел одинокий фонарь, установленный на чугунных собачьих лапах. Рядом высилась, уходя в темноту неба, ажурная металлическая мачта, похожая на высокий строительный кран. Но всё это Пальчик заметил бегло, мельком, внимание его нацелилось на другое — на большую странную скатерть, разостланную прямо на камнях мостовой под фонарём. Скатерть была заставлена разными аппетитными кушаньями: стопками лежали бутерброды, ломтики ветчины выглядывали из половинок хлеба, как розовые язычки; горками были сложены краснобокие яблоки, насыпом навалены бархатистые сливы; сонно желтели нежные груши; торчали разноцветные бутылки

с напитками, окружённые хороводом прозрачных бокалов; а всё это охватывала причудливо разложенная гирлянда румяных сосисок.

Где-то вверху над Пальчиком кто-то шумно задышал. Он задрал голову. Позади, не замечая его, согнувшись к хищному броску, стоял оборванный тощий человек, жадно созерцая царское угощение. «Бездомный», — жалостно подумал Пальчик. Человек напомнил ему прежнего Гава у входа в кафе. А потом шевельнулась мысль: «А я какой?..»

Пальчик опять молча уставился на скатерть с кушаньями и сглотнул слюну. Хоть он и был маленький, но голод у него был большой.

Что-то настораживало Пальчика и того человека, что стоял позади, прежде чем броситься к скатерти. Такое же чувство, вероятно, испытывали и ещё несколько оборванцев, только сейчас замеченных им. Они выглядывали из-за углов площади и тоже медлили... Пальчик догадался: пугала всех та особая, как перед чудовищным выстрелом, тишина. И чем дольше она растягивалась, тем больше было не по себе.

Наконец, человек, стоявший за Пальчиком, не выдержал. Чуть не сбив его с ног, он кинулся к заветной скатерти-самобранке. Следом бросились другие оборванцы. Руки жадно накинулись на разложенные яства. Пальчик не помнит, как тоже оказался под фонарем. Если б у него было даже шесть рук, всем бы нашлось дело по душе. Но и двумя он сумел ухватить сразу и бутерброд и цепь сосисок. Что это?! Всё оказалось твёрдым, будто камень. Напавшие на скатерть истошно закричали — сверху резко упала тёмная сеть!

Пойманные в западню, люди метались, падая на раскатывающихся под ногами плодах, дико орали, а самые голодные даже и сейчас пытались откусить хоть кусок от красочной бутафорской пищи. Ячей этой сети была настолько мелка — да что там Пальчик, даже мышь не смогла бы выскользнуть из неё!

Ажурная металлическая мачта, высившаяся рядом с фонарём, и впрямь оказалась краном — он загудел, заскрежетал. Продетые проволокой, нижние края сети, сжимаясь со всех сторон, сомкнулись под бездомными скитальцами огромным мешком, и мачта подняла всех в воздух.

Тут же, деловито урча, подкатил открытый грузовичок, до этого скрывавшийся наготове где-то в ближайшем переулке. Очевидно, здесь он назывался не «собачьим», а «человечьим ящиком». Сеть с пленниками незримые «человечники» сбросили в кузов, и водитель — беспородный пинчер, прорывав приветствие невидимым ловцам людей, скрывавшимся где-то высоко вверху в кабине крана, повёз добычу прочь. А выскочившие из тьмы проворные шавки начали готовить новую бутафорскую приманку на скатерти под фонарём.

СПАСАЙСЯ, КТО ХОЧЕТ

Вскоре грузовичок — пленники угрюмо притихли в кузове — остановился возле низкого мрачного строения с частыми решётками на окнах. В глубине двора высилась зловещая кирпичная труба.

Выскочившие из караулки клыкастые охранники — доги, расстегнув сеть, похватали пленников и мигом отправили в камеру. Оглушительно лязгнув засов, и бездомные бродяги очутились в темноте. Несколько крупных звезд виднелось в окне и казалось, что они тоже пойманы и сидят за решёткой в соседнем, хотя и более просторном, помещении.

Пальчик вспомнил жуткие слова Гава: «С меня — штраф, а тебя...», и горько заплакал. Никто не попытался его даже утешить. Люди как бы поменялись с собаками жизнью. Так, в прежнем мире Пальчика ни один пёс не стал бы жалеть другого, попавшего вместе с ним в беду. Разве что собака-мамаша, успокаивая, принялась бы вылизывать своих заскуливших щенков.

Ещё в кузове машины Пальчик пытался заговорить с другими пленниками — ну и пусть они вроде иностранцев, а всё-таки можно же друг друга понять или ободрить хотя бы взглядом, жестом, пожатием руки наконец! — но они молча смотрели на него равнодушными, тупыми и позвериному обречёнными глазами. Вначале-то, когда их только поймали, была вспышка яростного отчаяния: они кричали, рвались на волю, а затем безысходно замерли, полузакрыв глаза, и лишь изредка вздрагивали всем телом.

Такое же продолжалось и в камере. Приткнувшись кто где, все по-прежнему молчали и вздрагивали. Лишь в одном молодом оборванце неожиданно пробудилось что-то человеческое. Не вытерпев скулежа Пальчика, он больно щёлкнул его пальцем по макушке — да уймись ты, мол, и без того тошно! Как ни странно, Пальчику стало легче. Он сразу умолк, почесал затылок и принялся лихородочно размышлять, как дать тягу отсюда.

Нет, бесполезно...

Дверь закрыта плотно — ни щёлочки. А решётка на окне, даже если тебя туда и подсадят, — такая частая, что сквозь неё, даже ему, и голову не просунуть. Подкоп тоже не вырыть — пол цементный. А самое страшное: неизвестно, когда за ними придут. Пальчик понимал, что его ждет. За свою маленькую жизнь он уже прочитал немало книг и ещё больше посмотрел фильмов, в кино и по телевизору, чтоб знать, какая судьба ожидает, к примеру, пойманных бездомных собак. И та кирпичная труба во дворе, которую он увидел, когда их стаскивали с машины, не оставляла в том никаких сомнений. Только сейчас Пальчик по-своему понял выражение «вылететь в трубу» — это значит: дымом, пеплом, прахом...

Внезапно вспыхнула лампа на потолке. Проскрежетал засов, железная дверь отворилась — появились двое охранников — догов и тонконогая изящная борзая. К ней тут же метнулся из дальнего угла камеры низенький косматый человек, в когда-то нарядной, а теперь грязной и разлохмаченной попонке. Он встал на колени, пустил слезу и ударил себя кулаком в грудь, виновато понурился голову.

Борзая что-то протрявкала охране и погладила его по нечёсаной гриве. Он благодарно лизнул её лапу языком.

Охранники о чём-то заспорили с ней. Она, как говорится, оборзев,

визжа, показывала на цифры, выбитые на ошейнике косматого пленника. Затем, вздохнув, вынула из элегантного кошелька, висевшего у неё на витем поясе, две блестящие монетки. Они молниеносно исчезли в мохнатых лапах догов. На прощание один из них дал такого пинка космачу, что тот вылетел за дверь.

Пальчик, наконец, понял, что хозяйка борзая нашла свою пропажу и выкупила на волю. А что если она вдруг заинтересуется и им самим! Может, пожалеет его и тоже выкупит? Он бросился к ней:

— Возьмите и меня! Спасите!

Она поначалу с любопытством посмотрела на него, поглядела на его ошейник без всяких цифр, а потом что-то пренебрежительно сказала охране. Похоже: «Такой мне и даром не нужен. Дескать, маленький, проку от него!» И, повернувшись, небрежно смазала его хвостом по уху так, что он шлёпнулся на пол. Доги хохотнули, вся камера — тоже. Вот предатели!

Компания удалилась, свет погас.

Несмотря на свой страх, а, может, именно от страха и от усталости, Пальчик впал в забытё, скорчившись у стены.

Очнулся он от внезапного голоса, тихо донёшегося сверху:

— Эй, Пальчик! Ты здесь? Гав-гав!

Он ошалело вскочил:

— Здесь я! Здесь! — И отбежал к противоположной стене камеры, чтобы лучше видеть окно.

Это был Гав. Он умудрился взобраться на крышку бака, стоящего во дворе чуть сбоку от окна.

— Держись, дружок! — Гав зацепил решётку каким-то крюком.

Пальчик оглянулся на других пленников. Они беспокойно зашевелились.

Гав исчез, наступила тишина.

И...

Раздался шум машины. Крюк, впившийся в решётку, задрожал. Решётка закрипела — на пол посыпались камешки — и со звоном вылетела наружу!

Первым опомнился тот молодой оборванец, который недавно отвесил щелчок за скулёж. Он с такой прытью ринулся на волю — Пальчик еле успел вцепиться в лохмотья его штанины! — что мгновенно, броском пловца, нырнул во двор.

Пальчик отцепился и откатился в сторону... На земле валялся крюк со змеящимся тросом, он был привязан к машине — тому грузовичку, что привез их сюда.

Кто это?.. Гав!.. Миленький! Родненький Гав!.. Пронзительный рёв сирены!.. Пальчик оглянулся на ходу: из проёма окна быстро лезли беглецы!.. Что, где?.. Гав куда-то тащил его... Подтолкнул зачем-то в кабину грузовичка... Умница Гав! Он сел за руль!.. Где-то рядом остервенело лаяла охрана, кричали люди!..

Всё стихло и осталось позади. Грузовичок мчался по ночной улице.

— Но ты же не умеешь водить машину! — опомнился Пальчик, во все глаза глядя на лихого водителя.

— Там, у нас, не умею, а здесь могу. Я много чего умею — ещё и сам не знаю, — ответил Гав-рулевой. — Понимаешь, там я — как собака, а здесь — как человек.

— Ну ты молодец!

— Зато ты раззява, как я погляжу.

— Ведь ты же здесь человек, а не я, — нашёлся Пальчик.

Гав гордо надул щёки.

— Я-то здесь человек, а ты и здесь не собака. Гав-гав!

— Ладно тебе, хватит, — смутился Пальчик. — Откуда ты? Куда ты пропал?

— Это ты пропал! — заявил Гав, тревожно посматривая на огни фар, появившиеся в зеркале заднего вида. — Я нашел лифт, прибегаю — тебя нет! Дошёл по следам аж до той площади, где ловушка... Там следы пропали. Понял, тебя поймали вместе с другими придурками...

Пальчик обиженно шмыгнул носом.

— ... и увезли, — продолжал Гав. — Порасспросил местных — язык до Киева доведёт, — и вот я здесь!

Он вновь опасно покосился на зеркало. Огни позади на пустой тёмной улице не исчезли. Наоборот, они росли, приближаясь.

Так и есть, сзади завывала сирена. Погоня!

На крыше настигающей их машины завертелась мигалка. Очевидно, раньше не включали ни сирену, ни мигалку, надеясь догнать без шума, заранее не спугнуть.

Гав стал бросать грузовичок из стороны в сторону, не давая погоне обогнать его и преградить дорогу. Сирена выла, как сумасшедший волк. А, может, еще безумней!

Впереди появилась другая машина, тоже с мигалкой и сиреной!

— Вправо — во двор! — вскричал Пальчик.

Гав чуть помедлил и только в последний миг резко свернул под арку дома. Обе машины преследователей, хотя и затормозив, с треском столкнулись! Из-за погнутых дверц, громко лая, полезли чёрные терьеры... Всё это мельком увидел, оглянувшись, Пальчик, а затем их грузовичок, проскочив проходным двором, вылетел на другую улицу.

— Из-за тебя я стал предателем, — проворчал Гав.

— Как — предателем?

— Как! Молча.

— Наоборот! Ты же меня спас!

— Гав-гав! Я своих предал. Это как если б ты предал всё человечество.

— А-а... — растерянно протянул Пальчик. — Но ты не беспокойся. Я видел: они живы остались.

— Это меня и утешает, — буркнул Гав. — Я тебе честно скажу: был со мной там, у нас, случай. Поймали как-то меня и моих приятелей собачники и посадили, понимаешь, в «собачий ящик». Ну, а потом пошли живодёры кваску попить. А мальчишки подкрались к фургону, открыли засов и нас выпустили. Я одному от радости прямо на голову из машины прыгнул!.. Нет, своего спасения я никогда не забуду! Понял? Добро рождает добро, — философски заметил он, гоня машину. — Гав-гав!

— А «гав-гав» рождает «гав-гав», — кивнул Пальчик.
 — Это ты о чём? — подозрительно спросил пёс.
 — О том же. Зло вызывает зло.
 — А ты, гляжу, поумнел тут, в собачьем мире, — одобрительно произнёс Гав.
 — Нам надо срочно в парк, к лифту! — спохватился Пальчик. — А куда мы едем?
 — Пока что, не куда — а от кого?! Думаешь, я теперь знаю, где тот парк?
 Город кончился. По бокам густо потянулись деревья.
 — Давай назад! — приказал Пальчик.
 — Ты что? Там нас вмиг сцапают!
 — А пёс с ними! — храбрился Пальчик.
 — Пёс с тобой, — строго заметил Гав. Взглянул на него, и они оба засмеялись.
 — Что же делать?..
 — Машину придётся бросить. Переждать где-нибудь до утра... А утречком, — «мечтательно» произнёс, словно предвкушая, Гав, — поведу я тебя на поводке в парк прогуляться.
 Он свернул по узкой дорожке в лес, грузовичок запрыгал на ухабах.
 — Машину спрячем, пусть нас поищут... — бормотал Гав. — И сами где-нибудь схоронимся, переждём.
 — А что мои родители скажут? — внезапно ужаснулся Пальчик. — Ох, и влетит нам!
 — Хуже будет, если не влетит, — глубокомысленно ответил Гав.
 — Как?..
 — Если мы вообще не вернёмся.
 Действительно... Пальчик об этом не подумал.
 На какой-то поляне Гав с налету въехал в кустарник и выключил мотор:
 — Надежное местечко... Сразу и не найдёшь.

БРОШЕННЫЙ НА ДАЧЕ

Беглецы выбрались из грузовичка.
 — И всё-таки надо уходить отсюда подальше... Мало ли что! — беспокоился Гав.
 — А если они вдруг пустят по следу собак-ищек? — забеспокоился Пальчик.
 — Тогда всё, — обречённо сказал пёс. — Гав-гав, и готово! Даже я, не профессионал, и то тебя разыскал. А им, обученным, — плёвое дело.
 Услышав неподалеку журчание ручья, Пальчик приободрился:
 — Ты никогда не видел фильмов о разведчиках?
 — Нет...
 — Даже по телевизору?
 — Я всего неделю назад, у тебя дома, впервые увидел телевизор. Да и

то мы, собаки, только сам телевизор видим, а что по нему показывают — нет. У нас своё, особое зрение.

— Поэтому вы и не знаете, что от погони надо уходить по воде, — важно сказал Пальчик. — Вода не оставляет следов.

— М-да, — покачал головой Гав. — Тогда жаль.

— Чего жаль?

— Что мы телевизор не можем смотреть.

— Конечно. Знаешь, какие передачи бывают интересные, да ещё по цветному!..

— По цветному — тем более не можем, — перебил его Гав. — Мы вообще цвета не различаем.

— Значит, у вас всё-всё в чёрно-белом изображении?

— А у тебя сейчас в каком? — огрызнулся Гав, направляясь к ручью.

— Ну, сейчас ночь...

— Зато у нас всегда изображение чёткое, — заявил Гав, уже шлёпая по мелкой воде. — И в жизни нам это цветное зрение — как пришей кобыле хвост, — обернулся он на идущего следом за ним по ручью Пальчика.

— И где ты таких слов понабрался?

— Где! У буфетчицы Оли, — гордо сообщил Гав.

— Но ты же там по-человечески не понимал.

— А здесь понимаю. Там запомнил, а здесь вспомнил. Осторожно — коряга, — предупредил он.

— Спасибо, — Пальчик перешагнул. — Ну и почему ж вам цветное зрение не нужно?

— А толку от него. Главное у нас — нюх!

— Подумаешь...

— А вот ты видишь, что скоро лес кончится, а за ним стоит одинокий дом и под крыльцом дрыхнет — тоже от буфетчицы Оли словечко — какой-то бездомный человек? Это ты видишь? — повторил Гав.

— Не-ет...

— Я своим нюхом вижу. А ты уж теперь раскрашивай эту картинку в любой цвет, не возражаю.

Пальчик не нашёлся, что ответить.

Гав не ошибся. Проплутав по извилистому ручью, чтобы сбить возможную погоню с толку, они выбрались на пригорок, где за заборчиком стоял одноэтажный дом-конура с тёмным круглым окном-входом, поблёскивающим под луной.

Пошёл дождь...

Как только они тронули калитку, из-под крыльца выбрался какой-то невысокий голодранец. Он мигом надел на себя ошейник и, бренча цепью, стал что-то орать на непрошенных гостей.

Но Гав зарычал, и тот притих. Наверняка в доме никого не было, и сторожевой человек чувствовал себя неуверенно в одиночку. Тем более любая собака была для него каким-то высшим существом. Поэтому он, вероятно, и захотел отыграться на своём малорослом соплеменнике Пальчике, не представляющем никакой угрозы, когда вдруг замахнулся на него дубинкой. Но Гав заслонил собой мальчонку и вновь

рыкнул. Человек заскулил, униженно оправдываясь, и посторонился, пропуская их под крыльцо.

Здесь было сухо и мягко. Земля застелена травой, в уголке — миска с большой костью. Голодранец, мгновенно юркнув за ними, спрятал кость в охапке сена.

Дождь, усиливаясь, забарабанил по настилу над головой.

— Хорошо, что дождь, — поёжился Пальчик. — Есть такой фильм «И дождь смывает все следы».

— Пусть смывает, — кивнул Гав.

— Жалко его, да? — поглядел на человека Пальчик. — Собачья жизнь...

— Понятно, жалко. Да только не поэтому. Собачья жизнь тоже разная бывает. Вот у тебя — я жил неплохо. А бывает, приманят летом хозяева бездомного пса, он приживётся на даче, полюбит их, станет нести верную сторожевую службу... Придёт осень, они его бросят и уедут себе в город. А он их ждёт, тоскует и надеется, что вернутся: сегодня, завтра, послезавтра... Ты что, разве не слышал про такие случаи?

— Слышал. Так ты думаешь, он — тоже?... — голос у Пальчика упал.

— Не я так думаю, а так оно и есть, — Гав почесал голодранца за ухом.

Человек добродушно и благодарно заулыбался.

— А что если их всех-всех к нам? — вдруг загорелся Пальчик. — Найдём лифт и... и постепенно всех перевезём! Гениально, да?

— Угу, — с иронией кивнул Гав. — А там их в дурдом, да?.. Бывал я там — во дворе, конечно, — уточнил он. — Нет, Пальчик, у вас своя жизнь, у них своя. Они только с виду на вас похожи, а так они вроде ваших собачек. Тут, Пальчик, другой мир, как на другой планете.

— А, говоришь, телевизор не смотрел? Не из книг же ты о планетах знаешь? — раздосадованно сказал Пальчик.

— Не из книг, — согласился Гав. — От буфетчицы Оли. Она однажды вывела настырного клиента на улицу, показала на далёкие звёзды и заявила: «Только вон там, гав-гав, на дальних планетах, куда тебе, оглоеду, лететь миллионы лет и не долететь, только там, запомни, сливки не разбавляют, если они там есть!»

— А тот? — невольно улыбнулся Пальчик.

— Согласился.

— С чем?

— Пить её сливки. Потому что туда, куда она показывала, очень уж далеко, — важно разъяснил пёс.

— Значит, им никак помочь нельзя? — жалобно оглянулся на голодранца Пальчик.

— Не знаю...

— Я подумаю, — серьёзно сказал мальчуган. — Посоветуюсь с родителями.

— Во-во, — кивнул Гав. — Пусть у них голова болит. У них она больше.

Брошенный дачный человек забился в сено и заснул.

— А знаешь, — задумчиво произнес Гав, — ты мне подал интересную мысль.

— Какую? — сонно пробормотал Пальчик. Его тоже тянуло в сон под неумолчный, говорливый перестук дождя.

Уже сквозь сон он слышал что-то о переселении бездомных собак из их города сюда, на «шестой этаж», — грандиозный план, задуманный Гавом. А что, собаки здесь как-нибудь приспособятся, судя по нему, Гаву! Они могут, как видишь, разговаривать с местными псами, и, когда они переселятся, то Гав сделает... Но что именно тот сделает, Пальчик уже точно не услышал — он окончательно заснул.

Ему снилось, что он выступает вместе с Гавом у себя в цирке... А потом — наоборот: Гав показывает дрессированного человека — Пальчика! — в местном цирке! Под восторженный лай всего зала он складывает на арене большие кубики с чужими буквами в какие-то собачьи слова, делит и умножает цифры и даже кружится на четвереньках, подвывая под популярную мелодию «Собачьего вальса».

«Ужас! Приснится же такое!» — подумал он, просыпаясь утром. И, оказавшись на подстилке под дачным крыльцом, ясно ощутил, что сон не так уж далёк от теперешней жизни.

Мягкий солнечный свет падал от входа, Пальчик посмотрел на всё ещё спавшего подкрылечного «хозяина» — теперь его можно было разглядеть, как говорится, воочию. Из-под сена торчала голова с всклокоченны-

ми волосами: лоб без единой морщинки, пухлый рот, пробивающиеся над верхней губой усики... Ему было никак не больше шестнадцати лет, а по собачьим меркам, наверно, не выше трёх. Он жалобно заскулил во сне — очевидно, снилось что-то местное, жестокое.

Пальчик вдруг вспомнил о Гаве — пса не было — и поспешно высунулся из-под крыльца.

Слава Богу, вот и он! Гав бежал от ручья, останавливался, встряхиваясь всем телом, и вокруг него вспыхивали радужные водяные брызги. Уже искупался?

Приятно, не по-осеннему, припекало солнце, и мир вокруг был такой безмятежный, как наевшийся рыбы большой и пушистый рыжий кот.

— Я всё разведаль, — доложил пёс. — Нашей машины нет. Вот видишь, её всё-таки нашли. Погони тоже нет, иначе бы нас давно сцапали. Да, а ты был прав, я увидел по следам: ищейки потоптались у ручья, гав-гав, и ушли.

— Ура! — прошептал Пальчик, оглянувшись на спящего хозяина.

— А ты не радуйся, — заметил рассудительный Гав. — Возможно, наши приметы раздали всем постовым.

— Ну мой-то ладно. А тебя толком никто и не видел.

— Оболтус, дурень, болван, глот с оглоедом впридачу! Это не я, а буфетчица Оля, — как бы извинился Гав. — А носовые приметы? Приметы запаха? Неужели не знаешь, что каждая тварь имеет свой запах?!

— Ну знаю... А как же они эти «носовые приметы» собрали и раздали? В скляночках? — съязвил Пальчик.

— В бутылочках, — ответил Гав. — В письменном виде, дурачина. Вот, скажем, ты — пахнешь страхом, кожей коричневых ботинок, домом родителей, тюрьмой — это я приблизительно называю твой особый запах. Для него нет названия, кроме двух слов.

— Каких?

— Запах Пальчика.

— А твой — Гава?

— Именно. Весь твой запах они, конечно, передать по постам не могли, но его приметы запросто сообщили. Достаточно запахов страха и тюрьмы.

— Я и так приметный. Ну, а с тобой как?

— А у меня приметы — подозрительной личности, напавшей на тюрьму, угонщика грузовика и напарника того самого бродяги, который пахнет тюрьмой и страхом. То есть тебя! Понял? Гав-гав! — распалился пёс.

Услышав громкий лай, голодранец тут же раскрыл глаза и полез было из сена, но, увидев вчерашних незнакомцев, тяжело вздохнул и снова лёг. Верно, он спросонья подумал, что наконец-то вернулись его хозяева.

— А чего ты мокрый? — спросил Пальчик пса и вылез из-под крыльца наружу.

— Я ручей переходил.

— Но он же мелкий, а ты весь-весь мокрый!

— Что мне, умыться нельзя?

— Полностью?

— По-другому я не умею. Я не кот, — обиделся Гав.

— А разве вы умываетесь?

— Мы умываемся. Если меня сегодня утром вдруг потянуло умыться, значит здесь, — подчеркнул Гав, — принято умываться. Кстати, твои родители тоже принимают ванну. Всю! — уточнил он. — А не споласкивают одну только рожу, как ты, лентяй.

— Опять буфетчица Оля?

— Нет, на этот раз — я.

— А «рожу» откуда ты взял? — хмыкнул Пальчик.

— Да ты сам на второй день, как привёл, похвалил меня маме: «Нет, ты посмотри, какая у него приятная рожа!»

— Это я образно...

— И я образно, — отрезал пёс. — Что, съел?

— А вот съест я бы что-нибудь съел, — мечтательно произнёс Пальчик.

— Ну, с тобой-то проще, — серьёзно заявил Гав, — там у нашего хозяина я где-то кость видел.

Ничего не попишешь — везде свои порядки. И Пальчик его торопливо остановил.

— Неудобно. Последнее отнимать? Мы же в гостях, — схитрил он.

Гав почесал задней лапой затылок:

— М-да. Действительно...

— А что здесь сами собаки едят? — поинтересовался Пальчик.

— Да всё, что и вы там, у себя.

— Я бы с удовольствием съел то, что вы едите здесь.

— Ха-ха... А я бы с удовольствием съел то, что вы едите там.

Они засмеялись.

— Ты не волнуйся, — добавил Гав. — Я не жадный, как и ты. Уж поделился бы с тобою объедками.

Пальчик молча проглотил обиду, пёс был по-своему прав.

— Как же мы теперь в город вернёмся? До темноты переждать?

— Тоже опасно, — задумался Гав. — Вдруг ищейки вернутся и начнут здесь рыскать повсюду!.. Ну, а с одеждой твоей... — не договорив, посмотрел он на Пальчика.

И заставил его переодеться, вывернув всё наизнанку. Правда, с башмаками — даже самому Гаву! — это никак не удалось совершить. И он великодушно разрешил оставить их в прежнем виде.

— Хорошо бы постричь тебя наголо, — вслух размышлял он, прохаживаясь вокруг преображённого мальчугана.

Пальчик наотрез отказался.

— Всё равно нечем, — отмахнулся Гав. И вдруг с интересом посмотрел на окно дачи. — Можно разбить окно и постричь тебя кусочком острого стекла — волосинку за волосинкой.

— Не буду: волосинку за волосинкой! — отказался Пальчик. — Знаешь, у нормального человека их сколько?

— Сколько?

— Не сосчитать! — выпалил он, безуспешно пытаясь вспомнить.

— Так то у нормального, — ухмыльнулся Гав. — А мы — пучком, пучком...

— И пучком не буду. Тебя бы так — пучком!..

— Меня ни к чему. Моих внешних примет у них, по-моему, нет, — сказал пёс. — Ладно, оставайся таким, как есть. Вот мама обрадуется, увидев тебя!

— Да уж обрадуется, держи карман шире, — уныло оглядывал себя Пальчик.

— Обрадуется, обрадуется, — твердил Гав. — А теперь надо отбить твой собственный запах.

— Отбить? Мой?! — вздрогнул Пальчик.

— И мой, — кивнул пёс. — Мой надо ещё сильнее отбить. На моей совести преступлений больше. Только две разбитые машины чего сто́ят!.. Чем бы отбить? Чем? — сокрушался он, вертя головой по сторонам.

— Вон, дубинкой, — насмешливо посоветовал ему Пальчик, кивнув на сторожевую палку гостеприимного «хозяина».

— Можно! — обрадовался Гав. — Сначала я побью тебя, потом ты — меня. И что мы получим? Мы получим, — довольно потёр он передние лапы, — запахи боли, побоев, огорчения, стыда, синяков, ссадин... — перечисляя, загорелся он. — Эта дубинка отлично отобьёт любой личный запах. А ты умён! Не ожидал, — похвалил он мальчугана.

— Нет, я глуп, — поспешно запротестовал Пальчик. — Лучше не надо. Учти, будет больно, — предупредил он.

— Ради нашего спасения можно и потерпеть. И так, за дело! — Он схватил дубинку. — Другого выхода нет.

Пальчик втянул голову в плечи.

Гав привстал на цыпочки, размахнулся и вдруг застыл, ловя носом ветерок.

— Так. — Он отбросил палку в сторону, мальчуган облегчённо вздохнул. — Верхнее чутьё никогда меня не обманывало.

Он унёсся куда-то в чащу травы, и Пальчик поспешно спрятал дубинку в лопухах, наивно надеясь, что пёс её не найдёт или по крайней мере забудет, если она не будет торчать на глазах.

Гав вернулся с большим пучком каких-то растений. Даже Пальчик, у которого не было ни верхнего, ни нижнего чутья, почувствовал их особый запах.

— Мята! — догадался он. Мама иногда клала её в разные приправы.

— Нет, я не мял. Я срывал осторожно, — возразил пёс.

— Называется так — мята!

— Глупое название. Это, — он показал на пук, — еще не мята. А вот теперь, — он азартно помял растения, — мята! Уж она-то отобьёт запах получше любой дубинки!

Из-под крыльца, потягиваясь, выбрался «хозяин» и удивленно уставился на своих гостей. Впрочем, тут любой бы изумился, увидев, что они натирают друг другу одежду и шерсть пучками какой-то травы, запихивая её даже в карманы и надевая на головы что-то вроде травяных венков.

Взглянув на «хозяина», Пальчик с грустью отметил, что на шее у него висит размочаленный обрывок верёвки.

— Может, снять с него верёвку? — спросил Пальчик, напоследок поправив венки на голове пса.

— Ты что? Это вроде документа, пусть неважного, а всё же. Сразу видно, что хоть какого-то хозяина когда-то имел и, может быть, потерялся. Тебя вон даже с ошейником заловили. А то и пристреливают бродячих прямо на улице! Смотря на кого нарвёшься.

— Это уж точно, — вспомнил Пальчик второго чёрного терьера, который посочувствовал ему в парке. — Эх, бедняга, — подошёл он к голодранцу и хотел было погладить его по руке.

Но тот отскочил и заворчал на него, а затем, умильно улыбаясь, подбежал к Гаву и низко склонил кудлатую голову. Пёс стал с доброй улыбкой ерошить ему волосы. Если бы у человека был хвост, он сейчас бы завилял им всю.

И Пальчик неожиданно вспомнил, что мы сами подчас больше жале-ем собак, чем людей. Тому же псу часто находим и доброе слово, и ласку.

Даже с родителями мы не так мягки и открыты всей душой. И нередко огрызаемся, когда нас хотят по-доброму пожалеть, считая это излишним сюсюканьем. А вот собаки чутко отзываются на ласку. Так что и подкры-лечного «хозяина», и Гава можно было понять.

— А он здесь не пропадёт? — сказал Пальчик.

— Проголодается, убежит в город. Он ещё молодой. Может, его кто-то и пожалеет. Возьмёт к себе, вымоет, как меня твоя мама, и живи! — беззаботно откликнулся Гав.

— А давай сами его вымоем, — предложил Пальчик. — Тогда он кому-то больше понравится!

— Ну, я не знаю... — Гав добродушно оттолкнул приставалу, и тот ушёл под своё крыльцо. — А вдруг он кусается?! Тебя-то он точно цапнет, не сомневайся. Если б тогда меня вздумала мыть не твоя мама, а какая-нибудь дворняга, я бы ей задал жару!

— Ну и помой его сам.

— Хитрый какой! Не слажу я с ним, он больше меня, — отказался Гав. — Ещё вырвется, удерёт, и ищи-свищи. А так у него тут всё же ка-кой-то дом.

— Ты же сам говорил: может, он кому-то понравится, его возьмут, выкупают...

— Э-э... — протянул пёс. — Тогда-то он сопротивляться не будет, как и я у вас. Когда тебя к себе берут, это сразу чувствуется. Можно и потерпеть, раз у вас такие дикие причуды — мучить живую тварь горячей водой да ещё с мылом!

— Убедил, — согласился Пальчик.

— Пошли? — сказал Гав.

— Пошли. Только...

— Там видно будет, — решительно оборвал его пёс. — Слышал пословицу: смелость города берёт?

И на всякий случай привязал к ошейнику, который Пальчик так и позабыл снять за это время, новый гибкий прут лозины.

Они пошли, благоухая мятой на всю окрестность.

Голодранец, высунув голову из-под крыльца, грустно смотрел, как Гав ведёт Пальчика на поводке в сторону города.

Они оглянулись и помахали ему на прощание: рукой и лапой.

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ

Выехать вчера из города было легче, нежели сегодня войти. Поперёк дороги был установлен полосатый, как палка регулировщика, шлагбаум. И двое бородатых чёрных терьеров с повязками, прежде чем кого-нибудь впустить или выпустить, свирепо обнюхивали каждого. Один из них, явно туповатый малый, то и дело сверялся с какой-то бумажкой, а уж затем нюхал.

«Нас ищут, — ёкнуло сердце у Пальчика. — С приметамы сравнивают».

Он замедлил шаг, но Гав смело потащил его за собой. Туповатый терьер сунулся к ним, но второй облаял его и поднял шлагбаум, пропускающая путников.

— Что он сказал? — спросил Пальчик, когда опасность миновала. Теперь он уже не отставал, а, напротив, тянул пса вперёд.

— Он сказал: «Пропусти деревенщин! Не чуешь, что ли? Сельские жители! Этот запах ни с чем не спутаешь, прямо с ног валит!» — уже привычно процедил Гав сквозь зубы, не выпуская прут-поводок.

— Вот видишь, а ты хотел из нас отбивную сделать, — заулыбался Пальчик.

— От большой отбивной я бы не отказался, — причмокнул пёс. — И от маленькой — тоже.

— С лучком, с перчиком, с чесночком!

— Фу! Какие жуткие вкусы! Запомни, дружок: лучок, перчик и твой чесночок добавляют только в несвежую пищу, чтоб никто ничего не почувствовал.

— Но моя мама именно...

— Не знаю, как твоя мама, а буфетчица Оля именно так говорила. А она в своем кафе много лет работает, уж она-то знает, — заявил пёс. — Я сам однажды попробовал, потом чихал и долго свой нос в холодной луже держал, чтобы не свербило. На неделю нюх потерял!

— Ничего ты не понимаешь. Это произошло исключительно потому, что у вас тонкий нюх, а у нас нет. А перец с чесночком...

— Так бы сразу и говорил, — перебил его Гав, — что нюха нет. А ещё спорит.

Пальчик только ладошкой махнул: пса не переубедишь. Хорошо, что дома у них он такой молчаливый. Не то б до белого каления маму довёл, если б вмешивался в её кухонные дела. На кухню даже папа со своими советами побаивается заходить, когда она готовит. Однажды она заставила его целый час лук резать, пока он, раскаявшись, все слёзы не выплакал.

Не подумайте, что Пальчик и Гав теперь полностью забыли про опасность. Они не торопились и настороженно поглядывали по сторонам, нет ли поблизости чёрных терьеров. Спешить, а тем более мчаться стремглав, было нельзя — это могло привлечь внимание.

Они шли по улице с широкими газонами, — очевидно, центральной. Кое-где в землю были воткнуты круглые щиты с изображением человеческого силуэта, перечёркнутого крест-накрест.

— Сэр, — видимо, снова заговорила в Гаве его «родословная», — хоть здесь вроде бы и мой мир, но я никак не соображу, что это за знаки такие.

— Обычные знаки, — вздохнул Пальчик. — У нас такие же есть, только против вас. А эти запрещают выгуливать по траве нас. Теперь сообразил?

— Кого — нас? — уточнил Гав.

— Нас, людей. Надень очки!

— Ах вас?! — довольно хмыкнул Гав. И сразу пошёл по траве, ведя его по тротуару. — Приятно чувствовать себя господином. Хоть раз выгуляю себя по-человечески.

Пальчик предупредил, что, возможно, даже и собакам здесь это запрещено. Но Гав ответил, что нижнее чутьё говорит ему совсем о другом. А с нижним чутьём не поспоришь.

Город уже не удивлял Пальчика, за эти два дня он всякого навиделся.

Однако многое для него было странно. За столиками кафе, выставленными прямо на тротуар, сидели гурманы — королевские пудели, курцхаары, шпицы, эрдельтерьеры и другие породистые особы. Беспородные, заметил он, держались отдельно. В основном они были обслугой: официантами, шофёрами продуктовых машин, дворниками... Породистые холеные собаки, развалившись в ажурных креслах, ели длинными мелкими ложками поросячий фарш, смешанный с яичным желтком, из глубоких прозрачных мисок, а на десерт смаковали изысканное блюдо: «мороженое мясо». Об этом, глотая слюнки, сообщил Пальчику Гав, которому про всё, в свою очередь, поведал его чуткий нос. А пили «аристократы» исключительно безалкогольные напитки. Гав рассказал, как он ещё в детстве вылакал у киоска лужицу пролитого пива: у него отнялись задние лапы, он полз, оглядываясь и глупо лая на них, потому что они его не слушались.

— Поучительная история, — строго взглянул он на Пальчика, словно подозревая, что в будущем тот непременно начнет попивать.

Первых блюд никто из породистых собак не ел, и ничего горячего — тоже. Трескали — по выражению Гава, позаимствованному известно у кого, — только холодные закуски, чему, наверно, позавидовали бы многие человеческие дети. Иные оригиналы ещё и смачно хрустели сочными морковками, яблоками, капустными кочерыжками и малосольными огурцами. Впрочем, как и у нас.

Расплачиваясь, клиенты небрежно швыряли на стол монеты:

— Сдачи не надо! Оставь на кости, — это напоминало наше выражение: «на чай».

Пальчик заметил, что никто не курит.

— Отбивает нюх, — пояснил Гав. — Как нижнее, так и верхнее чутьё!

— А среднее бывает? — поддел его Пальчик.

— Средними бывают только люди, — парировал Гав. — Индусы, например.

— Кто?..

— Не помнишь, что ли, твой папа зачитывал маме из газеты: «Средний индус съедает в год четыре яйца»!

Пальчик опять не стал с ним спорить, всё равно ничего не докажешь. Поддёргиваемый «поводком», он свернул за Гавом в боковую улицу. Здесь вместо чистеньких нарядных кафе потянулись обычные грязноватые харчевни для беспородных собак. В отличие от породистых, те были не столь разборчивы в еде. Официанты подавали им всякие жилистые обрезки, хрящи и кости. Зато вопреки собачьим правилам они налегали на какую-то явно хмельную бражку — задние конечности у них и впрямь отказывали подчас полностью. И если кто-то умудрялся упасть под стол, то быстро подъезжал фургон, ловкие шавки хватали бедолагу за хвост и швыряли в кузов.

— В тюрьму? — посочувствовал Пальчик.

— Судя по запаху от фургона, — шевельнул носом Гав, — их повезут в баню.

— Повезло, — удивился Пальчик.

— Ага, — кивнул пёс. — Их там моют брандспойтами. — Он снова понюхал и дополнил: — Под большим давлением.

Пальчик вспомнил, как пёс-хозяин поливал из пожарного шланга трёх цепных людей, и задумчиво сказал:

— Интересно, кто у кого тут пить научился, люди у собак или собаки у людей?

— Ничего интересного, — отрезал Гав. — И запомни: там, у нас, собаки не пьют, хотя про иных клиентов буфетчица Оля и говорит: «Пьёт, как собака!» Поэтому сделай выводы сам.

— А мы правильно идём? — забеспокоился Пальчик, которому не хотелось делать обидные для людей выводы.

— Скоро доберёмся. Верхнее чутьё говорит... — важно начал Гав.

Внезапно у идущей впереди пекинесы развязался шнурок на талии, и на землю, тихонько звякнув, упал кошелёчек. Она, не заметив, переступила через него задней ногой, продолжая оживлённо тараторить с подружкой-бульдожкой. Пальчик мгновенно поднял кошелек и протянул его владелице. Она вежливо протявкала что-то — вероятно, «спасибо» — не ему, конечно, а хозяину Гаву, а затем вдруг раскрыла кошелёк. «Вот удача! — подумал Пальчик. — Хочет наградить за находку. Может, тогда хоть морковки поедем?» Но пекинеса, наоборот, молниеносно пересчитав монетки, вдруг нервно забрехала: а где, мол, остальные? Немедленно верните! Гав-гав-гав!.. Ей пронзительно подвывала приятельница-бульдожка.

На их брехню и ругань заспешил чёрный терьер — постовой.

— Бежим! — вскрикнул Гав и, выпустив «поводок», закинул себе Пальчика на спину.

Схватившись от неожиданности за его уши, тот вихрем поскакал на нём, словно на коньке-горбунке. Что тут началось! Все повыкатывали глаза и поразевали рты. Виданное ли дело? Это всё равно, что где-нибудь у нас по улице пронёсся бы пёс верхом на человеке!

К счастью, всего лишь несколько секунд понадобилось беглецам, чтоб очутиться в заветном парке, — никто даже опомниться не успел.

— Покатался, и хватит, — Гав взбрыкнул, сбросив седока на ворох листьев. — Ну, что я говорил? Мигом добрались! Верхнее чутьё меня не обмануло, — и он важно повёл лапой вокруг. — Видишь?

Пальчик узнал и забор, и калитку, и аллею.

— За мной! — помчался Гав дальше. Пальчик заспешил следом.

Они быстро свернули туда, сюда, влево, вправо...

Кабина лифта!!!

Пальчик оторвал от ошейника и отбросил в сторону прут-поводок и схватил папину тросточку, подпирающую дверь. Они кинулись в кабину, закрылись, и он поспешно нажал кнопку первого этажа.

Кабина, медно позвякивая на этажах, начала опускаться.

— Спасибо, Гав, — обнял Пальчик за шею пса.

Пёс лишь что-то невразумительно проворчал по-собачьи и лизнул его в нос. И Пальчик окончательно понял, что они, наконец, у себя: Гав научился говорить.

Дома мама встретила Пальчика по меньшей мере странно — как ни в чем не бывало.

— А, это вы, — сказала она, открыв на торопливый стук дверь. — Сынок, ты что, ключ потерял?..

Пальчик недоумённо взглянул на Гава: а ты, мол, заверял — обрадуется! Гав же покосился на него так, словно говорил: а ты утверждал, что нам влетит!

Затем мама с интересом посмотрела на вывороченную наизнанку одежду сына:

— А что! Для твоего будущего номера — уж не знаю какого — наряд вполне оригинальный. Только не пойму, зачем ты ошейник себе нацепил. Что же вы не погуляли? — вдруг поинтересовалась она.

— Не погуляли?! — вскричал Пальчик.

Мама посмотрела на часы:

— Через три минуты вернулись. Ну ладно, скорей переодевайся, мой руки — и обедать. И где ты так быстро испачкался? В траве какой-то, весь мятой пропах!

Пальчик только радостно улыбался.

— Постой, — спохватилась мама. — Да ты, по-моему, у нас подросток! — позвала она.

Папа вошёл в переднюю.

— Старик, тебе не кажется, что ты растёшь? — не сговариваясь с мамой, сказал он, удивлённо глядя на сына.

Пальчик посмотрел на свои ноги. И правда, то ли брючины укоротились, то ли он вытянулся.

— Ну-ка, — папа подвёл его к дверному косяку, где одна над другой виднелись карандашные чёрточки, и сделал новую отметку. — На целых четыре сантиметра повзрослел!

— И всего за какие-то три минуты! — изумлялась мама. — Я думаю, тебе твой Гав помог. Обычно ты мало двигаешься, а теперь бегаешь с ним, как заводной.

Чудеса! Сам Пальчик был поражён ещё больше: во-первых, здесь прошло всего три минуты, а там, на «шестом этаже», — больше полутора суток; во-вторых, он неожиданно подросток на столько, на сколько раньше ему потребовалось чуть ли не два года.

Если б родителям было известно то, что знали они с Гавом! Но Пальчик решил пока молчать. Взрослые особый народ, могут вмешаться и всё испортить.

За обедом мама хотела дать Гаву котлет, но сын попросил приготовить их псу особо — без перца и чеснока:

— А то нюх слабеет.

Гав с благодарностью посмотрел на хозяина. Или это только почудилось?..

После обеда Пальчик как прилёг отдохнуть, так и проспал богатырским сном до утра следующего дня. Он не слышал, как мама раздела его и протёрла влажным полотенцем лицо, руки и ноги; не видел, как купали и мыли земляничным мылом повизгивающего чумазого Гава; не чувство-

вал, как потом ночью пёс потихоньку перебрался к нему на постель со своего тюфячка, — спал, и ему снился «шестой этаж», всё, что пережили они с Гавом.

И поэтому утром Пальчику уже казалось, что все их невероятные приключения ему, наверно, приснились. Благоухающий клубничным запахом пушистый Гав лежал поверх одеяла в ногах постели. На стуле аккуратно висел выглаженный костюмчик. На полу стояли начищенные башмаки.

Пальчик встал и взглянул в зеркало. Там отражалась его чистенькая припухшая со сна рожица. Никаких следов вчерашних походов!

— Гав! А тебе что снилось?

Пёс бросился к нему, запрыгал, завертел хвостом. Что-то залаял и, конечно же, не сказал ни единого слова. Пальчик торопливо оделся, нащупал в кармане ключ и выбежал вместе с Гавом из квартиры.

В лифт они попасть не успели. Какой-то дядька прямо перед их носом гулко захлопнул дверь и поехал вверх. Пальчик внезапно прильнул к стеклу двери — одинокий жёлтый лист, кувыркаясь, слетел с крыши удаляющейся кабины. Увеличиваясь, он планировал всё ниже в лифтовой шахте, пока не очутился за стеклом прямо перед лицом мальчугана.

— Видел, Гав?! — воскликнул Пальчик.

Пёс стоял рядом, опираясь передними лапами на дверь, и тоже смотрел на падающий за стеклом осенний лист. Они невольно оглянулись на открытую дверь подъезда: на дворе стоял зелёный летний июль.

Теперь не надо было и проверять...

ПРОЩАЙ, ГАВ

Целую неделю Пальчик не подходил к лифту. Нет, он не забыл о нём. О таком не забывают. Да и нам не следует забывать, что ему было всего восемь лет. Он просто... боялся. Да-да, боялся. Будь он обычным мальчишкой, он бы, не задумываясь, собрал ораву сорванцов — и давай! И пошло бы, и поехало бы, только держись!.. Но хотя он и подросток на три сантиметра — четвёртый, как оказалось, папа щедро прибавил, — он всё же по-прежнему оставался Пальчиком. Робким мечтательным мальчуганом, несмотря на свой бойкий язычок. Впрочем, бойким он бывал иногда и только со взрослыми.

Ему так хотелось снова подняться на «шестой этаж»! Можно было, конечно, позвать с собой папу — с ним не страшно. А если и папу там схватят?.. Можно даже пригласить и милиционера — да что там одного, всё 14-е отделение милиции, — так ведь ещё неизвестно, как обернётся дело. Вдруг это вызовет «войну» этажей!.. Нет, тут нельзя было поступать с бухты-барахты.

Но самое главное — на восьмой день Пальчик неожиданно узнал, что не всякому дано подниматься на «запретные этажи». Совершенно случайно он увидел и услышал, как один привереда мальчонка, войдя в кабину

лифта с бабушкой, подпрыгивал, не доставая до кнопок, и требовал нажать на шестую кнопку.

— Она перечёркнута. В нашем доме только пять этажей, — внушала ему бабушка.

— Нажимай! — приказывал малолетка.

— А вдруг лифт сломается?

— И пусть!

— Мы можем застрять между этажами.

— Всё равно! — твердил он.

Пальчик с беспокойством увидел через стекло, как бабуся осторожно нажала на шестую кнопку. Кабина даже не шевельнулась.

— Ты слабо надавила!

Бабушка нажала опять. Снова бесполезно.

— Дай я! — потребовал внук.

Она приподняла мальчонку, и он надавил сам — поочерёдно на все перечёркнутые верхние кнопки. Кабина по-прежнему стояла на месте. Тогда он нажал на четвёртую, и они уехали вверх.

Вероятно, лифт слушался только лишь тех, кто искренне верил в его волшебные свойства. Другого объяснения нет. Но, может быть, кабина теперь и его, Пальчика, не послушается? Что было, то прошло? И было ли? Снова одолели сомнения. Вдруг тот жёлтый лист занесло ещё прошлой осенью со двора в лифтовую шахту и теперь он просто слетел с кабины? Тогда, значит, все чудеса действительно приснились! Это надо было непременно проверить. И обязательно вместе с Гавом. Если всё — правда, то можно опять угодить в беду, а без верного пса, пожалуй, и вновь не выпутаться.

В последнее время Гав стал вести себя странно. На прогулках, оставляя хозяина, он подбегал ко всем бродячим собакам и о чём-то подолгу перетявкивался с ними. Часто приводил хвостатых бездомных скитальцев к ним во двор, и они нередко собирались прямо у подъезда Пальчика.

Папа удивлённо говорил, что с некоторых пор их двор напоминает псарню. А древняя бабка со второго этажа даже вызвала как-то собачников. Им удалось схватить только двух псов, остальные разбежались. Да и тех Пальчик потихоньку выпустил из фургона, незаметно открыв решётку. Собачники убрались восвояси не солоно хлебавши, но проблема всё равно осталась. Бездомные собаки по-прежнему навевались во двор. Пальчик догадывался, что всё это каким-то образом связано с Гавом. Уж очень у него был деловой вид, да и недаром он шептался с четвероногими бродягами.

Но постепенно собак и во дворе, и в окрестностях становилось меньше и меньше. И древняя бабка со второго этажа дошла в своей вздорности до упрямого утверждения, что по ночам, когда она от бессонницы целыми часами глядит во двор, там творится что-то несусветное! К ним в подъезд выстраивается собачья очередь, собаки заходят одна за другой, но, заметьте, ни одна не выходит! И что ещё? Войдут, а потом слышится гул лифта. Вероятно — так решила бабка, — они устроили тайный

ночлежный притон на чердаке. По её скромным подсчетам, там их теперь скрывается не менее 532—534!..

Милиции пришлось проверить настойчивые жалобы. Чердак, как и следовало ожидать, оказался пуст. После этого на бабу махнули рукой, хоть она и продолжала твердить прежнее.

А вскоре в городе исчезли все бездомные псы. Вот этого уже никак отрицать нельзя. Раньше они крутились на набережной, у столовых и кафе, и даже возле ночного бара. А теперь — ни одного, кроме тех, кто на законном основании и на поводке семенит рядом с хозяином или хозяйкой.

Так вот, после того, как по необъяснимой причине в городе не осталось ни одной бездомной собаки, Пальчик и взял Гава с собой совершить проверочную поездку в кабине лифта. Они вошли, закрыв за собой двери, и он опять несмело нажал папиной тросточкой на шестую кнопку.

И кабина опять поехала. Второй... третий... четвёртый этаж...

Следующий — цифра на дверном стекле пятого этажа поползла вниз и скрылась.

Шестой!

— Приехали! — воскликнул Гав. — Долгонько же ты собирался. — И распахнул двери в парк.

Пальчик снова не решился выйти, медля, как и в прошлый раз.

— Правильно, оставайся, — посоветовал Гав. — Это мой мир. Наш, собачий. Пусть он нелеп и, возможно, жесток, но другого для нас нет.

— Ты меня оставляешь? — пробормотал Пальчик.

— Не огорчайся... Ты неплохой паренёк, но ты еще маленький. И многого не понимаешь. Слушай, — пёс вдруг озорно улыбнулся и вновь стал тем прежним Гавом, — а старуха-то, со второго этажа, дошла, как сказала бы буфетчица Оля. Это я научил собак по ночам сюда переселяться.

— И они сами на лифте ездили?

— Пара пустяков, и того меньше — пустяк. Что ж, по-твоему, собака глупее зайца?

— А почему — не жирафа? — хмыкнул Пальчик.

— Говорят же: если зайца бить, он спички зажигать научится. А если собаку не кормить да без жилья оставить, она даже улицу на зелёный свет перебегать додумается. Жизнь чему хочешь научит. Особенно плохая, голодная и холодная. Прощай, Пальчик! Я тебя буду вспоминать...

— Прощай, Гав... Я буду скучать без тебя...

— Я тебе сразу напишу письмо, когда устроюсь.

— А как?..

— Лапой. И положу на крышу кабины.

— Так ты умеешь читать и писать?

— Здесь я чего только не умею! Помнишь — даже машину водить.

Внизу кто-то застучал, негодую на задержку лифта.

— Закройте дверь, наконец! — донёсся снизу возмущённый голос. — Безобразие!

Гав неожиданно встал на задние лапы и выкрутил когтями кнопку шестого этажа:

— Чтобы никто сюда не ездил. Ты не обижайся. Это не против тебя. Та же бабка может привести сюда собачников, если, не дай Бог, докумекает.

Пальчик забыл сказать ему о том, что не всякий может попасть на запретные этажи. Но ведь кто знает, заказана ли сюда дорога и собачникам?!

— А как же ты станешь посылать мне письма?

— Вызову кабину. Кстати, ты напрасно тогда подпирал тросточкой входную дверь — на ней же есть кнопка вызова лифта, — Гав выскочил в парк. — Прощай, Пальчик! — повторил он.

— Прощай... — повторил его бывший хозяин и поехал вниз.

Пятый... четвёртый... третий... второй...

Пальчик вышел на своём первом этаже, виновато взглянув на незнакомого невероятно пузатого толстяка.

— Катаются тут всякие, — пробасил тот. — Лифты портят!

— Портят, — не выдержал Пальчик.

— Есть, которые портят, — обиделся пузан, боком пролезая в кабину. — А есть, которые портят. Ты из вторых.

— А вы из первых, — сказал Пальчик, потому что лифт не пошёл: явная перегрузка.

Толстяку пришлось выйти и топтать пешком.

А Пальчик всё стоял. Затем кабина уехала. Он с надеждой посмотрел вверх: может, это вызвал Гав. А что? Здесь прошла всего пара минут, а там — целый день.

Кнопка погасла, никто не сел, он нажал её — кабина опустилась вновь. Так и есть! Сердце Пальчика забилося — над крышей лифта торчал угол конверта!

В конце концов раздвижной папиной тросточкой ему удалось сбросить его сверху и поймать. На конверте красовался адрес, написанный от руки, то есть от лапы, печатными буквами: «Первый этаж, квартира 1. Моему другу Пальчику».

ПИСЬМО ДРУГА

«Троекратное гав-гав!

По-прежнему удивляешься, что я грамотный? У нас, на шестом этаже, мы и сами ещё не знаем всё, на что мы способны. Да что я тебя убеждаю? Ты и сам знаешь, что даже у вас первой в космосе побывала собака, а не человек. Лайка! Лай-ка — понял? Её имя означает: «попробуй скажи». И она облаяла весь земной шар сверху и снизу, облетев вокруг него.

Но лучше я расскажу о нашей собачьей жизни. Все мои бездомные сородичи, которых я сюда переправил, удачно устроились на работу на новой фабрике по индивидуальному изготовлению ошейников для двуногих друзей. К нашей собачьей радости, здесь обитают бродячие стаи,

которые тоже не имеют паспортов и слоняются с места на место: сегодня здесь, завтра там. И власти приветствуют тот факт, когда какой-нибудь бродяга берётся за ум и поступает на работу. И никто не спрашивает, откуда ты взялся. Да и все мы, пришлые, про это — молчок! Любому бродяге сразу же выделяют в общежитии конуру со всеми удобствами, паёк и монетки, по вашим деньгам — рублей пять, на развлечения: собачьи бега, собачьи вальсы и колбасу «собачья радость». Есть возможности и для роста: кто много работает, тот больше ест, а значит — растёт. Если не может вверх, то может вширь.

Ну, а я устроился лучше всех. Помнишь дачу, где мы ночевали под крыльцом? Как и у вас, здесь нужны сторожа. Я разыскал хозяев дачи, и они наняли меня сторожить их загородный дом. А в помощники я взял того голодранца. По твоему совету, я его искупал в ручье, теперь-то он на радостях, что пристроился, и пикнуть не посмел. Живу в самом доме, а помощнику, помня чуткость и отзывчивость твоей мамы, постелил тюфяк в передней. Работа моя сезонная: осенью, зимой и весной. Летом хозяева будут здесь жить сами. Планы на будущее такие: оставлю им своего помощника, разыщу любую бродячую стаю и до новой осени стану путешествовать по родному краю, пока не растрясусь, по словам буфетчицы Оли, поднакопленные деньжонки. Такая жизнь по мне!

Береги своё здоровье, хорошо учись в школе, не огорчай меня и своих родителей. Врать, понятно, плохо, но ты всё-таки соври им, что, мол, нашёлся мой прежний хозяин и на коленях упросил вернуть меня ему. «На

коленях» — хорошо сказано, а? Дорогой сэръ, родители сразу растрогаются! Смело передавай им моё спасибо за их заботу: всё равно не поверят, зато спасибо-то всё равно получают. Их малиновое мыло — до сих пор этот запах ничем отбить не могу — сыграло решающую роль в том, что меня взяли в сторожа. Хозяева, как только увидели и нюхнули, враз решили, что я ещё тот чистоплюй, как сказала бы любезная буфетчица Оля, и что на такого можно вполне положиться. При таком, мол, типе, как я, беспокоиться за чистоту на даче не придётся. А то у них был раньше сторож, неделю посторожил, а потом пришлось три дня вымывать брандспойтами дом внутри. Вот и все главные новости.

Твой четвероногий друг — Гав-Гав. Одного «Гава» для меня здесь маловато, я всё-таки при службе. Кстати, мне так и выдали документ на имя «Гав-Гав». В переводе на ваш язык оно означает примерно: Пёс Пёсов или Пёс Собаков.

Крепко жму твою лапу!»

Пальчик был очень растроган и рад письму Гава. Извините, Гав-Гава. Особенно тому известию, что Пёс Собаков благополучно устроился и не забыл о подкрылечном «хозяине».

Конечно же, Пальчик передал его благодарность папе и маме, на что они, улыбнувшись, тоже сказали: «Спасибо». И хотя они, может, и не поверили, но «спасибо» Гав-Гава при них так и осталось. Но, как часто бывает в жизни, они поверили придуманному хозяину, который забрал-де своего пса. И огорчились, они уже привыкли к собаке.

— Ты не расстраивайся, — сказали они сыну. — Хочешь, мы другого тебе достанем? Купим, а?..

— Другого не нужно, — грустно ответил он. — Друзей не покупают. — И задумчиво добавил: — Друзья познаются в беде...

Пальчик не знал, что после этих искренних, прочувствованных слов он вырос сразу ещё на один сантиметр.

ЧАСТЬ II

СЕДЬМОЙ ЭТАЖ

Без Гава было скучно. Новых писем он не присылал: видимо, в личной жизни ничего нового не случилось. Наверно, и у него уже наступило лето: ведь две минуты здесь — как полтора дня там. Пальчик тоже написал письмо и сумел-таки положить его на кабину лифта. А вдруг Пёс Собаков догадается, что ему может прийти ответ тем же путем. Достаточно лишь вызвать лифт на «шестой этаж».

В своём письме Пальчик предлагал: раз уж Гав будет летом свободным и собирается побродяжничать, то пусть он заедет сюда, к нему, и как бы побродяжничает и у них. Пальчик, конечно, понимал, что Псу Собакову теперь неинтересно возвращаться в собачье прошлое и гулять на поводке, но можно же в конце концов наплевать на самолюбие хотя бы денёк-другой.

Пальчик надеялся, что Пёс Собаков не выкинул вывинченную в лифте кнопку «б». Она словно ключ в другой мир, её всегда легко поставить на место. Но, если Гав её всё-таки выбросил или потерял, то как, спустившись сюда, он вернётся обратно?.. Пальчика осенило: даже в таком случае подняться на «шестой этаж» — просто. Надо нажать на кнопку «седьмого» и, когда кабина поравняется с «шестым», тут же приоткрыть двери внутрь. Кабина непременно остановится. А дальше проще пареного: открыть дверь этажа — и там!

А что если он, Пальчик, сам немножко погостит у Гава? Поднимется к нему этим самым способом, выйдет и спрячется в парке до темноты — а вдруг, к счастью, окажется там именно ночью! — потом осторожно проберётся через город, затем — через лес и ручей на ту дачу, дорога знакома.

Ну, пробудет он на «шестом этаже» один день — значит, по своему времени всего какую-то минутку. Подумаешь!

Ему и в голову не приходило посмотреть хоть краешком глаза: а что же там, на «седьмом этаже». Настолько он соскучился по другу. Это трудно понять тем, у кого никогда не было собаки.

Итак, Пальчик решил. Принимая меры предосторожности — вначале ему не везло и пришлось «кататься» на лифте с жильцами, — он, наконец-то, оставшись один, нажал на седьмую кнопку.

Промелькнул пятый этаж, начинался «шестой», и Пальчик уже

приготовился дёрнуть двери на себя, как внезапно сзади из микрофона раздался громкий голос: «Граждане! Пользуясь лифтом...»

Пальчик, вздрогнув, невольно обернулся и упустил нужный момент — кабина остановилась на «седьмом этаже».

«... предохраняйте его от порчи собой и детьми! Помните, лифт сохраняет здоровье!» — закончил свои призывы скучающий диспетчер.

Мальчуган мог, конечно, тут же надавить, ну, допустим, пятую кнопку и снова сделать попытку остановиться по пути на «шестом». Но... из-за дверей «седьмого» донеслась весёлая музыка, и он не выдержал. «Я только взгляну, — сказал он сам себе, — и назад».

Папиной тросточкой он быстро открыл двери кабины и этажа и высунул голову.

Резким порывом ветра сорвало вдруг его шляпу — она покатилась по булыжной мостовой. Пальчик бросился за ней. Оглянувшись на ходу, он увидел, что выскочил из дощатого покосившегося киоска, с окном, крест-накрест заколоченным досками. Заброшенный киоск, напоминавший тот, что стоял в парке на «шестом этаже», был зажат меж глухих стен высоких домов. Новый порыв ветра гулко захлопнул открытую дверь со стеклянной вставкой, на которой виднелась цифра «7», и бойко погнался шляпу по сужавшемуся, как бутылочное горлышко, переулку. Пальчик ещё быстрее припустился за ней.

Музыка становилась громче. Улочка круто пошла под уклон. Теперь Пальчик, гнавшийся за шляпой, не смог бы сразу остановиться, даже если бы и захотел. Нагоняя эхо своих шагов, он с разбегу влетел в какое-то пёстрое уличное шествие. Успел заметить меловое лицо клоуна с красными пятнами щёк, медные тарелки оркестра и... поднятую ногу слона. Небо закружилось колесом, радужно вспыхнуло и задёрнулось темнотой.

Очнулся он на кровати в каком-то тесном и низком помещении с полукруглым брезентовым верхом. И услышал чьи-то тихие голоса. Странно, он чувствовал, что говорят на совершенно незнакомом языке, но тем не менее всё понимал.

— Сильно мальчишка стукнулся...

— Хорошо, что слон Бум на него не наступил.

— Умён чертяка!

— Что со мной? Где я? — спросил, приподнимаясь, Пальчик. И опять у него появилось странное чувство: почему он так легко говорит на, казалось бы, чужом языке.

Два лысых незнакомца, один — тощий и длинный, другой — толстый и короткий, повернулись к нему из-за колченогого стола.

— Ты упал и ушибся, — беспокойно сказал толстяк. — Тебе больно, малыш?

— Немножко, — потрогал он голову.

— Ты налетел на ногу слона, — сообщил тощий. — Напугал нашего Бума до полусмерти.

— Недаром говорят, что слоны боятся мышей, — захохотал тол-

стяк, радуясь, что мальчугану лучше. — Ты такой маленький, а слон такой большой, но он задрожал, как яблоня, с которой трясут яблоки!

— Кто ты? — спросил тощий.

— Н-не знаю...

— Вот беда, — посочувствовал толстяк. — А как тебя хоть зовут?

— Не помню...

— Ладно. Мы тебя будем звать Мальчик с пальчик. Сокращённо — Пальчик.

— Вспомнил! Меня так и зовут — Пальчик.

Незнакомцы переглянулись.

— Ничего удивительного, — прошептал толстяк тощему. — Так его, наверно, дразнят приятели.

— Где я? — опять спросил Пальчик, снова потрогав голову.

— Если конкретно, то на кровати, — засмеялся толстяк. — Если взять пошире, то в фургоне. Если совсем широко, то в цирке Магнума. Магнум — хозяин цирка, где мы работаем.

— Цирка? — Пальчик сел на кровати. — Вспомнил: я ведь тоже циркач!

— А больше ничего не вспомнил? Может, хоть случайно догадаешься, кто ты и откуда?

— Не знаю... — повторил Пальчик.

Позже появился врач, осмотрел его и сказал, что надо ещё полежать. Ничего опасного. Лёгкое сотрясение мозга.

— Это чепуха, Пальчик, — успокаивал его толстяк. — У меня сотрясение — постоянное. Я каждый вечер прыгаю из-под купола шапито головой вниз, в бочку с опилками. И, как видишь, даже не поглупел.

— А как я к вам попал? — спросил Пальчик.

— Вся труппа цирка: клоуны и жонглёры, акробаты и эквилибристы, скакуны и слоны, львы и тигры — все мы совершали рекламное шествие по городу. И тут ты, словно камень из пращи, вылетел из какого-то переулочка вслед за шляпой и...

— И оказался здесь на кровати, — подхватил тощий. — И это не помнишь?

Пальчик только вздохнул.

— Ну, ничего, — важно заявил врач. — Со временем сотрясение утрясётся. Со временем и не такое вспоминается. Главное, кость цела, — он вновь ощупал голову Пальчика и ушёл.

— Умён чертяка, — вновь восхитился тощий. — Ветеринар! Знаток своего дела. Ты ему, Пальчик, верь. Ты вон какая козявка, а он даже слонов лечит. А слон куда больше любого человека!

— Поспи, поспи, — накрыл его одеялом толстяк.

В ЦИРКЕ МАГНУМА

Пальчик забыл не только, кто он и откуда, он забыл и свой язык, неожиданно получив взамен знание языка местных жителей.

Подобное, если верить английской газете «Таймс», случилось в XIX веке с одним ирландцем. Путешествуя по Индии, он однажды подвергся нападению грабителей. Спасаясь от них бегством, он налетел в темноте на гишпопотама, спавшего на берегу священной реки Ганг. Когда он очнулся, понятно, спугнув зверя, то, к вящему изумлению грабителей, вдруг заговорил с ними на чистом местном наречии. Поражённые разбойники не только отпустили его с миром, но и вернули ему похищенного коня.

Путешественник начисто забыл и свой ирландский язык, и английский, который знал раньше; забыл, кто он и откуда. Но не потерял ни разума, ни способности отличать добро от зла, ни профессиональных навыков географа-исследователя. Память окончательно вернулась к нему лишь тогда, когда он очутился у себя дома — в Ирландии. Увидев свою семью, он сразу позабыл язык индусского племени и вспомнил всё забытое. Но ему было легче, чем Пальчику. При нём нашлись документы и благодаря им-то он и попал домой. Во всём остальном его случай очень схож с нашим. Не говоря уже о том, что ирландец налетел — подумаетесь! — на какого-то там гишпопотама, мальчуган-то наскочил на слона! Да и что такое Индия, где в принципе может побывать каждый, по сравнению с «седьмым этажом», куда судьба, вероятно, ещё не забрасывала никого на свете, кроме Пальчика.

К вечеру, оставшись один в фургоне, Пальчик почувствовал себя совсем хорошо, встал и оделся. И от нечего делать начал жонглировать сырыми куриными яйцами, которыми толстяк запасся себе на ужин. Полная их миска стояла на столе. Мальчуган брал одно за другим, пока в воздухе не закружился целый десяток.

— Неплохо, — сказал кто-то и захлопал в ладоши.

Пальчик растерялся от неожиданности, однако сумел поочерёдно уложить все яйца обратно в миску и обернулся.

— Неплохо, — опять похвалил морщинистый пышноусый старик с круглыми глазками, заглядывавший за открытый полог фургона. Это был сам хозяин цирка — иллюзионист Магнум. Точнее, «Чародей и Колдун Магнум», как объявляли афиши.

— Хочешь работать в цирке? — спросил он.

— Очень хочу! — обрадовался Пальчик.

— Если твоя родня не найдётся, ты будешь принят, — заявил тот и удалился.

Хозяин цирка оказался и хозяином своего слова. В городской газете и на объявлениях, расклеенных повсюду, появились фотографии Пальчика, но никто так и не явился в цирк, чтобы хоть что-то сообщить о маленьком неизвестном мальчике.

Так Пальчик стал работать в цирке Магнума. Он с лихвой вернул хозяину затраты на объявления в газете и на заборах. Жонглёра Пальчика хотели посмотреть все мальчишки и девчонки города. А так как многие

приходили с родителями, Магнуму было бы грех жаловаться на низкие доходы.

Когда же Пальчик стал выступать в паре с клоунами по прозвищу Толстый и Тощий, то зрители вообще повалили валом. Номер назывался «Мальчик с пальчик в стране верзил!» Высоченные клоуны на ходулях, скрытых длинной одеждой, гонялись по арене за юрким мальчуганом, прыгали на перекидные доски — он взлетал, оказываясь на плече одного, перескакивал на голову другого и даже делал, надев перчатки, стойку на ножах, которыми на него замахивались. Кончалось всё это тем, что, промелькнув на маленькой трапеции между Толстым и Тощим, он заставлял их гулко сталкиваться лбами. Они падали на арену, раскинув руки. А маленький Давид — Пальчик торжествовал победу над поверженными голиафами!

Магнум не мог нарадоваться на ловкого мальчонку, благословляя случай, позволяющий наполнять его кассу звонкой монетой.

А Пальчик — много ли ему надо? — радовался своей работе, веселившей маленьких и больших зрителей.

Он по-прежнему не помнил, кто он и откуда.

ИГРА В СЛОВА

Жил он в фургоне Толстого и Тощего. Они с удовольствием потеснились ради новичка, поставив ему небольшой диванчик. По утрам и перед сном за чашкой чая они ненавязчиво пытались помочь Пальчику найти своё прошлое.

Толстяк даже придумал игру, надеясь на авось: вдруг мальчонка и вспомнит что-нибудь важное. Игра была такая — клоун называл любое слово, а мальчуган должен был с ходу назвать другое, близкое по смыслу.

- Дом, — говорил толстяк.
- Окно, — мгновенно отвечал Пальчик.
- Крыша.
- Труба.
- Дым, — подмигивал клоун.
- Огонь, — улыбался мальчуган.
- День.
- Ночь.
- Улица.
- Фонарь.
- Аптека.

И так до бесконечности...

Но, увы, даже такая интересная игра не пробуждала у Пальчика нужных воспоминаний. Конечно, дай он в ответ на «дом» машинальное слово «лифт», может быть, тайна и прояснилась бы. А так как заветное словечко не попало в их хитроумные сети, то и говорить об этом нечего. И вообще, если уж на слово «мама» Пальчик спокойно сказал: «папа», — чем тут мог помочь какой-то «лифт»? Впрочем, неизвестно... Будущее покажет, что мы ошибались.

Однако не будем забегать вперёд событий, это невежливо. Простительно только хозяину Магнуму, который, провоняв весь цирк клубами дыма на арене путём химических реакций, доступных любому нашему школьнику, глубокомысленно вещал будущее каждому заинтересованному зрителю. Своим утробным голосом чрево вещателя он сулил всем одно и то же. Старикам — здоровье, молодым — удачу. Девушкам — богатого жениха-спортсмена, юношам — наследство от безвестных родственников. На большее ни у него, ни у тех, кто спрашивал — отдадим ему должное, — фантазии не хватало.

Толстяк попытался разнообразить с Пальчиком игру в слова, придав ей некую последовательность и пытаясь подобраться к прошлому мальчугана по цепочке.

- Шляпа, — говорил он.
- Ветер, — подхватывал Пальчик.
- Понесло.
- Побежал.
- Слон.
- Наткнулся.
- Упал.

— Темнота...
— Пришёл в себя.
— Цирк.
— Замечательно, — потирал руки толстяк и начинал в обратном порядке: — Цирк.
— Пришёл в себя.
— Темнота — упал — наткнулся — слон — побежал — понесло — ветер — шляпа! — выкрикивал толстяк.
Пальчик молчал.
— Ну, — настаивал клоун. — Шляпа.
Пальчик по-прежнему напряженно молчал.
— Что перед этим?
— Ветер... — наконец тихо произнёс мальчуган.
И всё опять начиналось сначала.
— Заедает память, — сокрушался, переживая, тощий.
А толстяк не унывал:
— Сейчас допьём чай, пойдём гулять и снова попробуем.
Они бродили втроем по ночному старинному городу с его узкими тёмными домами, тесными улицами и застывшими пузатыми автомобилями, на лакированных кузовах которых причудливо дробились огни фонарей.
— Ночь.
— Улица.
— Фонарь.
— Аптека.
Мрак и неизвестность. Прохлада и ветерок...

ПАЛЬЧИК И ГУК

Цирк шапито стоял на обширной поляне, там, где густой старый лес подступал к зубчатым стенам древней части города. Окружённый крытыми загонами для зверей, походными повозками, передвижными домиками на колёсах, разнокалиберными палатками, сам шапито был похож на шатёр воинственного великана, собирающегося приступить к взятию крепости.

Весь цирк не поместился бы ни на одной из городских площадей, поэтому и раскинулся на вольном просторе за городскими стенами.

По вечерам здесь празднично звучала музыка духового оркестра, трещали костры, тарахтели бензиновые движки — от них чёрными змеями тянулись кабели к прожекторам внутрь зелёного холма шапито, — трубили слоны, всхрапывали кони, — и Пальчику казалось, что именно здесь его дом и что он прожил тут всю жизнь.

Быстрая слава и немалые — конечно, для маленького человечка — деньги вскружили ему голову. Он не заметил, как изменился даже внешне. У него появились свой портной, свой гримёр и парикмахер, прачка и слуга.

Слугой у Пальчика стал семилетний Гук, тихий глазастый мальчонка. Бездомный сирота, он тоже случайно прибил к цирку и так и остался мальчиком на побегушках. Ведь у него не было никаких талантов. Теперь хозяин Магнум приставил его к Пальчику, приказав выполнять любое желание восходящего на цирковом небе светила. Гук убирал за ним постель, относил бельё прачке, помогал одеваться на представление и заказывал цирковому повару любимые блюда «господина лилипута».

Поначалу Пальчик стеснялся его услуг и сам пытался, например, убирать постель. Но, если он и не помнил, что её обычно убирала за ним мама, привычка забывать об этом, казалось бы, пустяковом деле осталась, и вскоре он уже снисходительно принимал заботы Гука как должное. Будем, правда, и мы справедливы к Пальчику. Хотя он и принимал свою работу за интересную игру, всё же это была работа, причём трудная, и он здорово уставал: два представления в день! Ещё и готовиться надо — выдумывать трюки, тренироваться.

Известно, что только труд возвышает человека. Капризы, барство, высокомерие — а Пальчик стал высокомерным! — принижают любого. Наверно, поэтому он становился всё меньше ростом и, видимо, только ежедневный, напряжённый труд на арене не позволял ему превратиться в ничто. Да, от зазнайства он действительно за иной день укорачивался чуть ли не на полсантиметра. К радости хозяина Магнума, потому что от этого росли доходы. Чем меньше артист, тем больше удивление публики! Уменьшение Пальчика происходило не так уж заметно на первый взгляд, однако для тех, кто снова приходил на представление, допустим, через неделю — а таких находилось немало, — это было поистине удивительным. Сам же Пальчик ничего не замечал.

В редкое свободное время он любил прогуливаться по городу, покручивая в пальцах тросточку. Гук выступал в двух шагах за ним, почтительно нёс его шляпу-цилиндр, а «господин лилипут» благосклонно кивал сбегавшимся зевакам и небрежно раздавал автографы.

Пройдясь по главной улице между шеренгами восхищённо расступившихся жителей, Пальчик заходил в кафе — всё бесплатно от благодарного за рекламу ресторатора! — и, влезая на высокий табурет у стойки, лакомился мороженым с фруктами из большущей вазы. И лишь мельком удивлялся про себя, что сиденье каждый раз становится выше. А Гук по-прежнему отстоял от него в двух шагах, держа цилиндр на согнутой руке, и тихонько шмыгал носом. Один только раз Пальчик удосужился угостить его ложечкой мороженого, так и не заметив, что с ходу подрос на несколько миллиметров.

Клоуны Толстый и Тощий не узнавали прежнего милого мальчугана.

— С тобой что-то происходит, — как-то осторожно, чтоб не обидеть, сказал ему толстяк. — Высоко берёшь...

— Мне жаль, что ты себя принижаешь, — вздохнул другой.

— Ещё чего! — грубо отрезал Пальчик, не заметив, как тут же уменьшился на сантиметр. — Вы все завидуете моей славе!

И они отступились.

Деньги, полученные от Магнума, Пальчик складывал в чулок и прятал

его под матрасом. Он завёл себе ширму и, скрываясь за ней от соседей-клоунов, порой пересчитывал на постели свои монетки. А клоуны, услышав за ширмой позванивание, только покачивали головами.

— Какой был мальчик, — сокрушался Толстый. — Мы так интересно с ним играли.

— Не аптека, улица, фонарь, — передразнивал его Тоций, — а деньги, золото, серебро.

Однажды поздно вечером из-за ширмы раздался истошный вопль. Клоуны бросились к Пальчику. Он ошеломлённо держал в руках пустой чулок.

— Украли! Свистнули! Слямзили! — вскричал он.

Подозрение его пало на Гука.

— Больше некому! — плакал он, опять уменьшаясь в росте.

Допрос слуги вёл сам хозяин Магнум.

— Куда ты дел сто монет?

— Сто две! — поспешно уточнил Пальчик.

— Сто, — возразил хозяин цирка и дипломатично добавил: — Две — ему, если вернёт остальные.

— Я не брал, — всхлипнул Гук.

— Но ты же знал, где они лежали? — наседал Магнум.

— Знал...

— И после этого утверждаешь, что не брал? Знал и не взял?!

— Не взял. Они не мои...

— Кто же берёт свои? Свои хранят, берут чужие! Позвать полицию?

— Не надо! — ещё больше испугался Гук.

— Что, сам вернешь? — подступил к нему и Пальчик.

— Клянусь, я к ним и не прикасался!

— Может, ты видел, как кто-нибудь заходил в фургон, когда тут никого не было? — прищурился Магнум.

— Честное слово! Кроме вас, никого, — наивно ответил Гук.

— М-меня?! — поперхнулся Магнум. — Во-о-он из моего цирка! — проревел он.

— А как же мои деньги? — оторопел Пальчик.

— Все сюда! — рявкнул хозяин. — Смотрите все! Раз такое дело — плевать, — я отдаю свои сто монет!

— Сто две, — снова поспешно вставил Пальчик.

— Сто, — опять подчеркнул Магнум. — Две — мне, за благородство! Я отдаю свои сто монет, — зычно повторил он, — нашему несчастному маленькому артисту, которого обокрал этот преступный тип, — и грозно указал на Гука.

Тот бросился прочь из шатра.

— Подозревать — меня? — бушевал Магнум, отсчитывая деньги. — Вот вам доказательство моей честности! Разве свои я бы отдал? То есть разве чужие я бы вернул? — спохватился он. — Пусть даже будут сто две монеты, — щедро заявил он, ссыпая их в чулок, — пусть я разорюсь, но для настоящего таланта мне ничего не жаль!

С тех пор Пальчик стал хранить свой драгоценный чулок в сейфе у Магнума, а Гук насовсем исчез из цирка. И когда Толстый и Тощий укорили Пальчика за то, что его слуга вновь стал несчастным бездомным, он пренебрежительно сказал:

— А чего ж тогда он удрал? — И сам себе ответил: — Совесть замучила.

— Зато тебя не мучает, — буркнул толстяк.

Клоуны не верили, что Гук мог кого-то обокрасть. А убежал он, конечно, от обиды. Да тем более грозили полицией. Полицейские, те поверят любой напраслине, чтоб погреть руки.

Но Пальчику теперь было всё равно. Деньги появились вновь, они в надёжном месте. А из-за какого-то Гука чего волноваться?..

ПАЛЬЧИК ОПЯТЬ РАСТЁТ

В этот раз Пальчик сам был зрителем.

Дневное представление в цирке отменили, потому что город готовился к торжественной встрече посла могущественного Двадцать седьмого, по-нашему, Тридевятого, государства — генерала Пафа. Парадный кортеж должен был проследовать в пять часов пополудни от вокзала до замка Правителя города на Центральной площади. Пальчику заранее предоставили место на украшенном ковром балконе того самого кафе, где он обычно лакомился мороженым.

И вот забили барабаны, затрубили трубы, загревели литавры!.. По улице с криком побежали мальчишки. Возбуждённые зрители ещё теснее запрудили тротуары, зеваки на балконах привстали и вытянули шеи, а из дымовых труб, торчащих над черепичными крышами, с любопытством высунулись чумазые трубочисты.

— Дорогу! Дорогу! — зычно кричали глашатаи. — Дорогу высококочти-мому послу Двадцать седьмого государства — генералу Пафу.

Послышалось рычание мотоциклов и цокот копыт — в конце улицы показался всадник на белом коне. По бокам посла, тормозя ногами о мостовую, медленно ехали на мотоциклах рослые стражники в касках с кистями. Посол был остроносый и длинный, как два составленных вместе бильярдных кия. Узкую грудь перехлестывали чёрные скрипучие ремни. Он улыбался и раскланивался.

За ним, сдержанно урча, двигались большие крытые грузовики.

— Смотрите! Смотрите! — кричали в толпе. — Он везёт богатые дары!.. Восемь машин! Нет, десять машин!.. Смотрите!

А затем, когда следом вдруг показалось ещё и стадо могучих оленей с раскидистыми рогами, все умолкли от изумления. Плечистые егеря с трудом удерживали за шёлковые верёвки фыркающих, мотающих головами лесных исполинов, и звонкие колокольчики, повешенные у них на шеях, наполняли улицу прекрасным перезвоном.

Генерал Паф лихо гарцевал на белом коне, черпал из сумки у седла серебряные монетки и искристой россыпью бросал их в толпу. Это был

загримированный под генерала ловкий молодой актёр. А сам посол, старик-ревматик, ехал на мягких, удобных подушках в машине с зашторенными окнами по пустынной соседней улице.

О подмене знал разве что только Правитель города. В то самое время он стоял у заднего входа в замок, куда и должна была подрулить машина. Он готовился незаметно провести посла в здание, а затем уж выскочить на ступеньки парадного входа, застеленные ковром, и торжественно встретить «посла» — актёра.

Так вот, всадник швырял монеты, люди давились, охрана сдерживала напор. Пальчик случайно увидел бывшего слугу: оборванный Гук, проскользнув между ног зевак, кинулся было за упавшей монеткой. Но к ней мгновенно протянулась длинная загребущая пятерня охранника. Он сгрёб монетку в кулак, а другим замахнулся на мальчишку.

И тут неожиданно для всех, и для себя тоже, на его кулаке вдруг оказался Пальчик, спрыгнувший с балкона на помощь Гуку! Полицейский остановил свою руку, выпучив глаза на свалившегося откуда-то сверху коротышку, и Гук успел улизнуть обратно в толпу. Пальчик перескочил на шлем охранника, а оттуда — раз, два, три... — побежал прямо по шляпам зевак, высматривая Гука внизу.

Они столкнулись друг с другом, когда Гук, наконец, выбрался из толпы, а Пальчик спрыгнул с последней шляпы.

— Держи, — бывший слуга поднял пуговицу, внезапно отскочившую от пиджачка «лилипута».

— Спасибо...

— Нет, тебе спасибо. Выручил!

— Чепуха, — Пальчик не заметил, что пуговица у него отскочила потому, что он сразу вырос на несколько сантиметров.

— А ты подрос, — приглядывался Гук к своему спасителю.

— Шутишь, — отмахнулся тот. — Где ты пропал?

— Везде, — вздохнул бродяжка.

— Слушай, — Пальчик схватил его за рукав и потащил за собой. — У меня, когда я сидел на балконе, возникла гениальная мысль! Ты только представь себе такой цирковой номер: мы будем бродягами, а Толстый и Тощий — полицейскими. Они будут гоняться за нами по арене — масса трюков, — все со смеху лопнут!

— Так ты только из-за этого спрыгнул? — потускнел Гук.

— Ну да! — воскликнул Пальчик. — А-а, вон ты о чём... Какая тебе разница, если тебя всё равно спасли? — И пожал плечами.

Интересно, что после этих слов он не вырос и, главное, не укоротился. Очевидно, для судьбы важны не намерения, а поступки.

— Правда, — рассмеялся Гук. — Хотя мне было бы приятней, если б ты меня спас без всяких задних мыслей, — важничая, произнёс он поучительным тоном, точно взрослый.

— Кончай ты! Если б охранник двинул тебя кулачищем по башке, у тебя вообще бы не было никаких мыслей: ни задних, ни передних.

— Это верно, — озадаченно почесал затылок Гук. — Ты вот говоришь про цирк... А я ведь совсем ничего не умею.

— Ерунда! Я тебя научу. А Магнума не бойся. Пригрожу, что уйду навсегда из цирка, враз возьмёт тебя ко мне в пару.

— Но я же вор. — Гук усмехнулся.

— Брось... Если б это ты взял сотню монет, ты бы не ползал сегодня по земле за какой-то паршивой монеткой. Извини и не сердись, я уже и забыл про всё. Мало ли кто мог взять деньги?.. Я знаю теперь одно, что только не ты, не Тощий, не Толстый. Уж скорее сам Магnum! — выпалил он.

И опять подрос.

— Ты растёшь прямо на глазах, — опять удивился Гук.

— Ладно, — хмыкнул Пальчик, приняв его слова попросту как похвалу. — Бежим, скоро представление, надо ещё подготовиться.

И они побежали, свернув в боковой переулок.

Пробегая мимо дощатого киоска, с крест-накрест заколоченным окном и дверью с цифрой «7», Пальчик помедлил, странно посмотрел на неё, пытаясь что-то вспомнить, и нагнал Гука.

— Ты чего?

— Ничего... Показалось, — на бегу ответил Пальчик.

Тук-тук-тук!.. — стучали его башмаки. Так-так-так!.. — гремели деревянные сандалии Гука по булыжнику.

Когда они заявили в передвижной домик хозяина цирка, Магnum, не обратив на Гука внимания, вдруг выкатил «буркалы» на Пальчика:

— Ты что? Ты почему? А?..

Тот решил, что это относится к приятелю:

— Я его привёл, он будет со мной выступать.

— Я не его, я тебя спрашиваю. — Хозяин схватился за голову и стал сжимать её, будто мяч. — При чём тут он!

— А я вам и говорю, что он ни при чём, — бубнил Пальчик. — Не мог он украсть.

— А кто мог? — Тут только Магnum узнал Гука и машинально покосился в зеркало на своё жуликоватое лицо.

— Только не он. — У Пальчика сами по себе оторвались, с треском выстрелив в хозяина, две пуговицы, а пиджачок лопнул в плечах.

— Опять? — вскричал Магnum.

И чем больше убеждал хозяина Пальчик, что Гук не виновен, что он за него ручается, что его надо обязательно взять обратно в цирк, — тем больше он рос, пока не достиг макушкой чуть ли не колен Магнума.

— Замолчи! — прикрикнул хозяин.

Он, возможно, испугался: не дай Бог, «лилипут» на столько вырастет, что вдруг окажется с ним лицом к лицу и поколотит как миленького. Но нет, его заботила другая проблема:

— Я тебя не о нём спрашивал, а о тебе самом: почему ты растёшь? Ты забыл, кто ты есть. Какой ты мальчик с пальчик? Да ты взгляни на себя!

Он подтолкнул его к зеркалу. Пальчик с трудом узнал себя в мальчишке, голые руки и ноги которого торчали из ставшего кургузым костюмчика.

— Такой мне и даром не нужен. Разорить меня хочешь? — заявил Магнум. — Разве ты теперь лилипут? Ты лилипут-самозванец!

Он перевёл взгляд на Гука.

— Тебя я уже выгонял. А ну, прочь отсюда оба по одному! — приказал он мальчишкам.

А Пальчик неотрывно глядел в зеркало. Ему очень понравился его новый рост. Подумаешь, угрозы хозяина! Да с теми деньгами, которые он заработал, он сам себе хозяин. Захотят они с Гуком, сошьют себе яркие костюмы, будут выступать на улицах, а ещё и клоунов, Тощего и Толстого, к себе переманят. А тех монет на первое время им вполне хватит.

— Убирайтесь! — затопал ногами хозяин так, что из досок пола повылетали сучки.

— Верните мои деньги, — показал Пальчик на сейф.

— Твои деньги — у него, — ткнул хозяин пальцем в сторону Гука. — А это — мои, — он заслонил собой сейф. — Помнишь, я тебе мои давал?!

— Ну и отдайте.

Магнум расхохотался:

— Я дал, ты брал, ты отдал, я взял. Я тебе, ты мне.

— А мне? — растерялся Пальчик.

— Мы в расчёте, — развёл руками, как граблями, хозяин.

— Ах ты, ворюга, — сжав кулачки, Пальчик шагнул к нему.

— На по-о-омощь... — пропищал оробевший хозяин, на поверку отчаянный трус. — Ко мне!! — побагровев и натужившись, гаркнул он столь мощно, что потоком воздуха чуть не вымело Пальчика наружу.

— Полиция! — заверещал Магнум.

Мальчишки выскочили из домика.

— Кто-что-где? — вырос перед ними дюжий усач полицейский в шлеме с индюшачьими перьями, дежуривший у шапито.

— Там, — одновременно показали они в разные стороны.

Верзила, не рассуждая, устремился сначала налево, затем — направо. Концы усов развевались у него, как обрывки каната.

Некогда было искать ни Тощего, ни Толстого, чтобы хоть посоветоваться, — Пальчик и Гук кинулись в лес.

— Чуть не ограбили! Почти обокрали! Чуть почти не разорили! — доносился жалобный крик Магнума.

Ребята кубарем скатились на дно оврага к ручью.

— Ловите, держите, хватайте и не отпускайте! Выпускайте львов и тигров! Спускайте собак! — вопил где-то позади хозяин, ему вторил полицейский свисток. — А я за себя не ручаюсь!

— Давай по воде, — предложил Пальчик Гуку. — Вода уносит запах, — и опять на мгновение задумался. Странное мелькнувшее воспоминание куда-то провалилось, и он махнул рукой. — Пойдём вон туда. Скорей!

Они зашлёпали вниз по мелкому каменистому ручью.

ЗВОНИТЬ ШЕСТНАДЦАТЬ РАЗ

Ручей давно остался позади...

Жутко ночью в лесу! Высокие старые и пожилые деревья размахивали всеми своими большими и маленькими ветками, свирепо шелестя неразличимой листвой. Ну и, конечно, завывал ветер и кричали совы — не без этого.

Беглецы долго шли по извилистой тропке, тускло освещённой луной.

— Куда мы? — остановился Гук. — Я хочу есть и спать.

И хотя Пальчик здорово подрос, он всё же оставался на две головы ниже его и, конечно, не сумел снисходительно посмотреть на спутника сверху вниз, как старший. Поэтому он строго посмотрел снизу вверх:

— А раньше где ты ел и спал?

— Под мостом. Меня кормили бродяги. А здесь ни моста, ни бродяг.

— Скажи лучше — струсил.

Гук глубоко засунул руки в карманы.

— Это я струсил? Ни капельки! — И небрежно добавил: — Просто мне боязно.

— И мне, — нехотя признался Пальчик.

— И тебе? — Гуку сразу стало спокойней. — Тогда мне уже не так страшно.

— А раз так, иди впереди.

— Пожалуйста, если боишься. С таким трусом, как ты, только по лесу и ходить по ночам!

Гук смело зашагал по тропе, испуганно озираясь по сторонам.

— Ой, — вдруг пискнул он, — болото!

Болото дышало и чавкало, лопались невидимые пузыри, сонно бормотали лягушки...

— Смотри! — воскликнул Пальчик.

Вдали сквозь паутину сучьев заморгал огонёк.

— Вперёд! — скомандовал он и прыгнул с кочки на кочку.

— А мы не увязнем? — тихо спросил Гук.

— Хуже не будет.

— Вот это уж точно.

— Бери пример с меня, — самоуверенно заявил Пальчик, прыгнул снова, поскользнулся и провалился по пояс. Гук поспешно помог ему вылезти из трясины.

Огонёк впереди стал крупнее. Значит, они всё-таки приближались.

— Ух... — выдохнул Гук, с трудом пробираясь по болоту.

— Ух-х! — будто передразнивая, крикнул полуночник филин.

И ребята опрометью заскакали по кочкам.

— Ух-х! — надал он жару, шныряя над ними.

И они припустили ещё быстрее.

— Знаешь, — сказал Пальчик, когда они наконец-то добрались до суши. — Днём сюда я бы ни за что не сунулся.

— Ага. Ночью не так опасно, — подтвердил Гук, — всё равно темно.

Беглецы продрались через густой кустарник, на минуту потеряв совсем

уже выросший огонёк из виду, и перед ними возник высокий забор, сколоченный из обструганных кольев. Ребята пошли вдоль него.

Частокол, частокол, частокол...

— Ворота! — вскрикнул Гук.

Пальчик толкнул их. Тррр-р-р — недовольно проскрипели створки.

В глубине бурьянистого двора стоял тёмный небольшой дом с длинной трубой, светилось лишь узкое окошко.

Ребята осторожно, на цыпочках — как ходят балерины, — подошли к дому. На двери рядом с вертушкой звонка сверкала под луной полированная деревянная табличка: «Людоед XVI. Звонить 16 раз».

— Чего там? — шёпотом спросил неграмотный Гук.

— Звонить... шестнадцать раз, — тихо ответил Пальчик, умолчав о людоеде. Сердце его отчаянно стучало.

— Тебе хорошо, ты читать умеешь, — с завистью сказал Гук.

— Поживи с моё.

Странно не то, что Пальчик почему-то умел читать по-здешнему. Удивительно другое: ничего не помня о своём прошлом, он всё-таки знал, сколько ему лет.

— Подумаешь, на год старше... — протянул Гук.

— Звонить? — храбрился Пальчик. — Это тебе не под мостом ночевать.

— Может, до утра подождём? — тревожно оглядывался Гук.

— До утра я от страха умру, — Пальчик начал крутить вертушку звонка, на всякий случай зажмурив глаза. — Раз, два, три, четыре, пять...

И только он дошел до «шести», как дверь молниеносно открылась — они опомниться не успели, — кто-то схватил их за шиворот и втащил внутрь, мощно захлопнув её ногой за собою. Пальчик и Гук очутились в кромешной темноте.

— Ага-а! Ого-о! — радостно заорал неизвестный.

Гук завизжал, как ушибленный щенок, а Пальчик изловчился и укусил незнакомца за палец. Раздался вопль:

— Чего кусаешься, леший тебя возьми!

— А ты чего хватаешь нас раньше времени? — вскричал Пальчик.

— Ведь написано: «Звонить шестнадцать раз!» — вторил ему Гук.

— Это Людоеду — шестнадцать, — возмущенно отозвался неизвестный, — а мне — шесть!

— Не врите, — дерзко сказал Пальчик. — Там не написано.

— Знать надо, — пробасил тот, выпуская их. — Не маленькие.

ЛЕШИЙ

Щёлкнул выключатель, и вспыхнула лампа под зелёным абажуром. Пальчик и Гук сидели на полу и таращили глаза.

Перед ними стоял лысый детина с малиновым носом, квадратными глазами и дремучими рыжими бакенбардами. Широкую грудь обтягивала тельняшка, а из-под брюк торчали ярко-красные носки и шлёпанцы. Он внимательно смотрел на ребят.

- Так и есть, Мальчик с пальчик и Гук!
- А откуда вы нас знаете? — бодрился Пальчик.
- Ну, тебя-то все знают.
- А меня? — подал голос Гук.

— Тебя и подавно. Под всеми мостами ночуешь. Тебя, голубчик, не то что я — каждый бродяга знает. Как вы сюда попали? — прикрикнул детина.

Несмотря на свой грозный вид, он отчего-то вызывал к себе доверие. И они, перебивая друг друга, рассказали ему обо всём.

— Вас понял... — задумался незнакомец. — Ну что ж, считайте, вам крупно повезло. Вы попали в замок Людоеда! Сообразили? Дошло? Допетюкали? Допетрили?

— Какой же это замок? — усмехнулся Пальчик, оглядывая комнату, заставленную громоздкой, сколоченной из досок мебелью. — Обыкновенная лесная избушка.

— Кому избушка, а кому замок, — строго поправил его незнакомец. — Просто здесь живет обедневший Людоед. И я вас очень прошу не называть этот замок избушкой. Он этого не переносит. Не хочет. Не позволяет. Не любит. Иначе будет плохо.

— Хорошо, — кивнул Пальчик. — Дошло. Допетюкали.

— А я есть хочу, господин хозяин, — вдруг сказал Гук.

— Не называй меня так, — насупился детина. — Я не хозяин. Я самый обыкновенный Леший.

— Леший! — ахнули Пальчик и Гук.

— Именно. Раньше я тоже в цирке работал. Вернее, подрабатывал. А хозяин меня, как и вас, выгнал вон. Топай на все четыре стороны, говорит, ножками! А я разве виноват, что одна из тыкв, которыми я жонглировал, упала на другую — ему на голову?

Гук и Пальчик хихикнули.

— Вам-то хи-хи да ха-ха. А она разбилась!

— Голова? — засмеялись ребята.

— Тыква.

— Скажите, пожалуйста: а кроме того, что пугают, чего ещё лешие делают? — спросил Пальчик.

— Лешие?.. А ничего не делают. Ворон гоняют, на болота прохожих заманивают и радостно кричат по ночам дурным голосом.

— Радостно — я знаю. А как — дурным?

— Ууу-ооо-ууу-ооо! — радостно возопил он дурным голосом.

У ребят по спинам даже мурашки пробежали. Крупные.

— Но я вас пугать не буду, — подмигнул Леший, — пусть вам будет скучно.

Они сразу повеселели.

— А я есть хочу, — вдруг снова захныкал Гук.

Леший глубоко, по самое плечо, запустил руку в левый карман и вынул... бутылку пива.

— Брр, не то, — сконфузившись, затряс он толстыми щеками.

Пальчик и Гук снова хихикнули.

Тогда он полез в правый карман и вытащил... жестяную банку с пивом.

— Брр, опять не то! — Дремучие бакенбарды у Лешего встали дыбом.

Внезапно лицо его озарила широченная улыбка, он с трудом просунул два толстых пальца в карманчик для часов и извлёк оттуда... пузатую бутылку с красочной наклейкой «Пиво».

Пальчик и Гук захлопали в ладоши. Леший весело посмотрел на них:

— А яичницу любите? Глазунью? Не болтушку, конечно.

— Болтаешь... — протянул Гук.

Леший покраснел и возмущённо ударил себя кулаком в грудь.

— Да я!.. — Он щёлкнул пальцами.

На полу появилась большая, пышущая жаром, сковорода с яичницей.

Пальчик и Гук даже попятнулись. А Леший радостно подпрыгнул:

— Алле — оп! Лопайте, но не лопните! — И довольно загоготал. —

Юморок.

— А вилки? — строго сказал Пальчик, придя в себя.

— Ешьте руками. Вы не дома.

В мгновение сковорода опустела. Вдвоём же лопали!

— А без вилок вкуснее, — сказал Гук очень сытым голосом.

Леший задрал подбородок.

— А теперь за дело! Будем играть в прятки, — деловито сказал он.

ИХ ВЕЛИЧЕСТВО ЛЮДОЕД XVI

— Прятки? Это для малышни, — пренебрежительно заметил Пальчик.

— Да мне триста пятьдесят два года! Могу утерянный девять лет назад паспорт показать, — возмутился Леший. — Но я хорошо сохранился. — Он ловким жестом вытащил у Гука из носа сигару, ударил себя кулаком в глаз и прикурил от посыпавшихся искр. — Не пью! — погладил

карманы. — Не курю! — И застенчиво спрятал сигару Гуку обратно в нос.

Тот поспешно ощупал нос. Ничего... Надо же!

— А уж если я спрячусь, то вообще никогда не найдёте, — похвастался Леший.

— Ладно, — смилостивился Пальчик. — Прячься.

Леший мигом залез в шкаф.

— Ку-ку-у, — слышался его голос оттуда.

Ребята недоверчиво открыли шкаф. Леший сидел на корточках, накрыв голову большим носовым платком.

— Попался! — завопили они.

Он вздрогнул и недовольно заворчал:

— Разве так играют? Надо было заглянуть под шкаф и крикнуть: «И здесь его нет!» Под топчан: «И там его нет!» На кухню: «И тут его нет!» Нечестно... Так я не играю.

Внезапно за окном раздался оглушительный треск мотора.

— Людоед приехал, — Леший выскочил из шкафа и заметался по комнате. — И, наверно, с Ведьмой.

— Людоед! — вскрикнул Гук.

— Ведьма! — ужаснулся Пальчик.

— Прячьтесь, а то съест. Брр-р-р... — Леший выбежал во двор.

Ребята, столкнувшись лбами, шмыгнули под огромный топчан.

Хлопнула дверь. Гук и Пальчик с ужасом увидели, как по комнате прошли громадные сапоги.

— Здесь человеком пахнет! — раздался громовой голос.

Шлёпанцы Лешего засеменяли вокруг сапог Людоеда.

— Хе-хе... Это яичницей пахнет. Глазуньей.

Сапоги размеренно ходили туда и сюда. За ними бегали шлёпанцы. Слышались скрип отворяемого шкафа, стук передвигаемых табуреток.

Ребята крепко прижались друг к другу.

Сапоги приблизились к топчану, и тут перед испуганными мальчишками оказалось лицо — и какое! — наклонившегося Людоеда. Длинные усы, похожие на велосипедный руль, свисали до самого пола, низкий лоб пересекали извилистые, словно волны, морщины, а в правом ухе колыхалась большущая золотая серьга. Он повёл своими чёрными глазищами величиной с небольшое кофейное блюдечко и торжественно уставил на онемевших ребят длинный указательный палец с треснувшим ногтем. Палец торчал грозно, как ружьё.

Подбежали шлёпанцы, и под диван заглянул Леший. Он «удивлённо» зачмокал губами, а косматые брови забегали вверх-вниз.

Гук попытался юркнуть за Пальчика, тот — за Гука, и они снова столкнулись.

— Чего? — услышав стук лбов, быстро спросил Людоед.

Леший счёл, что спрашивают у него, и пожал плечами:

— Первый раз их вижу, а ты?..

— Попались, — хохотнул напарник. — Включай электроплитку!

Леший выбежал из комнаты.

— Предлагаю одно из двух, — вкрадчиво сказал Людоед. — На каком масле вас зажарить: на постном или на сливочном?

— Здо-ро-вый, а пугаешь... — еле вымолвил Пальчик.

А Гук заревел навзрыд:

— Я не хочу... зажариться.

— Да что я людоед, что ли?! — обиделся Людоед. — А ну, вылезайте все или вместе!

— А не съешь? — тревожно спросил Пальчик.

— Мы невкусные, — торопливо сказал Гук.

— Леший! — гаркнул Людоед.

— Ау? — с готовностью донеслось издалека.

Он привычным жестом закинул усы на плечи:

— Выключай плитку. Экономь электроэнергию!

Ребята с опаской вылезли из-под топчана.

— Трон! — скомандовал он.

Леший вкатил зубо-врачебное кресло на колёсиках.

Людоед расселся на нём и грозно спросил:

— Вы меня знаете?

— Знаем... — не сразу ответил Гук. — Звонить шестнадцать раз.

— Сам знаю.

Он задумчиво похлопал ладонями величиной с хорошую совковую лопату по коленям:

— Видите? — и указал на портрет над диваном.

Мальчишки подняли головы. Со старинной картины на них смотрел какой-то злощипый старик с длинной бородой странного синего цвета.

— Я Людоед Шестнадцатый, потомок Синей Бороды. Он мой прапрапрапра...

— Вы заикаетесь? Так есть одно средство: надо стать у зеркала и сказать три раза... — зачастил было Гук.

— Вот пожарю на маргарине третьего сорта, — рассердился Людоед, — не заикнёшься!

Леший по-прежнему невозмутимо стоял за спинкой его кресла.

— Я всё о вас знаю, — вдруг засмеялся Людоед. — Вас выгнал Магнум. Ага? — торжествовал он.

Гук сразу же осмелел и показал ему язык:

— Знаешь, и помалкивай.

— Молчать, когда спрашивают!

— Когда НЕ спрашивают? — уточнил Гук.

— Когда не спрашивают, и подавно молчать! — Людоед грозно поднялся во весь свой рост.

Гук спрятался за Пальчика. Но как спрятался: представьте сами — он был на две головы выше его.

— Попробуй сунься! — Пятиться Пальчику было некуда.

— Ну ладно, ладно. Мир, — оторопел Людоед. — Меня не запугаешь! Чего вы ко мне привязались? Двое на одного, да?

Он задумался на секунду.

— Признавайтесь, — мрачно сказал он, — кто из вас боится мышей?
— Я боюсь, — сразу признался Гук.
— Они — меня боятся, — подчеркнул Пальчик.
— Ясно! Будешь спать рядом со мной.
— А ты... меня и впрямь не съешь? Даёшь слово?
— Не съем — ни впрямь, ни вкривь. Сказал, и точка. С запятой, — предупредил он. — Слово ему дай... Кто ты такой, что мне не веришь? Мне! Так и быть, — смягчился он. — Даю тебе слово Людоеда.
— А я где буду спать? — спросил Гук.
Людоед махнул рукой.
— Ну тебя к Лещему! — И проворчал: — Тоже мне, мышей боится. Леший поманил Гука:
— Пошли, братишка.
Тот нерешительно шагнул к нему и оглянулся на друга:
— В случае чего, зови на помощь.
— Чего там, — беззаботно ответил Пальчик. — Пусть только тронет! — И ударил кулачком по краешку кресла.
Людоед испуганно отодвинулся.
Леший одобрительно ухмыльнулся и бережно взял Гука за руку. Они вышли в коридор и остановились перед кособокой дверью, на которой красовались три таблички, одна больше другой:

ЛАБОРАТОРИЯ
СЕКРЕТНАЯ!

ДИРЕКТОР.
ЛЕШИЙ VI — ДОКТОР ВСЕХ ХИМИЧЕСКИХ НАУК.
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ!

ПОТУСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН!

Леший гордо надулся:
— Это я Директор. Ди-рек-тор! Вход воспрещён! А? Внушительно? Прошу, — ударом ноги он гостеприимно распахнул дверь.
Гук ахнул.
Перед ним действительно была лаборатория. Кругом стояли какие-то загадочные приборы, сосуды, колбы. Сверкала паутина разноцветных трубок...
— Леший! — спохватившись, крикнул Людоед из гостиной в полуоткрытую дверь.

— Чего? — послышалось за стеной.

— Не закрывай трубу. Под утро прилетит Ведьма.

— Обратись к Домовому, — откликнулся Леший.

Заметим, что и Пальчик, и Гук — каждый у себя — только поёжились от зловещих слов: «Ведьма» и «Домовой». Но надеялись, что страшнее уже не будет.

Людоед схватил со стола какую-то книгу и в сердцах швырнул её в стену.

— Книжки нельзя бросать, — осудил его Пальчик.

— А это не книжка, это телефонный справочник — я его уже прочитал.

Людоед потянулся, сел на корточки, встал. Опять сел, снова встал...

Пальчик удивлённо смотрел на него.

— Чего стоишь? — пробурчал Людоед. — Не видишь, я занимаюсь утренней зарядкой. Стели постель.

— Утренней зарядкой люди занимаются утром.

— А Людоеды вечером, — пробурчал тот. — Или ночью.

СЕКРЕТНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Гук осторожно потрогал стеклянные трубки и колбы и, зевая, взглянул на большую кровать у окна:

— Очень она красивая. Мягкая, верно?

— Умный ты парень, — с уважением признал Леший. Тоже протяжно зевая, он вдруг замер с открытым ртом и вытаращенными глазами. Зевал он так широченно, что вывихнул челюсть. Однако, не теряя смекалки, тут же ударом кулака ловко водворил её на место.

— А это что? — Гук показал на медный кран, с которым длинной цепью трубок были соединены все сосуды. Под краном стояло резиновое ведро с надписью: «Гремучая жидкость. Не взбалтывать. Страшное дело!» И чуть ниже — мелкими буквами: «Яд».

Леший глубокомысленно задрал нос вверх. Только нос, знаете ли, а само лицо оставалось неподвижным.

— Всю жизнь я искал научно-философский камень. Ну, этот... Как тебе объяснить? В общем, он что хошь превращает в чистое золото. Всё-всё!

— Да ну? — поразился Гук.

Леший убедительно закивал головой:

— Медь, олово, опилки и даже огурцы!.. Я его ещё не нашел, — как бы невзначай, но с достоинством отметил он.

Гук огорчённо вздохнул.

— Но зато я скоро построю вечный двигатель, — скромно потупился изобретатель.

— А что такое — вечный двигатель?

— По-иностранному, «перпетуум мобиле», — важно произнёс Леший. — «Перпету-ум!» — повторил он и пояснил: — Ум, значит, нужен. Большой. Понял?

— Не-а.

— Ну, вечный двигатель — это движок, сделанный навечно. Работает сам. Без ветра, без бензина, без ничего — даже без меня.

— А зачем это нужно?

— Как — зачем? Над его созданием кто только голову не ломал — не один учёный себе башку свернул! Если мне это удастся, мой портрет появится в городской газете.

— Ну, если портрет, — оценил Гук, — тогда, конечно.

Леший гордо посмотрелся в большую зеркальную колбу.

— Нет, тебе не понять, — вздохнул он. — У тебя внешность не та! — И включил рубильник.

Гук зачарованно уставился на забурлившую в трубках жидкость, на прыгающие разноцветные пузырьки. Леший открыл кран, и тяжёлые капли мягко застучали по резиновому дну ведра.

— Считай, — он опять, на сей раз осторожно, зевнул. — Одна, две, три...

— Четыре, пять, шесть... — скучно подхватил Гук, тоже снова зевая.

— Считай, наблюдай, гляди, смотри. И смотри у меня, если собьёшь-

ся! — погрозил ему Леший пальцем. — А я, так и быть, посплю пока. Часиков восемь.

Он с разбегу прыгнул в кровать. Сетка провисла до пола и упруго подбросила его под потолок. Вновь прогнулась, и опять Леший взлетел, но уже чуть пониже. Его подкинуло в третий раз, и по комнате разнёсся могучий храп — он уже спал.

— Тридцать, тридцать одна, тридцать две... — бубнил Гук.

НУ И НОЧКА

Пальчик лежал на топчане под гигантским одеялом, вышитым розовыми зайчиками, и с любопытством смотрел, как Людоед неуклюже прыгает через скакалку и бормочет себе под нос:

— Сто двадцать два, сто двадцать три, сто двадцать четыре...

«Разве это людоед? — размышлял Пальчик. — Взаправдашний людоед ни за что на свете не стал бы взаправду прыгать через верёвку, словно сопливая девчонка!»

— Сто тридцать три, сто тридцать четыре, сто тридцать пять... Аут! Уф-ф, — выдохнул Людоед и отбросил верёвку в угол.

— Спать будем валетом? — поинтересовался он.

— Как?.. — растерялся Пальчик.

— Молча. Ты головой в одну сторону, я в другую. Как на гадальных картах. Ну?

— Значит, твои ноги будут с моей стороны? У головы?

— И даже дальше, — заважничал Людоед.

— Тогда ты их сначала помоешь, — строго сказал Пальчик.

— Ну вот ещё! Я триста лет как ноги не мою. И не подумаю, не подумаю. Ни за что!.. Послушай, — оживился он. — А если я надену самые чистые-пречистые, почти новые носки, а?

— И тебе ни капельки не стыдно?

Людоед смущённо поёжился.

— Стыдно. Но я всё равно не буду ноги мыть. Я, если хочешь знать, уже вышел из этого возраста.

— Не хочешь, как хочешь. Тогда будем нормально спать — по-человечески.

— Идёт, — быстро согласился каприза. — А подушка кому достанется? Учти, она у меня одна. Может, разыграем?

— Ночь уже — разыгрался. Будем спать на одной подушке, — твёрдо сказал Пальчик.

— Не-е, — насупился Людоед. — Ты будешь в ухо дышать. Хитёр.

— Ну, тогда... Тогда давай распилим подушку! — вспылил Пальчик.

Людоед ликующе замахал руками, точно петух крыльями.

— Ура! Живём!

Напрасно Пальчик думал, что всё так и окончится шуткой. Но тот выбежал из комнаты и вернулся с большой двуручной пилой.

— Ты всерьёз?! — ахнул Пальчик.

— Острая! Другой не нашёл, — не понял его Людоед. И тихо, словно по секрету, сообщил: — Гений ты, вот что я тебе скажу.

— С тобой станешь гением, — вздохнул Пальчик.

— Ну, давай-давай, — торопил Людоед. — И в другой раз умных советов не давай.

Делать нечего. Пришлось взяться за вторую ручку.

И хотя Людоед шевелил пилой еле-еле, малец, как заводной, бегал взад-вперед, держа рукоять обеими руками.

— Да ты не дёргай, — ворчал Людоед, — не дёргай. Чего у меня вырываешь?

Когда ночь уже подходила к концу и в окно на прощание заглянула круглая от любопытства луна, вся комната была густо усеяна пухом, а посередине пола на клочьях наволочки сиротливо блестела зубастая двуручная пила. Пальчик и Людоед спали «валетом» — без подушек. На кровати за головой гостя торчали огромные ступни хозяина в почти что новых полосатых носках.

Где-то тихо заскреблась мышь... Уши у Людоеда мгновенно вздрогнули и тревожно зашевелились. Он открыл глаза и робко привстал. В зрачках ярко отражалась луна. В одном и в другом по луне. Как у лунатика.

Опять заскреблась мышь. Рраз! — Он поспешно нырнул под одеяло, и его голова появилась рядом с головой мальчишки.

— Ну что там? — сонно пробормотал Пальчик.

— Мышь!!!

Пальчик что-то буркнул и перевернулся на другой бок. Людоед мощно дунул на него.

— Не устраивай сквозняки. У меня насморк...

— Мышь-шь, говорю! Ты б-боишься? Я буду охранять тебя своим телом. Ложись с краю, а я к стене.

Снова зашуршала мышь, и Людоед забрался глубоко под одеяло.

ДОМОВОЙ И СОРОКА

— А? — испуганно открыл глаза Гук.

Над ним стоял взъерошенный Леший.

— Пятьдесят капель... — ошалело сообщил Гук.

«Доктор всех химических наук» в ужасе схватился за голову:

— Пропал учёт! Пятьдесят капель... И это за три часа?

— А я только до пятидесяти считать умею, — признался Гук.

— Спать! — рявкнул Леший и выключил рубильник.

...Утреннее солнце бодро поднялось над лесом. Ночь прошла быстро, как всегда бывает, когда крепко спишь. Тогда она спешит, а не тянется долго, как при бессоннице.

По колбам и змеевикам запрыгал, играя, солнечный зайчик... Вот он лёг на переносицу Гука. Тот замотал головой, будто отгоняя муху. И озорник зайчик юркнул ему в нос.

Мальчишка оглушительно чихнул. Солнечный зайчик, испуганно вылетев наружу, ударился о стену и упал на пол. Слегка поворочался, словно проверяя, всё ли на месте, и удрал во двор через открытую форточку. Увы, мы многого не замечаем, когда крепко спим!

Гук проснулся и недоуменно огляделся по сторонам. Лаборатория... Леший...

Он крепко зажмурился. А потом уже осторожно посмотрел краешком глаза. Опять — лаборатория, Леший...

А он-то подумал, что сон!

Тихо отворилась дверь. Сначала из-за неё показалась дымящаяся сигаретка, затем стал выползать мундштук. Неимоверной длины! Казалось, ему нет конца. И когда Гук решил, что ещё секунда, и сигаретка упрётся в стену, — в комнату вошел бородатый низенький толстячок, крепко сжимающий конец мундштука в зубах.

Это был удивительный толстячок. В жёлтой курточке с красными пуговицами, в замшевых чёрных брючках до колен и синих башмаках с загнутыми носами. На голове торчал фиолетовый колпак, на котором были нарисованы метла и ключ. Его длиннющая борода волочилась между ног. За ней поднималось облако пыли.

Сигаретка важно прошла мимо Гука и повесила над ним маленькое дымовое кольцо. Гук машинально дунул — и оно исчезло. Толстячок остановился у окна и выпыхнул сразу несколько дымовых обручей. Не вынимая мундштука изо рта, он принялся жонглировать ими. Колец становилось всё больше и больше...

— Вы кто? — весело спросил Гук.

— Я Домовой. Не видишь, подметаю? Разве от вас дождётся...

Он пропылил бородой по полу вокруг стола с колбами и змеевиками. Мундштук медленно уплыл за дверь, за ним прошествовал Домовой.

И, если бы в воздухе не осталась туча пыли, Гук мог бы подумать, что всё ему тоже приснилось.

А Леший храпел так, словно от этого зависела его драгоценная для науки жизнь. Гук толкал, щипал его — спит да и только. Тогда он наклонился над его ухом и шепнул:

— Руки вверх!

Леший подскочил и задрал руки. Гук захохотался от смеха.

— Хе-хе. Я просто хотел тебя... развлечь, — нашёлся Леший.

Гук быстро оделся. А тот всё лежал да лежал, зевал и потягивался. Наконец, поднялся и он. Оказалось, что спал он, как и был, в брюках и даже в шлёпанцах.

— А почему ты одетым спишь?

— Из оригинальности, — сказал Леший и уточнил: — На всякий пожарный случай. Вдруг — пожар!

Они прошли в гостиную и остолбенели — в воздухе колыхались густые стаи пуха. Очевидно, Домовой и здесь подметал.

— Привет, — крикнул им Пальчик и что есть силы заколотил кулачками по спине спящего Людоеда. — Вставай! Ну, вставай, лежебока.

— Пора! — провозгласили хором Леший и Гук.

— Да я уже два часа как не сплю, — лениво отозвался он. — Разорались тут!

— А что же ты делаешь? — озадачился Пальчик.

— Мечтаю, — молвил Людоед. И зевнул двадцать пять раз подряд. Двадцать пять! — Вот видишь — не выспался, — заявил он и укрывшись с головой.

Тук... Тук... Тук... За окном на подоконнике сидела сорока и вертела головой.

— Войдите, — глухо сказал Людоед из-под одеяла.

Она толкнула окно крылом. Створка полуоткрылась, и птица протиснулась в комнату. Выдернула газету из своего хвоста, на котором, как всем известно, сороки приносят новости, и бросила на стол.

Лежебока нехотя встал, прошлёпал к буфету и кинул ей кусок сахара.

— Урра! — вскрикнула сорока, поймав сахар, и улетела.

Людоед сбросил пижаму и остался в широких полосатых трусах. Затем почему-то взобрался на стол, держа брюки перед собой.

Гук подставил стул к буфету, влез и протянул руку к вазе с сахаром. Но тут Людоед стремительно прыгнул в брюки. Пол содрогнулся, сладёна покатился вместе со стулом. Ваза накренилась и — а-ах! — разбилась вдребезги!.. Гук, потирая ушибленное плечо, быстро засунул кусочек сахара в рот. К нему стремительно подскочил Людоед. Мальчишка в испуге отшатнулся, но тот тоже схватил сахар с пола.

Потом взял газету:

— Что такое? Сегодня в нашем лесу — Большая охота? Надо бы посмотреть... Перед едой всегда полезно прогуляться, — бубнил он, вкусно хрустя сахаром. — Пошли, малец. А вы, — приказал он Гуку и Лешему, — готовьте завтрак, да повкуснее!

— А ты возьмёшь свои сапоги-скороходы? — спросил Пальчик.

— Скорох... — чуть не подавился Людоед новым куском сахара. — Какие еще скороходы?

— Ну как же! У всех людоедов всегда были замечательные семимильные сапоги. Так уж положено.

— Где они были положены, там их нет, — проворчал тот. — Украл. Мальчик с пальчик украл.

— Это не я!

— Не ты, — ехидно согласился Людоед. — Это было пятьсот лет назад. Знать надо, об этом тоже всем известно.

— Да-да, — поспешно сказал Пальчик. — Я просто подумал о таких сапогах. Удобно: одна нога здесь, другая там!

— Надо жить в ногу с веком. Скороходы... Я кое-что побыстрее имею. Закачаешься!

МОТОЦИКЛ И ВЕДЬМА

Пальчик почтительно притих — что за чудо! Людоед выкатил из сарая новёхонький мощный мотоцикл. Весь обтекаемый, блестящий, двухцветный.

Людоед потрогал шину — слабовато. И стал надувать её губами, как мяч. Она напрягалась всё больше и больше, становилась всё туже и туже...

А потом как грохнет — в ключья!

Пальчик чуть не упал. А в доме мгновенно распахнулось окно, и Леший заорал:

— Караул, стреляют! Наверно, из орудия?

— Кыш! — вскипел Людоед. — И стёкла новые вставь!

Леший исчез, с таким треском захлопнув рамы, что окно разлетелось вдребезги.

— А как вы заранее узнали про стёкла? — поразился Пальчик.

— Поживёшь с ним, не то узнаешь.

Людоед бегом притащил из сарая новую шину и насос:

— Так, пожалуй, надёжней.

Гук смотрел на них из разбитого окна и завидовал. Пальчику вечно везёт. Ну не обидно ли? Сиди тут с Лешим и готовь завтрак, а они там готовятся к какому-то явно увлекательному путешествию.

— Извините, ведь вы зарплату не получаете, да?.. На что же вы живёте? — вдруг спросил Пальчик, по-прежнему не сводя глаз с новёхонького мотоцикла.

— Что? — не понял сначала Людоед, а потом по-стариковски пробурчал: — Живу со своего огорода.

В окне, оттеснив Гука, вновь стремительно возник Леший:

— И ещё мы торгуем лекарствами моего собственного изобретения. А охота? Ба-бах! — и домашнего гуся как не бывало! На десять метров от деревни отошёл — значит, дикий.

— Эй, Ведьма! — прокричал Людоед, усаживаясь в седло. Мотоцикл сразу же осел под ним.

Из трубы со свистом вырвался небольшой тёмный смерч, со стуком опустился во дворе и, юрко вращаясь, стал приближаться к нему.

Пальчик даже рот раскрыл от изумления — туда залетела муха, не нашла там ничего интересного и улетела. А малец и не заметил.

— Ну ты, парашютистка, полегче на поворотах, — сказал Людоед.

Смерч закружился медленнее. Теперь можно было разглядеть Ведьму верхом на метле. Она остановилась локоть о локоть с Людоедом. Это была обыкновенная карга, знакомая нам по картинкам и фильмам. Только в очках. В круглых.

— Я здесь! — по-солдатски рявкнула Ведьма.

Пальчик спрятался за сапогом Людоеда.

— Где ночью ходила, бродила, шаталась? — строго спросил тот. Пальчик робко выглянул из-за его сапога.

— Я летала в кино на вечерний сеанс, — проскрипела Ведьма. — А потом ночью в догонялки играла — с филином молодым.

Тра-та-та-та-та! — затарахтел мотоцикл.

— Догнала?

— Ага.

— Тогда по коням! — скомандовал Людоед, подхватив Пальчика и посадив себе на шею.

Ведьма разместилась сзади на втором сиденье. Людоед скрючился за рулём, почти касаясь коленями носа. Мотоцикл сделал чудовищный рывок назад. Треск, грохот! Леший и Гук отшатнулись от окна...

Когда они снова высунули головы, во дворе уже никого не было, только колыхались клубы дыма.

Мотоцикл бешено мчался по лесу. Руки Людоеда крепко сжимали руль, а руки Пальчика — усы Людоеда. Ведьма лихо размахивала позади метлой, вероятно, замечая следы.

Мелькали деревья. Пуф, пуф, пуф... Из выхлопной трубы вылетали кольца серого дыма. Какое-то время они мчались следом, затем лопались и рядами толстых линий убегали назад.

Сладко спал в густой высокой траве медведь, положив под голову лапу. Вдруг — ррр-тра-та-та! — через него молниеносно перепрыгнул мотоцикл Людоеда и исчез. Ошалевший мишка подскочил и удрал в кусты.

Дрались на тропинке два очень диких кролика, строго по очереди отвешивая друг другу пощёчины. Ррр-тра-та-та!.. Драчуны ошалело подпрыгнули в воздух. С воем пролетел между ними мотоцикл, и оплеухи достались водителю. Крутой поворот! Людоед резко повернул руль влево, а Ведьма метлой — вправо. Мотоцикл с налёту врезался в дуб и рассыпался на запасные части!

На тропинке, вихляя, прокатилось одинокое колесо и упало на бок.

Отброшенный в сторону, Людоед, крихтя, поднялся на ноги. Кругом — никого. Тишина...

— Ау-у-у, — закричал он.

— Тоже мне — гонщик, — послышался откуда-то сверху жалобный голос Пальчика.

Гонщик поднял голову. Малец висел на дереве, зацепившись штанами за сук. Людоед снял его и посадил на плечо.

— Ведьма-а... — завопил он.

— Ведьма-а... — басом откликнулось эхо.

Внезапно из-за кустов раздался скрипучий голос:

— Чего разорался? Лихач! У тебя наверняка и прав нету!

Бесправный лихач раздвинул ветки. На дне лесной ямы сидела Ведьма и жалобно охала.

— Больше на мотоцикл ни-ког-да не сяду. Меня, старую женщину...

— Но вы так молоды, — залебезил он.

— Этого не скроешь! — Она презрительно сжала губы и с трудом оседлала свою неразлучную метлу. — Но уж лучше я по старинке.

И улетела, нарочно задев его по затылку метлой.

ЗАГАДОЧНЫЙ СГОВОР

Людоед пнул ногой разбитый мотоцикл и полез сквозь кусты напролом.

— Н-но, н-но! — командовал Пальчик своим «конём», держась за серьгу в его ухе.

Неожиданно «конь» остановился и повёл носом:

— Человеком пахнет!

— Двумя. И собакой, — уточнил Пальчик. Он стоял на цыпочках у него на плече, и ему было всё отлично видно.

— Понимаешь, насморк, — сконфузился Людоед и тоже встал на цыпочки.

За высокими кустами по просеке шли двое с охотничьими ружьями за спиной. Впереди петляла пегая собачонка, её длинные уши волочились по земле.

— Охотнички. Шляются где попало. Приходится присматривать. Вдруг на мой дом наткнутся...

Те двое, не спеша, приближались к дремучим кустам, за которыми притаились Людоед и Пальчик. Один из охотников был остроносый и длинный, как два составленных вместе бильярдных кия. Другой — крепыш средней упитанности с лицом трусливого живодёра.

В первом Пальчик сразу узнал посла — генерала Пафа. Ведь он видел вчера гарцующего на белом коне актёра, который, изображая генерала, был довольно точной его копией.

— Кто бы это мог быть? — тишайшим шёпотом размышлял вслух Людоед, глядя на генерала.

— Посол Двадцать седьмого государства, — прошептал ему на ухо Пальчик.

— Как же, читал про него в газете.

— А второго я не знаю.

— Не мудрено, он редко выходит из своего дворца. Это сам уважаемый Держихвост.

— Правитель нашего города? Я только слышал о нём.

— Тс-с... — приложил палец к губам Людоед.

Охотничья собака вдруг прижалась к земле и начала лаять на кусты, за которыми они прятались. Охотники, увлечённые разговором, остановились, не обращая на неё ни малейшего внимания.

— Очень хорошо, что мы можем с вами побеседовать вот так с глазу на глаз, рука об руку, ухо к уху, — сказал посол-генерал Паф. — В вашем дворце столько народу. И потом эти слуги, лакеи, секретари... Они вечно подслушивают, уважаемый Держихвост.

— Безусловно, — поддакнул Правитель. — Представляете, я ни на кого не могу положиться, даже на самых близких приближённых. Стоит мне хоть что-то узнать, пусть под самым строжайшим секретом, как об этом назавтра уже знает весь город!

— Верно, — подхватил Паф. — В соседней с нами стране Тридцатии всё дело сорвалось именно из-за этого. Поднялся ужасный шум, жители забросали нас бутылками, извините за выражение, с жёлтыми, скажем так, чернилами! Пришлось уехать.

— У нас такого не случится, — самодовольно улыбнулся Держихвост. — Все обожают меня. — И будто ненароком добавил: — Боготворят, как отца.

Людоед и Пальчик беззвучно рассмеялись за кустами.

— Но тем не менее, — с беспокойством заметил Паф, — надо соблюдать строжайшую тайну во всех наших секретах.

Собачонка, рыча, прошнырнула сквозь кусты. Людоед ловко схватил её за шкуру. Онемев от испуга, она на мгновение повисла в воздухе, а затем исчезла в глубоком кармане его плотной куртки.

Охотники даже не заметили исчезновения своей вьедливой ищейки.

— Да-да, — сказал Держихвост. — Конечно, тайна.

— Никакого шума, — подчеркнул Паф. — Об этом должны знать только вы, я и мои троекратно перепроверенные люди. Учтите, это в наших-ваших интересах.

— Я думаю, остров Утиный на озере — самое подходящее место.

— Пожалуй, — согласился Паф. — Я смотрел по карте — абсолютно глухое место.

— Кроме охотников, там никто не бывает.

— Надо позаботиться, чтобы и охотники туда носа не совали. У меня всё продумано. Объявим заповедником...

— Это будет подозрительно, — перебил его Держихвост. — Все знают, что и на озере, и в этом лесу нет никакой живности — только утки да кролики. Правда, егеря врут, что где-то в чаще живет одинокий медведь, но...

— А оленей для чего я пригнал?! — торжественно произнёс Пиф-Паф.

— Для чего? — встрепенулся Держихвост. — Я ещё вчера хотел спросить. Много сена, извиняюсь, жрут. Моего.

— Не волнуйтесь. Выпустим их в самую чащу, обнесем её забором...

— Всю чащу? — ахнул правитель.

— Всю. В таких делах на заборы нельзя скупиться!

— Вам или мне?

Генерал оценивающе взглянул на него:

— Мне.

— Продолжайте, — благосклонно кивнул Держихвост.

— А вдоль забора поставим охрану, — продолжил Паф. — Ваших людей, — уточнил он. — Сформируйте специальный отряд из бывших стражников за хорошую плату. Не волнуйтесь, плачú я. Они и будут охранять новый «заповедник». Ну, а на самом островке будут дежурить мои личные ребята. Второй круг, так сказать. Мы их тоже, как и ваших, оденем в егерскую форму. Ну, эти зелёные кители, шляпы с пёрышками... Всех обманем, и тогда — полный порядок. Клянусь, мы добьёмся цели! — загорелся генерал. — Ляжем костыми!

— Чем скажете, тем и ляжем, — с готовностью заявил Правитель.

Генерал озадаченно посмотрел на него.

— Я гляжу, вы глуповаты, — бесцеремонно сказал он.

— Есть маленько, — не обижаясь, признался Держихвост.

— Что ж, тем лучше, — невольно улыбнулся Паф, — для нашего плана.

Донёсся глухой жалобный лай. Это собачонка безуспешно пыталась выбраться из кармана Людоеда.

— Но ваша Астра может потеряться, — прислушался Паф. — Её уже еле слышно. — Он взглянул на часы и заторопился. — Мне пора. Будем считать, что дело в шляпе.

Генерал поклонился с риском сломаться пополам и зашагал прочь. Он напоминал длинный циркуль, словно сам по себе измеряющий просеку.

— Да, — он внезапно обернулся, — что сказать вашей свите, оставшейся возле озера?

— Ну их в болото! — поморщился Держихвост. — Они только кроликов пугают. Я люблю охотиться один. Пусть меня ждут и готовят обед.

— Ни пуха, ни пера!

— К чёрту! — отозвался Правитель.

Людоед за кустами, придерживая рукой ворочающийся карман, слегка повернул голову к Пальчику:

— Для чего они всё это задумали, а?..

— Астра! Астра! Где ты? — Кусты раздвинулись, и появился Держихвост.

Увидев невероятного здоровяка с «лилипутом» на плече, он застыл на месте. Людоед сцапал его, как недавно собачонку, и поднял в воздух за шиворот.

Правитель в ужасе поджал ноги и руки:

— Я... я...

Людоед заткнул ему рот подручным средством — тем, что оказалось под рукой, — шляпой Пальчика. Завязал пленному глаза своим старым носовым платком и сунул под мышку. Тут только Держихвост пришел в себя, задёргался и замычал, но было поздно.

СЕКРЕТНАЯ ТАЙНА

Правителя бросили на зубо­врачебный «трон» в гостиной, и он на мину­ту потерял сознание. А когда очнулся — перед ним, уперев кулаки в бока, стояли строго по росту Людоед, Леший, Гук и Пальчик. На полу лежала его пегая Астра и деловито ёрзала зубами, выискивая в шерсти беспокойных блох.

— Разбой! Где я? — прошептал Держихвост, бегая взглядом с одного на другого. — Вы разбойники, да?.. У меня при себе только пятьдесят...

Су­етливой рукой он полез во внутренний карман. Но знакомый уже ему похититель далеко выпятил челюсть и щёлкнул могучими пальцами перед его носом:

— Мелко плаваешь. Я Людоед Шестнадцатый!

Держихвост икнул.

— Ого-го! А я попросту Леший Шестой, — ехидно подмигнул детина в тельняшке.

— Неправда... Сказки, легенды, басни, небылицы... Я сплю. Ущипните меня!

Леший охотно ущипнул. Держихвост подскочил:

— Ой-ёй! Чего щиплешься?!

— Сами ж просили, — подал голос Пальчик.

— А ты, собственно, кто такой?

— Я мальчик с пальчик. С пальчик великана, конечно.

Правитель аж застонал и вяло махнул пухлой ладонью:

— Враки! Ты тоже выдуман...

— Электроплитку, сковороду, маргарин! — рявкнул Людоед.

Пальчик и Гук побежали на кухню.

Леший склонился над Держихвостом и двумя пальцами оттянул его толстую щеку. Она с хлюпаньем возвратилась на место.

— Так и думал. Обжора. Очень упитан. Очень! Не скромничай.

Щёки Правителя посерели.

— Так будешь отвечать на вопросы? — мрачно сказал Людоед. — О чём договаривались с послом?

— Произвол!.. Ничего я вам не скажу.

Леший подошёл к Людоеду, и они нарочито громко зашептались:

— Бифштекс или ромштекс?..

— Бифштекс из него не выйдет. Качество не то. Сала много. Пустим его на ромштекс.

— Не надо меня на ромштекс! — отчаянно крикнул Правитель.

— Значит, на бифштекс? — спросил Людоед.

— Не надо на бифштекс!

— Какой привередливый! — возмутился Леший. — Никак ему не угодишь. И то — не это, и это — не то. Раскричался!.. Не беспокойся, я тебя зажарю по всем правилам высшего поварского искусства. С луком!

Людоед громко чмокнул губами.

Держихвост пронзительно заскулил. Огромные слёзы скатывались по щекам и разбивались об пол, как переспелые груши.

Гук приволок чудовищную сковороду и вынул из неё электроплитку. Пальчик еле донёс пять пачек маргарина и положил их на сковороду вместе с обёрткой.

— Мне всё это снится, — негодовал Правитель. — Вы меня не посмеете съесть, у меня вечером важный приём.

— Точило! — приказал Людоед.

Леший быстро принёс точильную раму. Людоед раскрыл большой перочинный нож величиной с маленькую саблю.

— Зрелище не для детей, — грозно сказал он, указывая ребятам на дверь. И незаметно для Держихвоста добродушно им подмигнул.

— Помоги-и-ите!.. — тонким женским голосом вскричал Правитель и зажмурился. — Всё равно ничего не скажу.

Гук и Пальчик выбежали в коридор, подставили к двери стул и стали смотреть в замочную скважину, отталкивая друг друга.

Ж-жик, жик... Леший сосредоточенно крутил рукоять точила.

Ж-жик, жик... Снопом летели искры из-под ножа Людоеда.

Вот он попробовал остроту лезвия на ногте, потом, морщась, выдернул из усов волосок и резко рассёк его пополам. Этот зловещий жест совсем доконал Держихвоста: он разом весь поседел, а затем все волосы враз осыпались.

— Я ещё вам пригожусь! — заверещал пленник. — Я всё скажу! Всё, что знаю и не знаю, и что буду знать!

Однако отдадим ему должное. До сих пор, хотя и по-своему, он держался довольно упорно. Вероятно, тайна была слишком уж секретной!

— Ну? — Людоед поиграл ножом.

— Уберите эту сковородку, — взмолился Держихвост. — Она мне мешает.

— Опять капризы? — Леший, помедлив, всё же унёс её.

Правитель облегчённо вздохнул.

— Так о чём вы сговаривались? — нацелил на него палец Людоед.

— Ч-через неделю на острове Утином п-поставят, п-поставят... — Правитель, запинаясь, не решался сказать, что же именно.

— К-катапульти, — наконец, вымолвил он. — Б-боевые катапульти.

— А зачем?!

— Котов пулять! — захохотал Леший.

— Не «кото», а «ката» — катапульта, — оборвал его смех Людоед и вновь повернулся к Правителю. — Зачем они, ну?

— Чтобы... это самое... обороняться, — с трусливой важностью сказал Держихвост.

— От кого?

— От всех. От любых зарубежных соседей и несоседей, — снисходительно заметил Правитель. — И потом, нападение — это лучшая оборона!

— На кого?

— Ну, мало ли на кого, — ухмыльнулся тот. — Было бы с чем, а на кого — найдём. Генерал Паф был настолько добр, что решил поставить у нас их десяток-другой. Просто так, на всякий случай. Впрочем, это не наша забота. Катапультами будут заправлять люди генерала, а не мы.

- А какова их дальность действия?
- Огромная! Точно не знаю. Мощнейшие тяги!
- Резиновые или пружинные? — внезапно заинтересовался Леший.
- Гидравлические, — напыжился Правитель. — Техника на грани фантастики.
- А что они кидать, бросать, швырять могут?
- Что угодно!
- И бочки с порохом? — продолжал выпытывать помрачневший Леший.
- Да хоть с динамитом!.. Теперь-то все наши соседи прижмут хвосты. Мы не потерпим, чтобы они задирали нос!
- Ах, не потерпите? — хмыкнул Людоед.
- Надеюсь, всё это останется в тайне между нами, как водится среди порядочных людей, — беспокойно сказал Держихвост.
- А теперь слушай меня, — многозначительно сказал Людоед. — Если это и впрямь не останется между нами, вспомни про сковороду. Она будет тебя терпеливо ждать. Может, снова показать её поближе?
- Не надо! — наотрез отказался Правитель. — Я вспомню. Я буду нем, как... как немой.
- Да и всё равно тебе никто не поверит, — пошевелил бакенбардами Леший. — Сам же говорил, что нас не бывает!
- В комнату стремительно вошёл Домовой. В зубах у него на сей раз торчала массивная изогнутая трубка с блестящей крышкой.
- Откуда трубочка? — удивился Леший.

— Подарили. Пробую. Проверяю, — ответил Домовой. — А это что за жизнерадостный тип? Почему в доме посторонние? — И принялся расхаживать по комнате, поднимая пыль своей длинной бородой, за которой увлечённо забегала собака Астра.

— А он записан в Домовую книгу? — резко повернулся Домовой к Правителю.

— Да-да, то есть нет-нет, — вконец ошалел Держихвост.

Домовой яростно запыхтел, засопел, закричал своею трубкой:

— Тогда потрудитесь закрыть за собой дверь вон с той стороны. Это вам говорю я — потомственный Домовой. Вас мало пороли в детстве!

— Так точно, господин Домовой, — безропотно согласился Правитель и обрадованно засеменил к выходу.

— Минутку, — остановил его Людоед. — Заруби себе на носу, милейший, я хорошо помню время, когда в нашем лесу вместо птиц летали осколки.

— А вот со мной на войне случай был, — оживился болтун Леший. — Помню, подвела меня тогда страсть к путешествиям. Я проник в порт и упаковался в большущий контейнер с консервами. И надо же! Вы думаете, я попал на торговое судно? На подводную лодку! И я в каком-то неизвестном море просидел целые три недели без воздуха под водой. Только консервы меня и спасли. Брр... С тех пор я категорически против любого военного снаряжения!

— Покажи язык, — вдруг озабоченно попросил Пальчик.

Леший, не ожидавший подвоха, послушно высунул язык, с беспокойством глядя на всех.

— Действительно без костей, — определил Пальчик.

Людоед расхохотался.

— Завяжи глаза этой отбивной, — указал он Лешему на Держихвоста, — и отнеси куда-нибудь на большую дорогу. Только остерегайся, чтоб вдруг не укусил. По-моему, он ядовит. Топаи!

— А пёс? — спросил Леший, оглянувшись на Астру.

— А пёс с ним!

ПОТЯСАЮЩИЕ НОВОСТИ

Пришёл вечер. А потом другой, третий... Пробежала быстрая неделя с тех пор, как Пальчик и Гук попали в дом Людоеда.

Леший слушал по старому хриплому приёмнику репортаж с боксёрского матча.

— Так его! — вскрикивал он. — А его так!

Ведьма сидела в уголке возле торшера и вязала на спицах зимний купальник. А что, она была «моржихой»!.. Людоед лежал на диване, читая свежую вечернюю газету, которую, как всегда, доставила сорока на хвосте. Он попыхивал сигарой, напоминающей полено, и перекачивал её из угла в угол обширного рта.

Домовой чистил свой длинный сигаретный мундштук шомполом, словно ружьё.

— Ну и скучища, — пробурчала Ведьма. — Лес, глухомань...

Она подошла к раскрытому окну. У подоконника стояла метла с сиденьем от разбитого мотоцикла.

— Полечу-ка я в кино. В городе идет новая комедия «Усопший карп» — из жизни пресноводных.

— Так его! — снова вскрикнул Леший. — А его так!

Ведьма плюнула и со свистом вылетела на метле в открытое окно.

— Та-та-та-та-та! — В комнату вбежали Пальчик и Гук с палками в руках. Они играли в войну. Леший сразу же залез под стол и стал «отстреливаться» из карандаша. Он очень любил играть. В любую игру!

— Молчать, когда вас спрашивают и не спрашивают! — крикнул Людоед. — Не люблю, когда дети играют в войну. Не к добру это...

Внезапно откуда-то донёсся далёкий механический шум, нарушивший привычную болтовню леса. Все замерли.

— Грузовики, молотки, пилы... — тревожно определил на слух Леший. — Всё-таки началось. А я-то надеялся: вдруг передумают или забудут. Вот, к примеру, я всё помню, но я забываю.

— Леший и Пальчик — за мной, — устремился к выходу Людоед.

— А я? — обиделся Гук.

— Остальные — на месте.

Пальчик, подпрыгнув, хлопнул раздосадованного приятеля по плечу:

— Тут дело для больших, малыш!

— Не забудь взять ножовку, — обернулся к Лешему Людоед.

За порогом он вынул из своего глубокого кармана громадную рогатку с красной резиной — шириной в ладонь, а длиной, пожалуй, чуть ли не с хорошие вожжи. Попутно, ещё в гостинной, он ухватил со стола несколько крупных зелёных яблок.

— У тебя замечательная рогатка, — восхитился Пальчик. — Дашь яблоками пострелять?

Людоед посадил его себе на плечо, тот привычно схватился за серьгу — и началась такая гонка по вечернему лесу, что чёрные деревья замелькали по сторонам, как бесконечные заборы. Шум машин становился всё громче, и вот впереди замаячили яркие глазастые огни.

Людоед остановился. Прибежал запыхавшийся Леший и схватился всей пятернёй за сердце:

— Я вам не лошадь, и мы не на ипподроме!

На берегу озера тёмными глыбами сучилось целое стадо машин-фургонов с горящими фарами. При их свете мордатые егеря в шляпах с фазаньими пёрышками возводили деревянный мост к острову. Егерские шляпы шли бравым воякам — по выражению Лешего — «как быку панама». Это были переодетые отборные карабинеры, ещё недавно тайно сопровождавшие посла в тех же самых крытых грузовиках во время торжественного проезда по городу.

Под деревом у самой воды стояли Паф и Держихвост.

— ... Ну вы и шутник. Горазды заливать! — посмеивался генерал. — Леший в тельняшке? Людоед с ножом? Мальчик с пальчик?.. Сказок начитались. Ха-ха-ха, — расхохотался он.

— Хе-хе-хе, — жалобно вторил ему Правитель. — Вам-то сейчас смешно, а каково было мне?!

Он боязливо оглянулся и внезапно встретился взглядом с Людоедом, высунувшим голову из-за соседнего дерева.

— Ой! — вскрикнул Держихвост и торопливо закивал: — Да-да. Вы правы. Конечно, сказки. И людоеды, и лешие, и домовые... Пока, я спешу! — Он стремглав кинулся к легковой машине с пузатой короной на дверце.

— Куда вы? — растерялся посол — генерал.

— У меня заседание, — нервно отозвался Держихвост.

Машина скрылась в лесу, подпрыгивая на ухабах, словно лягушка.

— Что с ним стряслось? — покачал головой Паф. — Плетёт несусветное! — И направился к грузовикам.

Людоед, Леший и Пальчик, прячась за деревьями, крались следом. Остановились.

— Дальше нельзя. Опасно, — поёжился Леший. — Как стрельнут! И станешь тяжелее граммов на десять... свинца.

— Так... Займись мостом, — шёпотом приказал ему Людоед.

— Почему — я?

— Ты проворный — сумеешь смыться, когда начнётся паника. Да и всё-таки ты поменьше меня, не столь заметный.

— Я очень заметный, — оскорбился Леший, — очень представительный, последний медведь тебя задерит! Может, я чуть и пониже, но моя мишень ничуть не лучше твоей, — и пригрозил, уходя на задание: — Вот прихлопнут дружка, плакать будешь.

— Ну, малец, а теперь ты. Надо проколоть шины, — Людоед протянул Пальчику свой перочинный нож.

Пальчик гордо положил его на плечо, словно саблю, самоуверенно заявив:

— Это мы махом! — И скрылся в высокой траве.

СХВАТКА

На заднем борту грузовика сидел, свесив ноги, верзила охранник. Из тёмной глубины кузова ему передали фляжку. Только он к ней приложил-ся, как вдруг — шрррах! — машина резко осела на бок. Верзила с фляжкой кубарем скатился в бурьян, раздался вопль:

— Пролилась!

— Что там? — Генерал подбежал к фургону.

Охранники растерянно перегнулись через борт:

— Шина...

— Две, — мрачно доложил упавший.

— Залатать! Двести людоедов вам в глотку, капрал!

— Слушаюсь, — вытянулся верзила.

Генерал ударил ногой по фляжке.

— Пустая... — прислушался капрал к улетающему в темноту звону.

Снова — громкий шипящий треск! Перекосило соседний грузовик. Крики!...

— Опять? — Паф схватился за голову.

Шрррах! На этот раз осел третий фургон.

Паф в ярости затопал ногами:

— Снова шина?

— Она, господин генерал, — донеслось в ответ.

— Всё у вас не по-человечески! — возмутился он.

И вновь — следующий грузовик с треском накренился на бок.

Началась паника!.. Охранники бегали вокруг машин, вопили, сталкивались. Кто-то сбил генерала с ног и упал сам. На них свалилось сразу двое. Ещё один, другой, третий... Куча мала!

А Пальчик тем временем втыкал нож в шину пятого фургона. Она была ярко освещена луной, которая низко висела под веткой высокой сосны, будто большой ёлочный шар.

Внезапно на колесо упала чья-то тень. Он обернулся. Сзади стоял верзила капрал.

— Попался!

Пальчик бросился прочь. За ним гулко затопали сапоги:

— Лови его!

Отовсюду сразу понеслись крики:

— Держи!.. Хватай!..

Преследователь уже было настиг беглеца, но Пальчик ловко прошмыгнул у него между ног. Капрал сорвал с плеча карабин и передёрнул затвор.

— Стой! — коротко приказал он.

Беглец невольно застыл на месте.

И тут из-за дерева появился Людоед со своей непомерной, растянутой до отказа рогаткой.

Капрал, не сводя карабина со странного мальчишки-коротышки, шагнул к нему. Но вдруг — бац! — прямо в лоб верзиле садануло яблоко и разлетелось на мелкие кусочки. Он рухнул, как подкошенный.

— Ты хорошо стреляешь. Почти как я! — присвистнул от восхищения Пальчик.

Людоед посадил его себе на плечо, легонько пошевелил ему мизинцем чуб и размашисто зашагал в тёмную чащу леса.

— Мы куда?

— Домой, — ответил он.

— А Леший? — спохватился Пальчик.

— За него не волнуйся. Он своё дело туго знает. Нигде не пропадёт.

— А что он должен был сделать?..

— Ещё сам увидишь, — усмехнулся Людоед.

А куча мала на берегу озера продолжала расти. Луна зашла за тучу, и «егеря» суматошно барахтались во тьме, не в силах разобраться, кто свой, а кто чужой, и яростно награждали тумачами кого попало.

Кто-то догадался включить фонарь. Сцепившиеся карабинеры ошарашенно уставились друг на друга.

— Ну и ну! — ахнул кто-то. — Это называется: бей своих, чужие будут бояться.

— Он там, внизу! Его поймали! — раздался возглас.

Куча мала постепенно рассыпалась... Внизу оказался сам Паф!

Воцарилось молчание. Генерала бережно подняли и стали почтительно отряхивать. Паф бессмысленно покачивался из стороны в сторону, как бамбуковое удилице, пока кое-как не пришёл в себя.

— Подняли панику! Никого чужого тут не было! — возопил генерал. — Не могли раньше проверить эти проклятые гнилые шины?

В освещённый круг, покачиваясь, вошел верзила капрал, волоча за собой на ремне карабин.

— Я его чуть не поймал, — он придерживал здоровенную шишку на лбу, словно боясь, что она отвалится под собственной тяжестью.

— Кого? — тяжело вздохнул генерал.

— Этакого коротышку, от земли не видать. С саблей... Он мне в лоб — булыжником!

— А ну, дыхни! — потребовал Паф, принохиваясь к нему, точно пёс. — Ясно, нализался! И яблоком закусывал. Убирайся с глаз!

Все загоготали и разошлись.

— За дело!.. Пьяницы! Лежебоки!.. Поворачивайтесь! — командовал генерал.

УТИНЫЙ ОСТРОВ

Луна потускнела, как всегда перед рассветом.

На крыше лесного дома сидели все его обитатели, кроме Ведьмы и Домового. Леший, зевая, посмотрел на свои светящиеся «морские» часы.

— Уже полпятого. Сегодня солнце проспало.

— Безобразие, — проворчал Людоед. — Лень и безволие.

И тотчас из-за верхушек деревьев колесом выкатилось солнце и удобно пристроилось на пышном белом облаке.

Куда ни посмотри с крыши, всюду лес и лес... И только вдали, за тёмным болотом, сверкало озеро, окружавшее остров Утиный.

Даже отсюда было хорошо видно — правда, в подзорную трубу, которую передавали по кругу, — как по новому деревянному мосту на остров пополз первый грузовик.

— Мост-то стоит! — накинулся Людоед на Лешего. — Обманул?

— Ты или с ума сошёл, или из ума выжил! — оторопел он. — Всю ночь не спал — трудился, столбы подпиливал. Глянь, какие мозоли — конские! Не видишь?

И тут мост рухнул — машина упала в воду!

Поплыли шляпы... Среди кувшинок замелькали головы «егерей»...

— Моя работа, — Леший гордо шмыгнул носом.

— Молодец, старина, — похвалил Людоед.

— Ура! — ликовали Пальчик и Гук.

Но радость была недолгой. Уже к полудню на озере ходил самодель-

ный паром. Карабинеры, крутя лебёдки, переправляли на остров машины — одну за другой.

— Проклятье! — переживал Леший. — Зря старался, радикулит зарабатывал.

— Мы им ещё покажем, — пытался успокоить его Пальчик, тербя за штанину.

— Катапульты возят, — возмущался Людоед, глядя в подзорную трубу. — Не очень большие, по-моему.

— Почему так думаешь? — перехватив её, усомнился Леший.

— Большие в такие фургоны не поместятся.

— А если по частям доставляют? И собирают на месте? Ведь можно?

— Можно, — озадачился Людоед. — Но вряд ли. А всё-таки?.. — задумался он.

— Казалось бы, но однако же. Кто знает?! — в тон ему туманно заметил Леший. — В споре с тобой может победить только эхо.

Людоед хмуро посмотрел на него и сказал:

— Сегодня ночью нам всем придётся попотеть.

— И мне? — с надеждой спросил Гук.

— Я сказал: всем. Даже Ведьме и Домовому.

— А я говорю — только без меня! — выглянул на крышу из слухового оконца вездесущий Домовой. — На мне весь дом держится! Завтраки, обеды, ужины, — загибал он на ручках пальцы, — уборка, стирка...

— Убедил. Остаёшься.

Домовой согнал с лица довольную ухмылку, строго поджал губы и исчез.

День тянулся и тянулся... И вот снова наступила ночь.

«Она каждую ночь наступает», — как изрёк Леший ребятам, которые вконец истомились, опасаясь, что никогда не стемнеет.

Людоед с коротким бревенчатым плотом на спине, Леший с длинным шестом и каким-то объёмистым мешком — а Пальчик и Гук налегке — бесшумно подкрались к озеру и залегли в густой траве на берегу. Ведьма с ними не пошла. После краткого разговора с Людоедом она куда-то улетела: у неё было особое задание. И наверняка не менее опасное, потому что улетала она с явной неохотой.

По прибрежным кустам методично шарил с острова луч прожектора. Когда луч убегал прочь, можно было различить за широкой полосой воды контуры высокой сторожевой вышки, небольшого подъёмного крана и дощатых барачков. Доносились лязг и стук какой-то работы...

— Всё стучат, стучат, — вздохнул Леший. — У меня от них мигрень. Ну, это когда мозги болят или слева, или справа. А у меня — везде, даже сзади.

— Мозжечок это. Он у меня всегда болит, — прошипел Людоед. — От тебя.

С острова донёсся протяжный звук колокола, вероятно, означавший «отбой», и замелькали силуэты идущих к барачку «егерей». На вышке по-прежнему вращался ослепительный глаз, шаря вокруг всего островка столбом света.

Луч прошёл мимо...

— Пора, — шепнул Людоед, тихо столкнув плот на воду. Все быстро влезли, и Леший лихорадочно заработал шестом.

— Лево руля! Право руля! — шёпотом командовал он сам себе. — Помню, на дальнем море...

Он вновь с силой оттолкнулся. Плот резко ушёл вперед, и, так как шест увяз, глубоко воткнувшись в дно, то кормчий вдруг одиноко повис на нём посреди озера. Плот замер метрах в трёх от него. Шест медленно клонился к воде. Лицо у Лешего было странное.

Шест тихо упал. Кормчий окунулся, взял его в зубы и подплыл к плоту. Залез и резво отряхнулся всем телом, словно собака.

Неумолимо приближался сделавший круг луч прожектора. Все плотно прижались к мокрым бревнам. Луч зацепил лишь краешек плота... Леший опять бешено заорудовал шестом, и они вышли из опасной зоны.

Вскоре плот очутился под нависшими над водой кустами, как под крышей.

— Ты сиди здесь, — наказал Людоед Гуку. — В случае чего, подай сигнал. Вот так: ку-ку-у...

— Опять оставляете, — заныл Гук. — А я сильный. Я куда сильнее Пальчика!

— Ты ещё мал, — снисходительно заметил ему тот.

— Ты ещё более мал, — обиделся Гук.

— У тебя самое важное задание! — спохватился Пальчик.

— Тсс... — Людоед привычно посадил его себе на шею и осторожно выбрался на берег. Следом за ним, зачем-то засучив брюки, прошёл по воде, весь мокрый, Леший.

Сразу же за кустарником стояла ограда из колючей проволоки. Предусмотрительные Людоед и Леший вынули кусачки и бесшумно проделали — пока неизвестно для чего — широченный проход. Затем поползли. Пальчик лежал на шее Людоеда, вцепившись в его длинные усы, перекинутые за спину.

Впереди, метрах в двадцати от лазутчиков, торчала прожекторная вышка. По соседству с ней, поблескивая стальными коленами поршней, виселись — в холостом, не отогнутом назад положении — забрасыватели двух катапульта на пусковых станинах с какими-то рычагами. Вокруг прохаживался часовой в длинном плаще.

Всё-таки прав оказался Леший: катапульти перевезли по частям и собрали на острове.

Людоед внезапно остановился. Ползущий сзади Леший звучно наткнулся лбом на его сапог.

Часовой уставился в их сторону. Вспыхнул фонарик. Луч пробежал по высокой траве, выхватил хохолок на макушке Людоеда — и исчез.

— Опять эти кролики, — пробурчал часовой, пряча фонарь и доставая из кармана тёмную бутылку. Забулькала жидкость.

Леший повёл носом:

— Розовое полусладкое.

Людоед приставил ему ко рту каблук сапога:

— Тихо. Без рекламы.

Затем вынул рогатку, заложил в неё яблоко...

Бац! — И часовой, дёрнув головой, упал в траву. Людоед и Леший подбежали, мигом оттащили охранника в густые кусты и заткнули ему рот комом лопухов. Леший быстро натянул на себя его просторный егерский плащ, нахлобучил шляпу с пером и схватил карабин. Ещё секунда, и он невозмутимо уже стоял на посту вместо часового.

— Эй! Чего там? Я вроде слышал шум, — запоздало послышался голос с прожекторной вышки.

— Опять кролики, — невозмутимо бросил Леший.

— Пить надо меньше, — насмешливо донеслось с вышки. — Голосок у тебя, как у лешего из детских передач!.. Слышь, я пока подремлю часок, а прожектор пусть крутится без меня. Смотри в оба, за двоих.

— Ладно, — промычал Леший.

Через минуту на вышке послышалось похрапывание.

— Нам везёт, — прошептал Людоед Пальчику, вылез из кустов и деловито обошёл одну из катапульт.

— Вот бы в наш двор — для самообороны, — шёпотом размечтался Леший, потирая озябшие голые ноги одну о другую.

Людоед поставил Пальчика на железную лесенку сторожевой вышки и дал кусачки:

— Лезь наверх. Затаись под последней ступенькой, и, если начнется шумиха, быстренько перекуси кабель прожектора. И не бойся, током не ударит — ручки кусачек заизолированы.

— А если тот, на вышке, проснётся?

— Я его враз собью из рогатки. Считай, ему сейчас тоже повезло.

Пальчик подмигнул — чего, мол, там! — и полез вверх.

— Ты только кусачки не урони, — тихонько напутствовал Леший. — Тяжелы для тебя. Ох и грому же будет!

— А ты сумеешь? — спохватился, задрав голову, Людоед.

— Не маленький, — ответил Пальчик.

Леший и Людоед принялись сосредоточенно изучать на станине рукоятки и рычаги.

— Идиотское устройство, — ворчал Леший. — Я бы лучше придумал. О, я великий изобретатель!

— Заткнись, учёный. Дружка разбудишь.

На вышке по-прежнему звучал тихий храп. Размеренно вращался прожектор.

— Хорошо, их только две... — вздыхал Леший. — Я уже устал до смерти... Интересно, на сколько километров они всё же бьют?

— На порядочно.

— Угу. По порядочным людям.

— Отвяжись.

— Так... Разобрался, — Леший вдруг потянул на себя самую неприемлемую рукоятку.

Торчащий ввысь забрасыватель катапульти дрогнул, отсоединившись и от коленчатых поршней, и от самой станины. Сейчас он удерживал равновесие только силой своей тяжести.

— Не дыши — рухнет, — по-хорошему предупредил Леший. — А теперь хватай, ты у нас известный силач.

— Да и ты не слабак, — примеривался, как удобнее ухватить «метательную ложку», Людоед.

— Ей бы хорошо суп метать, хлебать, черпать из бычьих хвостов. Ни одного не упустишь.

— А, по-моему, можно и целого быка зачерпнуть. Ну, ты готов?

— Давно готов. Всегда наготове.

Они с трудом приподняли «ложку» стоймя, опустили нижним концом наземь, наклонили и, ловко перебирая руками, взвалили её себе на спины.

Лешему достался «черпак» забрасывателя.

— Ничего себе, — закричал он.

Согнувшись, они побрели к проходу в колючей проволоке.

— Эх, годы, — вздыхал Людоед. — Теперь даже ложку еле поднимаю. А ведь она, наверно, и полтонны не тянет...

— Тебе хорошо, — пыхтел Леший. — А у меня силы — слабые. Мне необходимо усиленное питание. Усиленное нашим Домовым, — пояснил он.

— Левее... Правее... Прямо! — всё так же шёпотом командовал идущий впереди Людоед.

— Напрасно мы Гука не взяли, — ныл позади Леший. — Помог бы он мне...

А Гук в это время, один-одинёшенек, стоял в темноте на плоту под нависавшим кустарником и напряжённо прислушивался к выматывающей душу тишине. Он не видел и не слышал, как бесшумным шагом лесных жителей прошли за кустами похитители катапульта. Не видел и то, как они беззвучно двинулись вдоль отмели — туда, где к островку почти вплотную, отделённые лишь узкой протокой, подступали зыбуны бездонного болота. От него даже сюда тянуло запахом гнилых водорослей и жирной грязи. И уж подавно не мог увидеть, как две тёмные фигуры, тяжело раскачав длинный ложкообразный предмет, швырнули его и он с чавканьем погрузился в трясину.

И, конечно, Гук даже и предположить не смог бы, что вскоре та же участь постигнет и забрасыватель другой катапульти.

С Гуком случилось... Но об этом после.

— Вторую мы еле-еле дотащили, — устало сказал Пальчик Людоеду и Лешему, когда, наконец, вернулись на место стоянки плота. Так и не пришлось ему проявить себя во всём блеске с кусачками на сторожевой вышке: охранник не проснулся, а смены караула ещё не было.

— А где же Гук? — вдруг вскрикнул Пальчик.

И Гук, и сам плот исчезли. Тайнственно поблёскивала угольная, чёрная вода.

В ПЛЕНУ

Карабинеры в зелёных егерских жилетах сидели за огромным столом и играли в карты. Всё в караульном бараке плавало в сигаретном дыму.

С грохотом распахнулась дверь, двое охранников втолкнули Гука. Из-за стола поднялся тот самый верзила капрал, который вчера гонялся за Пальчиком.

— Ужасные новости!.. Часовой пропал! — забубнили они. — Обшарились!

— И забрасывателей у катапульта нет! — растерянно доложил один из них. — Может, они сами по себе... улетели, господин капрал?

— И часовой вместе с ними! — хлопнул себя по лбу второй.

— А если будет ответный удар? — в испуге вскочили игроки в карты.

— Что?! — Ноги у капрала внезапно подкосились, он беспомощно плюхнулся на стул. — А это кто такой? — указал он на Гука.

— Поймали у берега — втихую! Даже пикнуть не успел. Странный тип. Сидит на плоту. Я ему — раз! — зажал рот, а он мне в ладонь кукует. — Охранник кивнул на молчащего Гука и покрутил пальцем у виска.

— Как — кукует? — опешил начальник.
 — Очень просто: ку-ку, ку-ку...
 — Заглохни! — Капрал встал. А игроки сели, машинально тасуя карты. — С ума посходили! Что я скажу генералу? — ужасался он. — А куда смотрел второй часовой?
 — Сны смотрел... Спал на вышке.
 — А вот ему за это — вышка. Сони! — завопил капрал. — Забрасыватели стащили!
 Жуткий его взгляд остановился на храбрящемся Гуке:
 — Обыскать!
 Патрульные обшарили задержанного.
 — Забрасывателей от катапульт нету! — ошалев, доложили они.
 — Нет?.. Странно, — вконец потерял голову начальник.
 — Вы забыли про мой задний карман! — усмехнулся Гук.
 — Говори, где они? — бешено затряс его капрал.
 — Вот ещё! Я немой.
 — Лодку, а в лодку — мотоцикл! Я сам повезу его в город к Пафу. У него и немой заговорит, всё расскажет.

НАПАДЕНИЕ

Случилось и впрямь непредвиденное. Дело было так... Двое охранников, посланных капралом в дозор, должны были обойти островок по всему прихотливому, извилистому берегу. Случайно они и обнаружили Гука, захватили его, а плот отогнали в другое место. Это произошло, когда Людоед и Леший уже возились со второй катапультой. Затем и те, и другие разминулись: охранники потащили Гука к себе в барак — вновь по берегу, а похитители катапульт опять двинулись с забрасывателем к болоту — через проход в колючей проволоке.

— Может, он испугался и уплыл назад на плоту? — сказал Людоед, следуя взглядом за скользющим по тому берегу лучом прожектора.

— Гук не такой, — обиделся за приятеля Пальчик.

— Надо скорее смываться, драпать, сматывать удочки! — И Леший запричитал: — Что делать? Я уже давно не умею плавать!

Неожиданно в небе раздался тонкий свист. Людоед встрепенулся и сложил ладони рупором:

— Карррр-р, карр-р, карррга!..

Свист усилился. На берег, взметнув тучу песка, села Ведьма верхом на метле.

— Ведьмушка, — обрадовался Леший. — Карга-дорогушенька.

— Цыц, полуночник, — огрызнулась она и повернулась к Людоеду. — Вызывали?

— Докладывай.

— Я видела сверху: Гука спапали караульные, — браво доложила Ведьма, для наглядности взяв метлой на «караул». — Они же и плот увели.

— Так... Вступает в силу запасной вариант — скорей перевози всех на тот берег.

— А как же Гук? — забеспокоился Пальчик. — Его же сцапали!

— Если и нас сцапают, — мудро заметил Людоед, — кто ему поможет?

Леший первым уселся позади Ведьмы на двухместном сиденье и, подражая манере Людоеда, посадил себе Пальчика на шею.

— Подтолкни, — попросила она Людоеда.

Он упёрся ладонями в спину Лешего, разогнал их, словно на забарахлившем мотоцикле, и — шж-шж-жж — метла с тремя седоками взвилась в воздух и растаяла в темноте.

А Людоед стал нервно прохаживаться по берегу: три шага влево, три вправо, как по тюремной камере.

Снова раздался свист, и вернулась Ведьма — уже одна. Он торопливо опустился на сиденье — метла круто прогнулась.

— Ирод, — разволновалась Ведьма. — Сломаешь.

— Й-эх, й-эх, — они дёргали плечами вперёд, отталкивались ногами, но никак не взлетали.

— Слазь, — потребовала она. — С тобой, тяжеловесом, мы здесь навсегда застрянем.

— Я сапоги сниму, — предложил он.

— Ага. И в руках держать будешь? Нетушки! Придётся тебе искупаться. Плыви, — твёрдо сказала Ведьма. — Можно и без сапог.

— Холодно... — Он зябко передёрнул плечами, неохотно покидая метлу.

Ведьма взлетела, в последний миг Людоед схватился за сиденье и повис на руках.

Метла летела над самой водой и вихляла из стороны в сторону.

— Утонем! — Ведьма уколола его булавкой в руку.

Он вскрикнул и с грохотом, напоминающим взрыв снаряда, рухнул в озеро.

Ту-ру-ту-ту!.. Раздался сигнал тревоги на острове.

Набежал столб прожектора. Ярко вспыхнуло несколько сильных фонарей. Скрестившиеся лучи выхватили голову Людоеда в тёмном озере, как самолёт в небе. Загремели выстрелы. Пули вспороли вокруг него воду. Он глубоко нырнул.

... Леший и Пальчик сиротливо сидели на песчаной косе — поодаль от острова. Выстрелы уже затихли, фонари погасли, и лишь одиноко кружил в стороне неутомимый прожектор.

И тут, яростно фыркая, вдруг подплыл Людоед, целый и невредимый, и на четвереньках вылез на берег. Они радостно бросились к нему.

— Привет компании, — буркнул пловец, стаскивая сапоги и выливая из каждого ведер по семь воды.

Леший ухмыльнулся, пощупав свою, наконец-то, просохшую одежду.

— Пошли разведем, что к чему, — сказал ему Людоед.

— И я, — засеменял Пальчик следом.

— А ты обожди здесь. Мы скоро. И не хнычь. Рано или поздно, а спасём Гука. Даю голову на отсечение! Его, — кивнул он на Лешего.

— Распоряжайся своей! — возмутился тот.

Они направились к лесистому мысу, который вдавался в озеро как раз напротив острова.

Пальчик остался один. С мохнатой ели срывались шишки и шлёпали по земле, как чьи-то редкие шаги.

Шж-ж-ж... Около Пальчика опустилась Ведьма на метле.

— Слышишь!.. Твоего Гука везут на лодке — прямо сюда! Где наши?

— Там, — показал он. И она улетела.

Пальчик взволнованно прислушался. Действительно, из темноты донёсся плеск вёсел... Ближе, ближе... Показались очертания широкой шлюпки, и он нырнул за куст.

На берег вылезли дюжие охранники. Они играючи вынули из лодки и поставили на берег мотоцикл с коляской: за рулём уже наготове сидел капрал, а в коляске лежал связанный Гук.

— По карте где-то здесь самая короткая лесная дорога к городу, — сказал капрал. — Ага, вот она! — включил он фары, осветив заросшие травой колеи.

Один охранник сел к Гуку, а другие вернулись в шлюпку и поплыли обратно.

Пальчик лихорадочно огляделся — «наших» всё ещё не было. Как

назло!.. Мотоцикл высился рядом — можно рукой дотронуться, — а что, если?.. Вот он зарычал, рванув с места, и Пальчик мигом прицепился к коляске.

Гук обернулся, рот у него невольно расплылся до ушей — он увидел рожицу друга. Караульный, почуяв неладное, резко повернул голову и вскричал, тоже увидав Пальчика:

— А!.. Кто это?

Капралу, нервно ведущему мотоцикл по ухабистой лесной дорожке, приходилось только догадываться о том, что происходит сзади, — он не мог остановиться, объезжая лужу. Поэтому, не оборачиваясь, он машинально крикнул:

— Руки вверх, кто бы там ни был!

— Руки вверх?! — ехидно раздалось откуда-то совсем близко из тьмы. И длинная рука Лешего выхватила из коляски связанного Гука.

Пальчик отцепился на ходу и покатился по траве — как раз вовремя! Мотоцикл налетел на дерево, вдруг резко упавшее прямо перед ним поперёк дороги, и опрокинулся.

Капрал и охранник вскочили, схватившись за кобуры. Тотчас из-за дерева вновь появилась длинная рука — на сей раз Людоеда, — подняла взвизгнувшего капрала за воротник, подержала чуток, будто взвешивая, и закинула далеко в чащу. Затем швырнула ему вдогонку караульного. «Караул!» — на лету вопил он. Если б он был спасателем, то наверняка б кричал: «Спасите!» А уж окажись он на должности какого-нибудь помощника, — без крика «На помощь!» тоже не обошлось бы. Порода такая.

Пальчик обнял Гука.

Леший подумал и обнял Людоеда.

— Телячьи нежности, — растроганно проскрипела Ведьма, кружась на метле над ними. — Полечу и обниму Домового.

— А ты, кажется, снова подрос, — приглядывался к приятелю Гук.

ОДИН — КРУГЛЫЙ НОЛЬ

В эту ночь никто не спал. Какой тут сон после таких ночных походов! Да и вообще вскоре пришлось бы вставать — рассвет не за горами.

Леший и Гук слушали по приёмнику специальную программу для страдающих лунатизмом и бессонницей. Домовой посапывал пустой трубкой, чтобы не вредить курением драгоценному здоровью. Ведьма раздражённо гадала на картах, ей всё время выпадал казённый дом. А Пальчик и Людоед играли в шахматы на клетчатой куртке Лешего — доска куда-то задевалась.

— Только по-честному, — говорил Пальчик. — Не на что-нибудь, — на щелчки играем. Не жилить.

— Ишь ты, — ворчал противник. — Смотрите-ка, я его шахматам научил, а он мне дикие условия ставит. Начальник — от горшка два вершка.

— А то я не буду играть.

— Ну ладно, ладно. Ходи.

Перевес был явно на стороне Пальчика. Он «съел» у своего учителя две лады, слона и шесть пешек. А Людоед забрал у него только коня, да и тот был какой-то облезлый, с облупившейся краской.

— У тебя ума не отнимешь...

— А знаешь — почему? Я не отдам, — улыбнулся Пальчик.

— Вы только не смейтесь, — вдруг промолвил Леший. — Но я вот подумал сейчас, что один — даже такой сильный, как ты, Людоед, — круглый ноль.

— Это я-то круглый?!

— А какой же!

Людоед засопел:

— Потому что я случайно проигрываю?

— Нет, я о наших ночных приключениях.

— А что, — самодовольно заявил Людоед. — Лично себя я круглым не считаю, — и снисходительно добавил: — И тебя тоже. Мы неплохо потрудились. Если бы каждый так!

— Вот-вот. Если б да кабы, во рту росли б шампиньоны.

— И был бы то не рот, а целый огород, — со смехом подхватили ребята.

— Ну, уж вы скажете... — запротестовал Людоед. — На таких отчаянных храбрецах, как мы, свет держится. — Он гордо развернул плечи.

— Послушаем, что ты запоёшь, когда на катапультах другие «ложки» поставят, — усмехнулся Леший.

— И другие утопим!

— Как бы тебя не утопили... — Леший снова повернул ухо к приёмнику. — Потому ты и круглый, что только на себя надеешься.

— Не на тебя же! — вскричал Людоед. — А ты-то сам?..

— И я.

Пальчик внезапно смешал фигуры.

— Значит, ничья? — обрадовался противник.

— Еще посмотрим, ничья или чья.

— Ты мне? — спросил Людоед.

— Просто так... — задумчиво сказал Пальчик.

НИЧЬЯ ИЛИ ЧЬЯ

В городской типографии давно приступила к работе ночная смена, набиравшая утренний выпуск газеты.

Это была особая смена: одни мальчишки. Ну, как всем известно, ребята не любят рано ложиться спать. Вот и поработай себе на здоровье. Да и хозяину выгодно: дети обходятся дешевле, чем взрослые, — вдвое. И втрое, и даже вчетверо! У него было железное правило: во сколько раз ты весишь меньше отца, во столько раз меньше получишь. Допустим, твой папаша тянет аж на девяносто килограммов, а твой вес — только тридцать. Составим уравнение:

$$90 : 30 = 3$$

Значит, получай, что заслужил. В три раза меньше!

Хозяин был взрослый человек. В отличие от ребят он любил по ночам спать, притом на работе. В самом укромном уголке полуподвального помещения стояла кровать с пышными подушками, на которой каждую ночь он сладко посвистывал и похрапывал, несмотря на шум типографии. Рано утром он просыпался, просматривал свежий оттиск, открывал, зевая, дверь на площадь, где уже нетерпеливо ожидали другие мальчишки — уличные газетчики, и провозглашал: «Налетай!» Они расхватывали толстые кипы и разбегались по городу с криком: «Утренний выпуск!» А сами печатники, сонно пошатываясь, разбредались по домам, сжимая в кулаке по две-три монетки, в зависимости от веса отца.

В эту ночь хозяин, как всегда, закрыв дверь на ключ, спал на своей мягкой постели. Постукивали свинцовые шрифты, клацали линотипы. Мальчишки сновали среди мелькания ременных шкивов...

— Гляди! — неожиданно воскликнул кто-то. — Да это никак сам Пальчик! Видали его в цирке?

Это и впрямь был Пальчик. Протиснувшись сквозь узкий вентиляционный люк, он спустился вниз по скобам в стене. Мальчишки гурьбой окружили его. Из-за шума механизмов не было слышно, что он говорил и о чём возбуждённо галдели они. Затем, отталкивая друг друга, ребята поочерёдно пожали ему руку, и Пальчик полез обратно. Мелькнули в люке подошвы его башмаков и исчезли.

Вовремя успел он выбраться, потому что вновь подрос сразу, как только очутился на улице. А если б это случилось в тесной вентиляционной трубе?!

Он помахал в зарешеченное оконце мальчишкам внизу и убежал.

На них можно было положиться. Они были не глупы, эти мальчишки. Предусмотрительно отпечатав лишь один экземпляр газеты, они рассыпали готовый набор и быстро взялись за новый.

Когда хозяин проснулся, всё уже было упаковано в кипы, а перед ним на столе лежал сегодняшний выпуск. Он внимательно прочитал его — за ним следили полсотни насторожённых глаз — и буркнул, потягиваясь:

— Порядок.

Заскрежетал ключ в замке, впуская в типографию солнечный свет и мальчишек-газетчиков.

И вот они уже мчатся по улице, размахивая листами:

— Утренние новости! Утренние новости!

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

День был голубым и солнечным. Кстати, таким он бывает в сказках чаще, чем в жизни.

Во дворе Людоеда царило необычное возбуждение. Собрались все обитатели дома. Гук, Пальчик и сам Людоед стояли на крыльце. Ведьма с неразлучной метлой сидела на краю крыши. А Домовой удобно устроился на трубе, пуская дымки из своего трёхметрового мундштука.

Посредине двора стоял Леший — возле загадочного бесформенного сооружения из пружин, блоков, подшипников, чайных чашек и колб, в которых бурлила знаменитая гремучая жидкость.

— Перед вами вечный двигатель, — смущаясь, признался он. — Сотни лет весь человеческий и нечеловеческий мир бился над этим вопросом. И какой-то леший... То есть не какой-то, а вполне определённый, хорошо знакомый вам Леший Шестой за каких-то триста лет нашёл-таки достойный ответ! Из своей скромности он не показывал вам до поры до времени эту поистине удивительную машину, которая предназначена для переливания воды и других напитков. Но сегодня...

— Да запускай! — нетерпеливо крикнула Ведьма.

— Слова не дают сказать, — возмутился изобретатель. — Вот так всегда! Ну, ладно... Итак, начинаю!

Он достал из карманчика для часов большую бутылку шампанского и привязал её длинным ботиночным шнурком к своему вечному двигателю.

— Спуск корабля? — усмехнулся Людоед. — Ты прав, в такой торжественный день ничего не жаль!

Но Лешему было все-таки жаль. Он открыл пробку и, в два глотка осушив посудину, лихо разбил её о плитки двора.

— Ура! — закричали Пальчик и Гук.

— Пожалел машину, — поджала губы Ведьма.

Домовой невозмутимо заметил с трубы:

— Сам убирать будешь.

А Людоед лишь хмыкнул. Его хмыканье было похоже на мычание большой коровы.

Леший отошёл на несколько шагов. Тут только все заметили, что он волочил за собой какую-то верёвку, тоже привязанную к вечному двигателю.

— Включаю, — и дёрнул.

Раздался ужасающий взрыв!

Ребят кувырком унесло за ворота. Домовой свалился в трубу. Самого изобретателя забросило на крышу, а Ведьму сдуло с неё: ругаясь, она высоко парила на своей метле. А Людоед, как ванька-встанька, согнулся до самой земли и тут же выпрямился.

«Несгибаемый человек! — как сказал бы Леший и наверняка уточнил бы: — Почти что человек».

Вечный двигатель исчез. На его месте осталась глубокая яма, из которой курился тоненький дымок.

— Это, наверно, всё от погоды, — робко объяснил с крыши изобретатель, потирая бока. — Погодка не та. Реакция на солнце... Я сделаю другой! — твёрдо сказал он.

Из трубы высунулся чёрный от сажи Домовой. В зубах у него торчал коротенький огрызок мундштука.

— Какого лешего!.. — пронзительно закричал он. — Учёный!

Исчез и мгновенно появился снова:

— Изобретатель!

Исчез и опять высунул голову:

— Диверсант!

Вновь исчез и уже надолго. До самого вечера.

Во дворе появились оборванные, исцарапанные Пальчик и Гук.

— Эй, подрывник, — окликнул Людоед возмутителя спокойствия, — я давно хотел спросить: твой вечный двигатель для переливания воды, да?

— И напитков, — строго добавил Леший.

— Ну-ну, пусть. А куда? Для переливания откуда и куда?

— Было б откуда, найдется и куда. И наоборот.

— Лучше не темни, — пригрозил Людоед.

— Из пустого в порожнее, — важно произнёс Леший. — Странные вы все, право. Для чего ж ещё нужен вечный двигатель! Дом освещать? Лук жарить? Землю копать? Ему же всё равно, что делать, пойми ты, садовая голова, — только останавливаться нельзя. На то он и вечный!

— Действительно, — опешил Людоед. — Постой, дом-то освещать можно?!

— А кто ночью при свете спать будет? — Леший слез по водосточной трубе, чуть не прихватив её себе на память. — Эх ты, недоучка!

— Мрракобесие! Кррупоррушка! — донёсся откуда-то сверху резкий голос.

Все задрали головы.

На ветке дерева сидела знакомая сорока с газетой, вдетой в перья хвоста. Она старательно счищала концами крыльев сажу с макушки.

— Потрясающе! Фейерверрк! — бросила вниз газету и улетела.

Людоед поймал лист и недоуменно взглянул на крупный заголовок:
«ТАЙНА ОСТРОВА УТИНЫЙ».

— Мы пропали! — уткнулся он в газету. — Теперь нам крышка. От кипящего супа.

— Что там? — забеспокоился изобретатель.

Людоед тяжело опустился на ступеньки:

— Ужас-с. И не тихий, а громкий! Здесь обо всём написано.

— О чём — обо всём?

— Как были доставлены катапульты на остров, как «улетели» забрасыватели, как... Смотри, что напечатано: «Возможен ответный удар!!»

— Кто написал? Кто? — Леший выхватил газету. — Где подпись? Ага, вот: «Неизвестный автор по вполне известным причинам решил остаться неизвестным».

— Ничего не понимаю, — развёл ручищами Людоед. — И как только напечатали? Им нет никакого интереса шуметь!

— Правда. Никакого. Может, всё ещё обойдётся?

— Ну-ка, — Пальчик взял у него газету и с удовольствием посмотрел на жирный чёткий шрифт. — Напечатали-таки, успели. Правда, я малость поднаврал насчёт возможного ответного удара, но...

— Как?! — вскинулся Людоед.

— Запросто. Я ночью потихоньку смотался в город, дорога знакома — не страшно. У меня знакомые мальчишки в типографии, и они тайком...

— Ты понимаешь, что ты натворил?.. Скорей в город! — заторопился Людоед. — Может, чего разузнаем. Вдруг до нас докопаются? Опасность я люблю встречать лицом к лицу.

— Верно, — поддакнул Леший. — Уж там-то нас никто не найдёт.

— Да там сейчас такое будет, такое!.. — воскликнул Пальчик. — Неужели вы не понимаете!

— Ты так полагаешь?.. — нахмурился Людоед и вдруг широко улыбнулся. — Тогда захвачу нашу большую сковородку.

АУ-АУ-У

— Это всё вы! — метался по залу замка Держихвост. — Из-за вас!

— Не сваливайте со здоровой головы на больную, — шипел генерал Паф, потирая забинтованный лоб. — Вы сами виноваты!

Все высокие стрельчатые окна зала были разбиты. Со двора доносился гул толпы.

— Раньше меня провожали хоть тухлыми яйцами, — возмутился посол, спотыкаясь о булыжники и поскользываясь на осколках стекла. — А теперь...

Вслед за Правителем он ринулся вверх по винтовой лестнице.

Они выскочили на площадку смотровой башни.

— Где ваши стражники?

— А ваши карабинеры?

И одновременно ответили друг другу:

— Что они — дураки?!

— Они смылись!

Сбежали все стражники, караульные, карабинеры... Они уже давно мчались без остановки кто куда, то и дело оглядываясь назад. Их потом видели в чужих краях и легко узнавали по скособоченным шеям.

Держихвост осторожно просунул голову между зубцами башни и глянул вниз.

В огромном дворе замка негде было и сливе упасть. Собрался весь город. Никому, до единого, не хотелось погибать из-за каких-то случайно «улетевших» забрасывателей от катапульта, нацеленных на далёких и близких соседей. Своя жизнь дороже, чем военные интересы чуждадельней Двадцатьсемёрки. Новости подняли всех. Так крохотный камешек, сорвавшийся с вершины, вдруг становится сметающим всё камнепадом.

— Дорогие горожане! — закричал Держихвост. — Я лично телеграфировал в соседние страны. Там ничегошеньки не случилось. Клянусь, катапульты не были ни чем заряжены! Даже если б соседи и захотели, никакой ответный удар невозможен — у них пока такого оружия нету!

— Вот именно — пока! — донёсся чей-то возглас.

— Если не брешет, — добавил кто-то.

— Любимый город, можешь спать спокойно! — вновь заголосил Правитель. — Не волнуйся, я с тобой!

В ответ раздался громовой смех толпы. Хохотали все, от мала до велика, не в силах остановиться.

Держихвост хотел ещё что-то крикнуть, но внезапно заметил внизу высоченного Людоеда. Он размахивал здоровенной, хорошо знакомой сковородой. И Правителя словно ветром сдуло.

С тех пор ни Держихвоста, ни Пафа никто не встречал. Говорят, они заблудились в тайных подземных переходах и до сих пор не могут оттуда выбраться. И по ночам в старом замке откуда-то слышатся глухие, сдавленные камнем крики: «Ау! Ау-у!...»

— Нет, я не могу, — отказался Людоед, когда жители города, наконец-то, узнав обо всём, предложили ему самому стать Правителем. — Я трусоват малость. И вообще паникёр. Леший, подтверди.

— Ага, — охотно подхватил тот. — Трус, паникёр, пустозвон и...

— И потому я прошу, — поспешил прервать его Людоед, — назначьте меня и моих друзей лесничими. Как-никак, а за оленями, которых нам так любезно привёз высокочтимый посол Паф, следить-то надо.

В ЛЕСНИЧЕСТВЕ

Несмотря на осень, приятно припекает солнце...

Двор Людоеда теперь не узнать. Аккуратно расчищены дорожки, подстрижены кусты и деревья.

На крыльчке сидит, попыхивая трубкой, Домовой и читает газету. А на плече у него вертит головой сорока, приносящая «захвостелые» новости.

За открытым окном виднеется Леший. Он помешивает половником в кастрюле и хочет высыпать в суп целую пригоршню перца.

Гук деловито учит уроки в новой садовой беседке. Гука приняли в городскую школу, куда его каждое утро доставляет Ведьма на своей быстрой длинной метле. Пальчик же школу не посещает — он и так почему-то всё знает, хотя о своём прошлом — единственная беда! — по-прежнему ничего не помнит. Ведьма сидит на крыше и гадает на замусленных картах. А Пальчик, удобно пристроившись над ней на трубе, болтает ногами, чем приводит её в крайнее раздражение.

— Людоед идет! — вдруг объявил он.

— Орёт над ухом, — пробурчала она. — Какой он тебе людоед?..

— А кто же?

— Людоед Шестнадцатый — это его глупый цирковой псевдоним.

— Цирковой?! — изумился Пальчик.

— А то какой же... Он большие тяжести подымал. Не поверишь — до семисот кило! А потом его вытурили, когда он слабеньким щелчком — силач такой, нашёл с кем сладить! — слегка расквасил Магнуму нос, чтоб не совал его куда не надо.

— А Домовой?

— Оригинальный жанр. Людоед его под купол цирка подбрасывал, а потом мизинцем ловил. Да... Тоже неудачный псевдоним. Его бы следовало Кумполом обозвать.

— А Леший — фокусник, — вдруг сказал Пальчик.

— Откуда знаешь?

— Догадался.

— Мы вместе работали, — кивнула она.

— А зачем же вы все нас обманывали? Людоед, Леший, Домовой...

— Чтобы вас не разочаровывать. — Ведьма принялась снова раскладывать карты.

— Не-е, меня не проведёшь! — Пальчик засмеялся. — А как же вы на метле летаете?

— Чего ты ко мне привязался? — вспыхнула она. — Я ведь тоже с ними работала. — И напыжилась. — На трапеции. Мой номер назывался: «Со скоростью ведьмы под куполом цирка!» — И привычно поджала губы. — Ушла по ветхому возрасту.

— Ну а метла?!

— Леший изобрёл. — Она восхищённо покрутила головой. — Тонкий механизм эта метла! Внутри — сплошь пустотелая. На сжатом газе действует. Он мне её каждую ночь...

— Подзаряжает, — подсказал Пальчик.

— Накачивает, — возразила Ведьма. — Всё-таки, что ни болтай, а Леший — настоящий изобретатель! Позаботился о бабусе на старости лет. Понятно, с вечным двигателем у него — того... Ну, не того! Но я считаю, если уж при второй попытке у него не получится, то другим вообще нечего братья.

— Ага, — согласился ошеломлённый новостями Пальчик. — Только я боюсь, опять всё взорвётся.

— А какой он нам дом отгрохал! — Ведьма восхищённо похлопала по гулкой крыше. — В жисть к нему дорогу не найдёшь. Правда, сейчас это уже ни к чему — вот вчера к нам почтальон шёл и заблудился, еле его самого разыскали. А раньше такое уединение очень нам помогало. — И разъяснила: — Спокойно жили. Никто чужой не совался! Я не о вас, — подсластила она пилюлю.

В воротах появился лесничий Людоед. Он вёл за шиворот браконьера, увешанного подстреленными кроликами. Нарушитель сроков охоты вытягивал шею и всем тревожно улыбался.

— Заловил? — спросил из окна Леший, хотя факт был налицо.

— Попался. Жаль, только один.

— А другие?

— Других просто нет. Всю ночь караулил. А как тут дела: мыши опять скреблись?

— Опять, постылые.

— Я же тебе поручал — всех извести! — вскипел Людоед. — Извёл?

— Что я — кот? — оскорбился Леший. — Слышь, а если и вправду кота извести... то есть завести! Домашнего — из бездомных. Свалочного.

— Како-о-го?

— Свалочного, — повторил тот. — Ну, из тех, что по свалкам бродят. Они самые хваткие!

— Заводи. Разрешаю, — лесничий втолкнул браконьера в дом и захлопнул дверь.

На двери красовалась табличка:

ЛЕСНИЧЕСТВО
«УГОДЬЯ»

А ниже — еще пять с буквами помельче:

ЛЮДОЕД XVI
Главный Лесничий
(Можно не звонить!)

ЛЕШИЙ VI
Обходчик
Всемирно знаменитый изобретатель!

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК
Старший помощник Лесничего

ГУК
Помощник Старшего помощника
Лесничего

ДОМОВОЙ И ВЕДЬМУШКА
Домохозяин и Домохозяйка

ДОМОЙ

Однажды Пальчик полетел с Ведьмой в город за покупками. Кроме него и Гука, больше никого она никогда с собой не брала, боялась за метлу после той самой ночи на озере. Она тогда страсть как напугалась за своё средство передвижения, которое чуть не сломал Людоед, спасаясь с острова. Она даже Домового не прихватывала в город, хотя он был лишь на голову выше Гука, а значит, и ненамного тяжелее. «Всё равно лишний вес, — твердила она. — Лучше лишнюю пачку соли привезу».

В городе она встретила знакомых старушек и сразу отправилась вместе попить чайку со сгущёнкой, наказав Пальчику прогуливаться поблизости от кафе и всякий раз заглядывать в окно, не освободилась ли уже она. А то она, мол, его ждать не будет. Но с собою и не додумалась пригласить. Понятно, слишком докучливый собеседник для её умудрённых подруг. Да и сам Пальчик не напрашивался. Из-за какого-то чая, пусть и со сгущёнкой, терпеть целый час нудное перемывание косточек всем и вся?!

Поэтому он ушёл гулять, рассчитав, что если через пару часов заглянет в кафе, то и тогда будет слишком рано.

И, нате вам, тут же за углом он наткнулся на клоунов Толстого и Тощего. Они его еле узнали! А может, не хотели сразу узнавать только для того, чтобы сделать ему приятное, — ведь он так подрос за минувшее время! Зато сами они почти не изменились, разве что Толстый стал ещё толще, а Тощий — ещё худее. Все очень обрадовались встрече и пошли бродить по городу втроём. Пожалуй, только ночи не хватало — как прежде.

Клоуны уже были наслышаны о похождениях Пальчика и даже собирались на днях наведаться в лесничество, но о многом им ещё было неизвестно, и поэтому, когда он взахлёб рассказывал обо всём, эти добряки ахали, охали, эхали и ухали.

— Ах-ах! — восхищался Толстый.

— Ох-ох! — пугался Тощий.

— Эх-эх! — сокрушался один.

— Ух-ух! — изумлялся второй.

Что касается их жизни, то она протекала без всяких приключений. Сплошной цирк.

— А Магнум? — неожиданно вспомнил Пальчик. — Как он? Всё бушует?

— Отбушевался, — вздохнул Тощий.

Оказалось, что на очередном «Сеансе чёрной магии» Магнум увлёкся и превратился не в шесть своих уменьшенных подобий, а в целый десяток! И собраты снова в одного так и не смог. Теперь все десятеро работают на арене униформистами.

— Не выгонять же их на улицу, — заметил Толстый. — Не те времена.

— Очень исполнительные, ведут себя тихо, прилично, — сказал Тощий, — а вот после работы только и знают, что спорят до хрипоты, кто из них раньше был хозяином цирка.

- И не дерутся?
- Нельзя, — смеясь, покачал головой Толстый. — Стоит кому-то поставить другому синяк, как синяки появляются сразу у всех.
- Ну, а ты так ничего про себя и не вспомнил? — вдруг спохватился Тощий.
- Нет...
- Может, снова попробуем нашу игру? — предложил Толстый. — Дом!
- Крыша, — улыбнулся Пальчик.
- Дверь! — подхватил клоун.
- Пальчик остановился, задумчиво глядя на цифру «7» на двери какого-то дома.
- Семь, — пробормотал он.
- Что? — Толстый тоже увидел цифру и, не прекращая игры, воскликнул: — Шесть! Продолжай по уменьшению.
- Семь. Шесть... — повторил Пальчик, беспомощно подняв на него глаза.
- Пять!
- Да нет, постойте... Семь! Шесть!
- Уже было, — пожал плечами клоун.
- Было, — волнуясь, закивал Пальчик. — Сначала шесть. Потом семь.

— Ну? — нетерпеливо сказал Толстый. — Давай тогда по возрасту. — Итак... Восемь!

— Восьмого ещё не было, — машинально сказал Пальчик. И замер.

— А почему ты сказал: «восьмой»? — насторожился клоун. — «Восьмой», а не «восемь», как полагается по счёту? Может, номер подъезда ...

— Этажа! — выпалил Пальчик.

И вспомнил всё!!!

— У нас в городе нигде нет семи этажей, — вконец растерялся Толстый.

— А на башне в замке? — неуверенно вставил Тощий.

— Я... спешу, — в отчаянии произнёс Пальчик. — Некогда... Меня ждут. Я не могу!.. Передайте всем в лесничестве, — уже на бегу обернулся он, — я когда-нибудь, может, ещё и вернусь. Не волнуйтесь и не ищите меня! Всем спасибо за всё!

Тот переулочек с дощатым «киоском» он нашёл быстро, словно сами бегущие ноги вывели его к нему.

Дверь с цифрой «7» была на месте! Пальчик юркнул внутрь лифта.

Через какую-то минуту он уже спускался на первый этаж, торопя кабину: скорей, скорей, ну скорей же!

На этот раз его отсутствие не обошлось так же незаметно, как после приключений на «шестом этаже». Пальчик не был дома... час. Ну, конечно, при чем тут какой-то час? Мальчишки пропадают во дворе целыми сутками, и то ничего. В другом деле: раз в месяц папа непременно измерял ему рост, а сегодня был именно такой «замерный» день!

Когда сын влетел в квартиру, папа тут же суматошно схватил его, не дав и рта раскрыть, потащил на кухню и приставил к дверному косяку:

— Чуть не забыл! Хорошо, что ты быстро вернулся, — и черкнул карандашом на уровне макушки.

— Недавно же мери... — обернулась от плиты мама и осеклась.

— Поразительно! — Папа отступил на шаг. — Каково! Мальчик вытянулся на восемь сантиметров! Час назад я даже и не замечал. Такими темпами...

Он не нашёл нужных слов, и никто бы так и не узнал, что стало бы с Пальчиком, вздумай он так расти. Если б не мама:

— Такими темпами он скоро отца догонит! — Она была приятно удивлена.

— Скажешь тоже, — сиял сын. — Он у нас великан!

Теперь-то Пальчик обязательно рассказал бы родителям о всех своих похождениях. Но решил: ещё успеется.

И не пожалел об этом, потому что на крыше кабины лифта — он не поленился проверить! — ожидало новое письмо от верного Гава.

«Встретимся на восьмом?» — спрашивал Пёс Собаков. И всё, больше ни слова.

Нет, признаваться родителям и впрямь было рано. Ведь они ни за что не отпустят или, хуже того, увяжутся вместе с ним, Пальчиком. Он своих родителей знает.

ЧАСТЬ III

ЗАГАДОЧНЫЕ ЧАСЫ

В тот же день — к чему откладывать? — Пальчик встретился с Гавом на восьмом этаже.

— Заставляете ждать, ваше поднимательство, — укорил его Пёс Собаков, как только открылась дверь лифта. — Дай руку! Дай! — скомандовал он тоном настойчивого хозяина собаки. — Зазнались?

Пальчик весело пожал ему лапу.

— Чего это ты со мной на «вы»? — спросил он, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Кабина лифта стояла в какой-то высокой каменной пещере с узкой расщелиной-входом, из которой падали солнечные лучи.

— С каких пор на «вы»? — переспросил Гав и глубокомысленно почесал затылок задней ногой. — К слову пришлось. Так мне показалось сподлапистей выразить свою мысль.

— Как-как?

— По-вашему, сподручней.

— Слушай, а почему ты и здесь разговаривать можешь? Ведь это не твой этаж!

— «Усё здесь наше», как подчеркивала буфетчица Оля каждый раз после работы, прихватывая домой две большие сумки с продуктами. Неужели тебе не нравится, что я с тобой разговариваю? — возмутился Гав. — Тебе что, хотелось бы, чтоб я лаял, гавкал, тьявкал, брехал!

— Да нет! Я, наоборот, рад. Но всё-таки?

— Откуда я знаю. Это ты у них спроси? — махнул Гав лапой на выход из пещеры.

— А кто они?

— И сам не знаю. Я тут недавно, ещё не разнюхал как следует.

Они подошли к расщелине и выглянули наружу. До самого горизонта, накатывавшее волной на прибрежную гальку, лежало море. Вернее, озеро, если судить по его цвету. Серенькое озеро, а не сине-зелёное море.

— Пресная вода, — сообщил Гав. — Я уже бегал пить. Какая-то странная на вкус. Словно дистиллированная...

— Дистиллированная? — подсказал Пальчик.

— Она.

— Мы-то эту воду в школе проходили. А вот ты откуда знаешь, что такая бывает?

— Ты эту воду проходил, а я её пивал. И не в школе ты её проходил, а

в том ручье по колена — помнишь, на шестом этаже? Всё время недоверие, намёки, подозрения!.. Дистиллированная... — пробурчал Гав. — Ты думаешь, какую воду буфетчица Оля в аккумулятор машины «вольво» наливает?

— У неё «вольво»! — изумился Пальчик.

— А ты думал — «запорожец»? С её-то бульдожьей хваткой! Она...

— Погоди, — перебил его Пальчик. — Ты ещё не сказал, зачем позвал сюда, на восьмой этаж.

— Привет! Из врождённой любознательности, моей и твоей. А на седьмом я уже бывал.

— И я.

— Теперь-то знаю.

— Почему — теперь?

— Когда поднимался на восьмой, учуял твой запах — он шёл с седьмого вниз.

— Мне бы твой нюх! — позавидовал Пальчик.

— А мне бы твою недогадливость.

— Зачем?

— Чтоб хоть немного сравниться с тобой, — рассмеялся Гав. Пальчик — тоже.

— Да, ты знаешь, что со мной было на седьмом этаже!

И он быстро рассказал, что с ним приключилось.

— Жаль, меня с тобой не было. Уж я бы показал всем твоим врагам, где раки зимуют! А, кстати, где они зимуют? — И тут же Гав раздумчиво произнёс: — Но, может, и хорошо, что я ничего не знал. Иначе бы я за тебя волновался.

— Гав, это хорошее чувство.

— Хорошее-то оно хорошее, да шерсть от него почему-то седеет.

— С тобой не соскучишься...

— Правда? — просиял Гав. — Когда я бродяжничал на седьмом этаже, об этом мне говорила каждая собака. Попутная, — уточнил он. — Весело было, забываемые деньки!

— Я-то думал, ты по мне скучал, — уныло протянул Пальчик.

— А я что говорю? Им было весело, а не мне. И вот сейчас — я же вызвал побродяжничать не кого-то, а тебя!

Они пролезли в расщелину и, рискуя сломать шею, спустились по скользким валунам к воде. Влево и вправо тянулись полосы мелкой гальки, точно россыпи больших фасолин.

Пальчик зачерпнул горсткой воду и попробовал:

— Правда, безвкусная...

— Как у растаявшего снега, — кивнул Гав. — И куда нас занесло на твою голову и на мою башку?!

Позади них, на скалах, суровым полукольцом охватывающих бухту, торчали одиночные, похожие на арфы, розовоствольные сосны. За ними начинался лесной массив. Снизу он виделся только частыми верхушками деревьев: вероятно, дальше, за скалами, местность понижалась.

Высоко в небе бесконечно долгими кругами парила узкая чайка с

красным коротким носом и чёрным хвостовым оперением, напоминая туго натянутый лук со стрелой.

Мимо них, не моргнув и глазом, низко пролетел лебедь — весь, как набитый ватой и застывший, и только лишь механически махал крыльями, словно их дёргал за неразличимые нитки невидимый кукловод.

Пустынно и тихо было вокруг...

— Надо бы запомнить место, где вход в пещеру, — озабоченно пробормотал Пальчик.

— Со мной это не надо, — безмятежно сказал Гав. — У меня чутьё.

— Но у меня-то его нет. Вдруг мы потеряемся...

— Потеряться можешь только ты, — самодовольно возразил Гав. — Уж тебя-то я найду. Жаль, конечно, что у тебя в кармане нет хотя бы завалящей котлеты, тогда мое чутьё было бы вдвое острее. Но на нет и суда нет. Народного, — уточнил он, — как говаривала буфетчица Оля.

— Заладил...

Пальчик всё же постарался запомнить две низкие сосенки у той пещеры, где был лифт. Отсюда её вход был совсем незаметен.

Они пошли вдоль подножия скал по берегу в поисках хоть какой-нибудь тропки, ведущей вверх.

Гав внезапно остановился:

— Пахнет пляжем.

— И полотенцем, — усмехнулся Пальчик. Всё-таки он был выше и поэтому увидал поодаль чьё-то забытое полосатое полотенце, прижатое камешками от ветра. Это невольно напомнило ему тот самый случай, когда он посрамил «нюх» Людоеда, первым увидев Пафа и Держихвоста.

— У нас зрение послабее, — ни капли не смутился Гав. — У любой собаки спроси!

— Спрашиваю, — улыбнулся Пальчик.

— А-а, на меня намекаешь... Хоть я и не любая собака, а особенная, — напыжился Гав, — отвечаю: ветром тянет в другую сторону, потому-то я и не учуял твоё треклятое полотенце.

— А как же ты учуял, что тут пляж?

— Ох, — вздохнул Гав. — Что я, пляжей не знаю? Да здесь под галькой повсюду целые залежи сливовых косточек, окурков, клочков газет, оборванных пуговиц — чего только нет! Ага, — встрепенулся он, — теперь ветер дует в нашу сторону. Вон за тем валуном — асфальтовая дорожка... Как лучше сказать: начинается или кончается?

— Начинается.

— Думаешь?.. Хотя ты прав. Для нас она начинается, — согласился он, сворачивая за валун и вступая на асфальт. — А вот чем закончится?

Они вдруг замерли, увидев электронное табло, укрепленное на стойках с боку дорожки. Горевшие цифры: 1.15.46 — наверняка показывали время. Цифры секунд, крайние справа, методично пощёлкивая, сменялись в своем квадратике. Причём эти странные часы отмечали отнюдь не время дня — судя по солнцу, было никак не больше 11, — а что-то совсем другое. Когда нащёлкало 60 секунд, минутная цифра «15» превратилась в «14», а не в «16». Значит, отсчёт шёл в обратную сторону.

— Понял! — догадался Пальчик. — Столько времени осталось до...

— До чего? — тревожно спросил Гав.

— Хотел бы я сам знать...

— Ну, про время мне кое-что известно, — сказал Гав. — Людям его всегда почему-то не хватает. Вот ты говоришь: осталось столько... Сколько?

Пальчик замялся, не зная, как объяснить.

— Солнце видишь?.. — наконец, нашёлся он. — Когда оно сдвинется в небе вот на столько, — развёл он руки примерно на полметра, — тогда и должно что-то случиться.

— Маловато. Но запасец ещё есть. Мне этого хватит, чтоб, в случае чего, вовремя смыться.

— Без меня? — в шутку спросил Пальчик.

— С тобой, — серьёзно ответил пёс.

И они двинулись дальше. Дорожка то полого, то круто извивалась среди скал и деревьев. Через несколько поворотов появились другие электронные часы, по-прежнему отсчитывавшие время до... неизвестно чего. Затем встретились третьи часы, четвёртые... Загадочные табло равномерно возникали и слева, и справа на их пути, продолжая неумолимо сокращать цифры минут.

Неожиданно Пальчик заметил, что асфальт испещрён какими-то дырками, но не от женских каблучков — более глубокими. Словно их оставили мощные когти крупных неведомых зверей.

— Это не от когтей, — определил Гав. — Они пахнут железом. Ржавым.

— Утешил...

— Мы можем вернуться. — Он подвернул свой пышный хвост и удобно уселся на нём.

— Ну уж нет, — заявил Пальчик. — Что, трусишь? Слабó?

— Я бы на тебя так грубо не лаял, если бы ты предостерёг от возможной опасности.

— Прости, милый Гав. Но отступить, так ничего и не узнав, я не могу, хотя ты, наверно, сто раз прав.

— Сто! Я даже не знаю, сколько это. Умею считать до двух. Ну, до трёх. Во всяком случае, четыре кости от одной отличу. Но запомни: прав бываешь только раз. Или прав, или не прав!

И довольный своей речью, Гав продолжил путь.

Пальчик обернулся. Озеро-море виднелось отсюда лишь полоской на горизонте, над которым высились, будто на недалёком берегу, белые горы из облаков.

А лес вокруг был — не сказать чтобы простой. Скорее уж заповедный. Разлапистые южные сосны, замшелые самшиты, обвитые тонкими лианами, бархатистые буки, мощные грабы, пятнистые эвкалипты... Пальчик более или менее разбирался в породах деревьев. У них в приморском городе был «Ботанический сад», и он не раз ходил туда с папой.

Лес становился всё гуще. Какие-то птицы, быстро мелькая меж листьями, перелетали с места на место, голосили, пели, верещали. Шелест и

праздничная птичья болтовня доносились отовсюду... Прошмыгнул дятел, вспыхнув красным охвостьем. Дикае голуби взлетали на солнечных опушках так взрывчато, что после них долго садились прошлогодние листки и травинки.

Дорогу перебежал барсук — с такой прытью, что зад только чудом не обогнал голову.

— Хорошо, что я не охотничья собака, — с тайной грустью похвастался Гав. — Только б ты меня и видел!

— Слушай, я давно хотел спросить: а какой ты породы?

— Я? — заважничал Гав. — Я — горпёс!

— Гордый? — удивился Пальчик. — Или горный?

— Городской.

— Тогда ты — дворпёс, а не горпёс.

— Сказанул! Дворы и в деревне бывают. А я городской, можно сказать, приморский. Дворпёс — это когда дворовый, — пустился в рассуждения Гав. — Ну, если весь город считать моим двором, то, конечно, твоё глупое определение можно посчитать и верным. С натяжкой. Во всю силу.

— Чего?.. — как обычно, стал в тупик Пальчик.

— С натяжкой во всю силу. Мою и твою силу! Понял?

— Понять-то я понял. С тобой...

— ... не соскучишься, — ухмыльнулся пёс. — Ты уже это говорил. А вот я бы с тобой соскучился, если бы тут не было меня!

— Нет, я другое хотел сказать. С тобой хорошо наперегонки за бешеным львом бегать. Ты бы первым отстал.

Гав озадаченно примолк. Но ненадолго. Пальчик услышал, как тот забормотал себе под нос:

— Ясно, я бы первым был... А зачем?.. Лев меня бы... Хитрец! — вскричал он. — Ведь лев меня растерзал бы!

— Я и говорю: ты бы первым отстал.

— Ах вон что. На это у меня ума хватит, — вновь заважничал Гав. — Не чета тебе, дурню.

Пальчик обиделся.

— У тебя много блох? — как бы невзначай вдруг сказал он. — А то можно выловить. Знаю верное средство.

— Какое? — сразу клюнул пёс, как рыба на желанную приманку. — Бродяжья жизнь, она, сам знаешь, какая. Ну?

— Надо посадить собаку в ванну, наполнить водой...

— Ерунда. Знакомо.

— Ты слушай, слушай... Погрузить — ну, хотя бы тебя, к примеру, — в воду по самую макушку. Все они враз переберутся туда. И...

— И... — затаил дыхание Гав.

— ... ахнуть тебя по макушке широкой доской — ни одной не останется!

— Издеваешься?! — теперь Гав обиделся.

— Да ты меня тоже всё время разыгрываешь, — расхохотался Пальчик.

Пёс скривил улыбку, не выдержал и разразился веселым отрывистым лаем, означающим у собак самый что ни на есть настоящий смех.

Лес кончился. По бокам дорожки внезапно вздыбились невообразимые нагромождения скалистых глыб, словно здесь, нашвыряв их как попало, порезвились великаны. Из кривых зазоров между многотонными обломками выныривали редкие уродливые деревья. Внизу, у комля, они были намного тоньше, чем снаружи, иначе бы им не пролезть сквозь тесные щели. Встречались и совсем плоские, будто сплюснутые стволы. А иные, вытолкнутые прямо на камни своими длинными корнями, стали, наоборот, неимоверно пузатыми и короткими, точно бочки.

Некоторые страшилища, вылезая из щелей какими-то причудливыми, неправдоподобными узлами, вдруг вспоминали, что они обычные деревья, и пытались расти нормально. Но потом снова свивались в узлы, опять выпрямлялись, и вновь всё повторялось сначала.

Сверху каменные глыбы покрылись желтыми лишайниками, а снизу сине-бело окрасились от проступившей извести. И стволы, и корни под ними приобрели тот же цвет. Вокруг зияли угрюмые пещерки и впадины, и сами деревья тоже были изрыты дуплами.

Пальчик и Гав, притихнув, миновали это жутковатое место, где жизнь боролась за жизнь.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПАРК

Затем дорожка стала совсем змеистой — сплошные петли. По краям её появились таблички: «Налево!», «Направо!» Они были написаны на каком-то незнакомом языке, но Пальчику почему-то было всё понятно. Такое бывает разве что во сне, когда вдруг оказываешься в далёкой, никогда не виданной, чужой стороне.

Таблички с надписью «Налево!» стояли после каждого правого поворота, а с надписью «Направо!» — после каждого левого. И он, наконец, догадался, что они предназначались только тем, кто спускался, а не поднимался.

Гав вопросительно взглянул на него.

— Предупреждают, куда поворачивать, — объяснил Пальчик. — А зачем? И так видно.

— Крутой спуск. Чтоб не заносило на поворотах, — хмыкнул Гав. Как мы узнаём в дальнейшем, горпёс не ошибся, хотя и был городским, а не горным.

— Значит, нас могут сбить?

— Непременно.

Пальчик остановился.

— Если не будем смотреть в оба, — добавил Гав.

Сказано было вовремя. Впереди послышалось шумное сопение, и только они успели отпрянуть в сторону, как мимо них, опираясь на лыжные палки, тяжело просеменил тучный человек с розовыми жирными щеками. Увидев незнакомцев, он что-то недовольно пробурчал и, не в силах остановиться, продолжил свой спуск.

— Что сказал этот жирняк? — спросил Гав. — Я не совсем расслышал. Про иностранцев, да?

— По-моему, «чёртовы иностранцы!»

— Мы?

— А то кто же.

— Ну иностранцы. Так и есть. Но «чёртовы» — слишком! — заворчал пёс.

— А может, эта дорога только для спуска вниз? Ведь и таблички стоят по-особому.

— Все равно мог быть и повежливей. Там более с иностранцами.

— Теперь я понимаю, чем весь асфальт истыкан, — подмигнул ему Пальчик. — Лыжными палками.

— Псих безлыжный, — продолжал ворчать пёс. — А ещё с палками!

— Без палок он запросто загремел бы вниз. С таким-то брюхом!

— Похоже на правду, как говорила буфетчица Оля, не досчитавшись за один лишь день трёх килограммов колбасы.

— А кто съел? — со значением посмотрев на него, впервые заинтересовался Пальчик надоевшей буфетчицей.

— А пёс её знает, — ответил тот. — Наверняка сама!

Они прошли ещё пару поворотов и очутились перед большими железными воротами, по их сторонам тянулся плотный частокол из высоких кованых пик. На воротах висело строгое объявление: «Предъяви пропуск!»

— Язык-то я их вроде понимаю, а читать не могу. Всё-таки чужой этаж. Что там написано? — спросил Гав.

— Без разрешения не пускают. Пропуск нужен.

— Знакомо. Такое объявление у вас в городе на мясокомбинате висит.

Справа, у конца дорожки, стояли пока что последние на их пути часы, сообщавшие: 39 минут 8 секунд. Осталось до — ?!

— Они мне действуют на нервы, — прорычал Гав. — Сейчас-то ничего, ничего, а потом ка-а-ак...

— Рванёт?

— Что-то будет, — туманно ответил пёс, изогнув хвост вопросительным знаком.

— А что тебе подсказывает твое чутьё? — засмеялся Пальчик.

— Чутьё мне подсказывает, — заявил Гав, принюхиваясь к щели меж створками ворот, — что сторож отошёл попить. Давай за мной!

Он приоткрыл лапой — благо не запертые — ворота, и наши междуэтажные путешественники проскользнули за них.

Перед ними простирался огромный цветущий парк с красными от толчёного кирпича аллеями. Действительно, бравого вида старикан сторож, покинувший пост под навесом-грибком, пил воду из садового крана.

Пальчик и Гав юркнули за живую изгородь газона — сторож, вытирая седые усы, направился к воротам. На поясе у него позванивали ключи.

Внезапно он остановился и, поплюнув палец, поднял его вверх. Так в старину на парусных судах определяли: есть ветер или нет. Мокрый палец чувствует даже малейшее дуновение.

— Клянусь грот-мачтой — ветерок! — воскликнул сторож. Вероятно, он когда-то был моряком. — Значит, можно проветривать парк.

Он рысцой подбежал к воротам и распахнул их настежь.

Пальчик и Гав недоуменно переглянулись в своём укрытии. Проветривать парк — такого они никогда не слыхали!

Мимо них над лавровыми кустами проплыла голова другого старика. Он нёс на плече здоровенные деревянные счёты, отличающиеся от обычных только своими размерами.

— Пойду пересчитаю гальку на пляже, — послышался его голос. — Вчера семи камешков не хватило.

— О-хо-хо... — посочувствовал сторож. — Скоро инвентаризация. И как же ты выкрутился?

— Принёс свои. Из дому.

Пальчик и Гав опять изумлённо переглянулись.

— Не наносишься. Опять небось камни в диких гагар кидали? А тебе, хранителю, отвечай! — негодовал сторож.

— С жиру бесятся, — почему-то не без зависти заметил хранитель пляжа. — А слова не скажи. — Он дробно потрянул счётами. — Я с ними ещё посчитаюсь!

Пальчик и Гав поползли за кустами лавра в глубь парка.

— Что это? — принюхался пёс, наткнувшись на заросли светло-зеленых плоских растений.

— «Лампасная трава», — прочитал Пальчик на табличке, воткнутой рядом.

— Ка-акая?

— Ну, вроде лампасов. Видел на брюках у генералов?

— То-то пахнет чем-то военным.

Они отползли ещё немного. Потом встали, закрытые зеленью со стороны ворот, и вышли на пустынную аллею. Здесь тоже стояли часы. Они показывали: 00.30.45.

— Всего с полчаса осталось... — сообщил Пальчик.

— Тьфу ты! — в сердцах сказал Гав. — Пёс с ними!.. Слышь, а остановить их нельзя?

— Только эти? Или все? А, может, заодно и солнце?!

Гав задрал голову.

— Солнце не достать, — доверчиво ответил он. — Высоко. Да и оно, наверно, жуть какое горячее! Схватишь, а потом — целый день на когти дуть. Верно?

Тут уж Пальчик не нашёлся, что сказать, — лишь безнадёжно кивнул.

Вдоль аллеи — все со своими табличками — тянулись самые разнообразные деревья и кустарники: самшит, пильчатая фотиния, вечнозелёная калина, золотое дерево, восточный грабинник, розмарин, колонновидный тис, бескорый мелкоплодный земляничник, адамово дерево, высокий можжевельник, каменный дуб, падуб обыкновенный, пирамидальный кипарис, крупноцветная магнолия, пирея, драконово дерево, туя, фикус-баньян, секвойя, анчар, мирт и... И что здесь только не росло!

Да уж, парк был «балдёжный», как, вероятно, заявила бы буфетчица Оля, окажись на их месте.

Больше всего друзей поразили два дерева: Гава — резиновое, а Пальчика — цепное.

Жёлто-зеленоватое резиновое дерево наводило на мысль, что сначала всё его, от бугристого пузыря основания и вплоть до пухленьких веточек кроны, туго надули изнутри, а затем слегка спустили воздух. Гав даже попробовал «резину» на зуб: захотелось поглядеть, что потом будет. Но, увы, резиной тут и не пахло — лишний раз убедился он.

Цепное же дерево было ещё более удивительным — двуствольным, да каким: гладкие чёрные стволы переплелись и срослись друг с другом таким образом, что ушли ввысь чередой сквозных восьмёрок, напоминая мощную якорную цепь, сброшенную с неведомого небесного корабля, а сам якорь, казалось, глубоко ушёл под землю. Размашистые густые ветви соседних крон скрывали верхний конец этой необыкновенной цепи — может, и вправду там, за ними, скрывался могучий летающий бриг?..

Юркий белобрюхий стриж, лёгким скоком взбиравшийся по спирали на дерево, вдруг испуганно брызнул в сторону — буквально повсюду неожиданно раздались громкие звонки!

Это настойчиво заверещали все электронные часы разом. На ближних — зажглись цифры: «00.07.00».

— Осталось семь минут! — вскричал Пальчик. Увлёкшись необычным парком, они забыли о времени.

Кругом слышались голоса, топот ног. Пальчик и Гав бросились в кусты розмарина. По аллеям — с лыжными палками, а то и без них, — спешили куда-то жирняки: порознь и целыми пыхтящими группами — и

все только в одном направлении. А звонки надрывались, прибавляя им неуклюжей, какой-то свиной прыти.

Раздвинув ветки, Пальчик и Гав смотрели на них. Появились последние, отставшие жирняки. Они обливались потом, они хватали толстыми пятернями воздух перед собой, словно подтягиваясь вперёд, они задыхались и стонали:

— Опаздываем... Опаздываем...

ОБЖИРАЛОВКА

Гав и Пальчик, перебегая от дерева к дереву, от куста к кусту, незаметно последовали за жирняками. Теперь-то наши путешественники понимали, что многочисленные электронные часы ничего опасного не предвещают. Вероятно, они показывали время, оставшееся для сбора местного населения в каком-то условленном месте.

А звонки въедливо продолжали трезвонить. На табло в «оконце» минут уже мелькнуло — «04», затем пошло: 00.03.59, 00.03.58, 00.03.57...

Отставшие жирняки поднажали, да как! Несмотря на тучность, они развили прямо-таки рекордную скорость. За ними теперь было трудно угнаться, тем более скрытно.

Пальчик и Гав услышали где-то впереди пробивавшийся сквозь звонки часов неясный шум: разноголосицу, стук, звяканье... Миновали украдкой поворот и увидели величественный платан, весь увешанный разнообразными скворечниками, как новогодняя ёлка игрушками. А уж затем узрели сотни две — не меньше! — обеденных столов, расставленных на каменных плитах под его гигантской кроной. За каждым столом, загромождённым дымящимися тарелками, блюдами, соусниками, бутылками и бокалами, сидело по одному человеку. Жирняки, возбуждённо перекликались, быстро придвигали кресла, подвязывали салфетки, звякали бокалами, заранее наливая искристые напитки... Отставшие с налёту занимали свободные места. Все посматривали на часы, стоящие через каждые несколько метров вокруг платана. Звонки умолкли — вспыхнуло: «00.00.00»!

Все сразу дружно накинулись на еду. Наворачивали так, что за ушами трещало, — у каждого. Словно вовсю заработала мощная камнедробилка!

Пальчик и Гав осторожно выглядывали из-за толстой сосны.

Сверху упала шишка. Пальчик запрокинул голову. Весь высокий ствол был испещрён корявыми пятнами — там, где когда-то поочерёдно отмерли сучья, — и казалось, что это какой-то сильный зверь, карабкаясь к зелёной макушке, оставил свои неизгладимые следы.

— Куда ты смотришь?.. Глянь, как они едят, лопают, трескают, метают, штевкают, хавают! — облизнулся пёс.

— И где ты таких слов нахватался? — никак не мог привыкнуть Пальчик к жаргону четвероногого дружка.

— На улице! Про еду я всё знаю. Наголодался впрок в своё время.

— Можно только наестся впрок.

— На сколько? — спросил Гав.

— Ну, на день-два...

— А я на год-два наголодался. Значит, впрок, — упрямо сказал пёс.

Попробуй ему докажи!.. Гав всегда был прав — по-своему. Во всяком случае, он никогда не темнил и говорил то, что думал. Правда, задумывался он редко. Иногда даже сначала скажет или сделает, затем подумает. Но зато уж не передумывает и твёрдо стоит на своем.

Так и сейчас. Он вдруг по-пластунски пополз к пирующим, затем оглянулся и прошептал:

— Куда, думаю, ползу? А теперь сообразил: чего-нибудь вкусенького принесу, а не то копыта отбросим.

Пальчик машинально хотел спросить, откуда тот знает про «копыта», но только рукой махнул, вспомнив о буфетчице Оле. Приняв его жест за согласие, Гав пополз ещё быстрее, и вскоре, никем не замеченный, исчез под ближайшим столом.

А пиршество продолжалось. Когда жирняки утолили первый, самый азартный голод — на это ушло минут пятнадцать, — заверещал новый звонок. На площадку с разных сторон вяло, вразвалку потянулись толстые коты. Им начали бросать объедки. Коты были настолько ленивы, что даже не пытались отнять подачки друг у друга. Верно, все они были сыты и явились только по привычке. Они брали лакомство лишь тогда, когда оно падало чуть ли не в пасть.

«Не дай Бог, Гав ввяжется с ними в драку!» — беспокоился Пальчик. И зря.

У Гава ума хватало. Пальчик не видел отсюда, как из-под свисающей вокруг стола скатерти порой появлялась собачья лапа и выхватывала куски прямо перед носом котов. Пожалуй, и они не замечали этого своими заплывшими глазками.

Снова прозвенел звонок. Коты, ещё больше переваливаясь с боку на бок, удалились — их место заняли тяжело посыпавшиеся из скворечников пузатые воробьи. Никто из них ничего не хватал на лету. Куда там! Они насыщались, как и коты, лёжа. Слышался drobный перестук клювов.

Объевшиеся птицы не могли затем даже взлететь и пытались вскарабкаться к своим домикам по стволу. Срывались, падали на спину и, не в силах перевернуться, дрыгали короткими ножками.

Заглядевшись на всё это, Пальчик не заметил, что рядом вновь появился Гав. Он вернулся другим путем, дав для безопасности кругалю.

— На!

Пальчик словно очнулся. Пёс протягивал ему ломоть хлеба и гирлянду сосисок. Только сейчас мальчуган почувствовал, как проголодался, и сглотнул слюну.

— А ты?

В ответ пёс красноречиво похлопал себя по тугому брюху.

Сосиски оказались вкусные, но почему-то пахли рыбой.

— А у них всё рыбой отдаёт. Секреты кухни. Возможно, у них сегодня рыбный день, — пояснил Гав. — Ты ешь, ешь. Что потопашь, то и

полопаешь. — Подумал. — И наоборот. Я туда протопал, ты здесь полопал. А теперь ты, налопавшись, можешь топать куда угодно. Дошло? Умён — собака! — похвалил он сам себя. — Может, ещё чего-нибудь принести на закусон?

— Тресну, — промычал Пальчик с набитым ртом.

— Ну-у, — протянул пёс. — Они же не треснули, — показал он лапой на жирняков.

Лапа застыла в воздухе. Прозвенел третий звонок — и все столы — только столы! — провалились под землю. Затем плиты снова сдвинулись. Жирняки откинулись в креслах, положив пухлые ручки на необъятные животы и задремали. Кое-кто переливисто захрапел.

— Мёртвый час, — сказал Пальчик.

Гав недоверчиво взглянул на него.

— Не, живой... Замечаешь, дышат? Животы-то поднимаются и опускаются!

— Это выражение такое: «мёртвый час». Отдых после обеда.

— Оно и видно, что выражение. Даже буфетчица Оля не раз лаяла на посетителей: «Прошу не выражаться!» А ты... Не ожидал от тебя такого, — покачал пёс головой.

— Да что тебе объяснять... Не поймёшь.

— Угу, — кивнул Гав. — Как еду добыть — так я всё понимаю. А как объяснить — так я глуп. Да?

— Ты умный, — погладил его по голове Пальчик.

Пёс даже зажмурился от удовольствия.

— Повтори ещё раз, пожалуйста, — попросил он.

— Умный, умный.

— Да не словами, а рукой. Гладь, гладь.

— Умный! — строго сказал Пальчик.

— Достаточно, — встрепенулся Гав. — Пошли дальше. Мы ещё не всё осмотрели.

— Интересно, а что там, под землёй?

— Где?

— Куда столы провалились.

— Ничего интересного. Если б я не успел вовремя вернуться, провалился бы вместе с ними!

НАЧАЛЬНИКИ

— Ничего себе этаж нам попался, — говорил Пальчик. — Ещё похлеще седьмого и шестого.

— Ну, мой этаж, конечно, имеет свои недостатки, — уклончиво заметил Гав. — Но там можно жить по-человечески любой собаке.

— А человеку — по-собачьи?

— Должна же быть где-то справедливость и для нас, псов. Гав-гав! Извини, ты сам мне напомнил о моём происхождении. И давай не будем! — как говорит буфетчица Оля.

— Что — не будем?

— Ничего. Хватит об этом. Не хватало нам ещё ссориться.

— Мы с тобой никогда не поссоримся, Гав.

Они безбоязненно шли по аллее, считая, что все спят и скрываются пока незачем.

И напрасно!

Где-то позади, за поворотом, послышалось урчание автомашин. Едва они успели нырнуть в кусты, как сверху на дорожку градом посыпались шишки. Их зачем-то суетливо сбрасывали с высоких сосен полосатые бурундуки. Две длинные чёрные машины, одна за другой, с хрустом проехали прямо по шишкам. Бурундуки тут же спустились вниз и принялись собирать зёрна, «вылущенные» колёсами.

— Во дают! — поразился Пальчик. — Умны.

— Ленивы, — возразил Гав. — Я гляжу, здесь никто даром и зубом не шевельнёт.

— Наверно, какие-то начальники проехали.

— Большие начальники, — уточнил пёс. — Чем больше и чем темнее машина, тем больше и тем грознее начальник. Уж я-то не под одну попадал! Правда, исключительно между передними и задними колёсами.

— И...

— Живой. Я же сказал: исключительно.

— Везло.

— Им везло. Тоже все живы оставались. Видал бы ты, как они пытались меня «объезжать» перед моим коронным броском!.. Айда вслед за машинами. Надо всё разнюхать. Я ничего здесь толком понять не могу. А ты?

— И я, — кивнул Пальчик.

— Не люблю зазнаек, — похвалил его Гав. — Честность украшает человека.

— А собаку?

— Вдвойне.

— Почему?

— Заладил — почему да почему, — Гав привычно почесал затылок задней ногой, посмотрел на неё. — Потому что у нас ног больше!

— Ну ты нахал.

— Что, съел? Как говорила буфетчица Оля, пряча сыр в холодильнике.

Они шли за живой лавровой изгородью, даже не нагибаясь — не тот рост, — и поглядывали в её просветы: где же там машины?..

Ага, вот они. Автомобили стояли возле внушительного трёхэтажного здания с белой колоннадой. Сбоку виднелась облезлая узорчатая церквушка, на её железной двери было крупно написано мелом: «склад». За машинами о чём-то разговаривали два пожилых худющих человека в строгих костюмах. Один курил трубку.

По-прежнему скрываясь за кустами лавра, Пальчик и Гав подобрались поближе.

— Курить — здоровью вредить, — укорил собеседника некурящий, поблёскивая очками.

— Ничего не могу поделывать. Злостный курильщик. Как бросаю, так сразу набираю вес.

— Займитесь спортом, — посоветовал очкастый. — Спорт — залог здоровья. Вот я каждую неделю пробегáю шесть километров.

— То есть примерно по 857,14 метра в день? — мгновенно высчитал человек с трубкой. — С этого не похудеешь. Уж признайтесь по-дружески, что у вас язва желудка.

Очкастый обиженно засопел.

— Не сердитесь. Болезнь — наше нормальное состояние, — сказал курильщик. — Ну так что будем делать с этой церковью? — очевидно, вернулся он к прерванному разговору. — Сносить?

— Боже мой, ну не всё ли равно! — пожал плечами очкастый, глядя на церквушку.

— Нет, не всё. Вот это ваше невольное «Боже мой» — лишний довод в пользу сноса. Поскольку даже такая развалюха вызывает подобные слова — и у кого! — её просто необходимо... — Он рубанул рукой.

— Но в ней известные мозаики. Что скажут учёные?

— Что захотим, то и скажут. Когда в стране изобилие, на многое закрывают глаза. Лишь бы брюхо было набито. Впрочем, она и правда красива — он ткнул в сторону церкви своей чадающей трубкой, — даже в таком виде. Значит, она тем более опасна, раз наводит на ненужные мысли. Самыми главными всегда и во всём должны быть только наши с вами заповеди, коллега, а не Божьи.

— Выходит, мы своего рода слуги дьявола? — пошутил очкастый.

— Боже мой, ну не всё ли равно! — отпарировал человек с трубкой его же словами. — Мы же с вами научно знаем, что ничего сверхъестественного не было, нет и не будет. Как не бывает, к примеру, говорящих собак.

— Как это не бывает!!! — вскипел Гав, высовывая к ним лохматую голову из кустов.

Те остолбенели. Один уронил трубку, у другого упали очки.

Пальчик тут же втащил пса за хвост обратно, и они помчались прочь.

Жаль, Гав никогда не узнал, что произошло дальше, иначе бы он вконец зазнался. Когда к начальникам вернулся дар речи, очкастый, заикаясь, сказал:

— С-сносить не б-будем.

Не глядя друг на друга, они молча сели в машины и разъехались в разные стороны.

СТРАЖ ПОРЯДКА

Заметим, что Пальчика не волновало то, когда он вернётся домой. После своих приключений на «шестом» и на «седьмом» этажах, он убедился, что время у нас и «у них» течёт по-разному. И если здесь, на «восьмом этаже», прошло уже полдня, то дома, возможно, всего лишь секунды минули.

Хотя в огромном парке было и нетрудно затеряться, они теперь

натыкались то на садовников, то на подметальщиц, то на водопроводчиков. Очевидно, у них раньше был обеденный перерыв, а «мёртвый час» им не полагался. Между прочим, жирными они тоже не были, как и те начальники. Каждый раз путешественники слышали за спиной тихое: «Иностранец!» Наверняка это относилось только к Пальчику, а Гав, так сказать, находился при нём.

— А отчего тот первый, помнишь, с лыжными палками, сказал: иностранцы, а не иностранец? Значит, и про меня? — раздосадованно спросил пёс.

— По-моему, он сказал вообще. Мол, иностранцы мешают, — попытался разъяснить Пальчик.

— А, по-моему, он просто умнее других.

— Знаешь, ты бы побольше помалкивал. Вдруг тебя ищут!

— А тебя?

— Я же не говорящая собака.

Гав промолчал.

— Высунулся — тоже мне!

Гав опять не ответил.

— Ты чего в рот воды набрал? — удивился Пальчик.

— Сам же сказал — молчать, — возмутился Гав. — Нету у меня воды, нету! На, загляни! — широко раскрыл он пасть. — Что, убедился?

— Это выражение... — начал было Пальчик и осёкся. Но поздно.

— Прошу не выражаться, — строго сказал пёс.

— Да пойми же ты наконец! Так только говорятся.

Тут-то им впервые и встретился парковый стражник. Вероятно, он наблюдал за ними ещё издали.

— Иностранец? — вырос он из-за многократно скрученного, как бельё при выжимании, дерева. И поправил форменную фуражку с надписью «Граница на замке».

Пальчик кивнул и почему-то ответил на ломаном языке:

— Я есть один иностранец.

— Твой? — указал страж телескопической резиновой дубинкой на пса.

— Мой. — И Пальчик добавил для пушей убедительности: — Мой он есть.

— Ты, кажется, что-то ему говорил?

— Я ему говорить: не ходить по газон.

— Гм. И он это понимает?

Гав раскрыл было пасть, но Пальчик с лязгом захлопнул её так, что тот прикусил язык, заскулив от боли.

— Понимает.

— В таком случае, почему так долго ты ему это объяснял?

— Слабо понимает. Долго объяснить, быстро понимать.

— Глуп? — ухмыльнулся страж.

— Исключительно, — ввернул Пальчик словечко Гава.

Пёс укоризненно покосился на него.

— Где поводок? — сказал страж.

— Вот, — Пальчик быстро выдернул ремень из брюк и застегнул его

на шее пса. Повторилось почти то же самое, что и на «шестом этаже».

— Порядок, — поднял палец страж. — Документы?

— Я есть маленький, — отчеканил Пальчик. — Документы имеет быть папа. Мы остановились в дом, где много колонн стоит вверх. Там, — показал он рукой.

— Направление правильное, — определил блюститель порядка. — Давно здесь?

— Перво-напервый день.

— Гляди-ка, а так хорошо знаешь наш язык! Ну как тебе наш остров?

— Остров?! — нехстати удивился Пальчик.

— Разве вы не приплыли?.. Или, может, приехали или даже прилетели? — подозрительно прищурился страж.

Но Пальчик избежал расставленной ловушки, вовремя догадавшись, что на любой остров можно только приплыть или, в крайнем случае, прилететь. Но летают ли здесь — хотя б на воздушном шаре? А если всё-таки летают, то вдруг стражнику известно, кто и когда приземлился. Есть, конечно, и такое выражение: приехать. Допустим, на пароходе. Или даже на лодке. А может, здесь пароходов нет? И, кроме того, тут всё понимают буквально, судя по вопросам настырного охранника. Эти мысли промелькнули у Пальчика мгновенно.

— Конечно, приплыли! — воскликнул он. — Пригребли, припарусили, прибыли!

Он ничуть не рисковал, вспомнив паркового сторожа-моряка. Да и вообще паруса и вёсла знают даже отсталые туземцы. Тем более, парусники не вымерли и в эпоху атомных двигателей.

— Но ваш остров такой большой, что не верить, что там и там это лишь остров! — попытался исправить он свой невольный промах.

— Да уж, — самодовольно потянулся на носках страж, заложив руки за спину. — Великий остров! Шесть километров в длину, три — в ширину! И называется он... Ну-ка?

— Великий остров называется есть, так и быть. Всего полным-полный! — Пальчик так широко размахнул руки, что задел пса по носу. Гав опять заскулил.

— Верно, — заулыбался страж. — Остров Изобилия!... Ладно, вы пока свободны. Можете идти, — милостиво разрешил он.

— У меня небольшая вопрос, — остановил его Пальчик. — Почему у вас одни люди жирный, тучный, пузатый, а другие, — словно подыскивая точные слова, вновь перечислил он, — худой, тонкий, бледный? И почему вы есть средний комплекция?

Страж с явным сожалением взглянул на своё небольшое брюшко и постарался выпятить его вперёд.

— Я еще не заслужил стать пузатым, как ты благороднейшим образом соизволил определить избранных. Но я на пути к тому, чтобы попасть в их число и жить в своё удовольствие. Примерная служба — путь к успеху! — гаркнул он, дёрнув подбородком. Фуражка подлетела на голове и снова опустилась на место. — Они, — он указал на садовника вдаль, — низший разряд. А я, ты правильно заметил, среднее звено.

— И сколько таких низших, средних и высших имеет быть ваш остров?

— Это военная тайна.

— Ну, высших я видеть. Человек двести есть.

— Есть или ели? — наморщил лоб стражник.

— И то и другое. Есть. Ели. Они ели есть.

— Еле есть? Или ели есть? — вконец запутался страж.

— Двести человек имели есть.

— Ты что, уже умеешь считать?.. Ах да, ты иностранец, — пробормотал он. — Всё равно непорядок.

— И последний вопрос. Я видеть два человек, — Пальчик втянул щеки, изображая их, — из машин. А они кто есть?

— Они были, есть и будут, — вытянулся в струнку охранник. — Они главные начальники острова!

— Но они не жирный.

— Они худой имей быть... Тьфу! — попытался было втолковать ему страж тоже на ломаном языке. — Они такие худые, потому что не спят, не едят, думая только о благоденствии всего острова.

Он с достоинством удалился.

— Дошлó, — запоздало вырвалось у Пальчика, вспомнившего вдруг про злостное курение одного и про язву другого: лучшие средства от ожирения.

— Если дошлó, то сними свою удавку с моей шеи, — сердито заметил Гав.

ВЕЧЕР И НОЧЬ

Поужинать они решили тем же способом, как и раньше, забрав что-нибудь у жирняков. Гав опять в одиночку отправился за провизией на площадку под платаном, когда все часы в парке отзвенели сигнал «на ужин». Пальчик же остался ждать его на знакомой, первой от ворот, аллее, притаившись под большущим развесистым фикусом-баньяном. Вдруг тот стражник вздумает проверить: «имей ли быть» у мальчика с собакой отец-иностранец. Лучше не попадаться лишний раз на глаза. Ну а Гав — тот всегда сумеет улизнуть.

Здесь было надёжное укрытие, если, конечно, не прыгать и не орать, как оглашенному, а вести себя тихо. Баньян раскинулся шатром почти на восьмистах тонких стволах — от нечего делать Пальчик принимался их считать, но каждый раз сбивался. Собственно, это были ставшие стволами воздушные корни. Другие сотни корней-жгутов ещё только тянулись сквозь листву к земле.

«Если засну, — подумал он, борясь с дремотой, — то, пожалуй, потом и не выйду. Окажусь как в клетке!»

Но корневые жгуты висели неподвижной завесой, никак заметно не прибавляя в своём росте вниз — на это, верно, потребовались бы недели, а то и месяцы, — и он, успокоившись, нечаянно заснул.

Гав его, конечно, бесцеремонно разбудил, когда вернулся.

— Кончай спать, дрыхнуть, кемарить! На земле даже собакам спать вредно.

Пальчик зябко поёжился от сырости, поднимающейся со стороны моря. А, возможно, сторож-моряк проветрил парк слишком уж усердно.

На этот раз пёс мог его угостить только куском сыра. Сыр тоже отдавал рыбой.

— Что они тут, китов доят? — сказал Пальчик.

— А разве сыр делают из молока? — поинтересовался Гав, пропустив неизвестных ему «китов» мимо ушей.

— Не из воды же.

— А я думал...

Но Пальчик так и не узнал, что думал пёс. Тот сразу же перешёл на рассказ об ужине жирняков. Оказалось, туда пожаловали те двое начальников и стражи понабежало — хоть отбавляй! Поэтому и не удалось унести что-нибудь существенной. И сам-то еле ноги унёс!

— Тебя заметили? За тобой гнались? — встревожился Пальчик.

— Заметить не заметили, но один кот погнался.

— Ну?

— Три шага пробежал, — со смехом рассказывал Гав, — и растянулся плашмя, как коврик.

— Коврики — плоские, — хмыкнул Пальчик, — а коты — круглые.

— Я на него наступил, — потупился пёс. — Случайно. Мне пришлось вернуться за сыром, который я обронил.

— Ну? — повторил Пальчик.

— На обратном пути я опять наступил на кота.

- И опять случайно?!
- Нарочно. Он как раз поднимался, чтобы вновь броситься вдогонку.
- Бросился?
- Раздумал. Наверно, до сих пор лежит — думает.
- И отчего вы так котов не любите?
- А за что их любить, если они всё время путаются под ногами.
- Поел? — сказал Гав. — Скажи спасибо.
- Спасибо.
- На здоровье!.. Или — пожалуйста? — вслух поразмыслил пёс, и просиял. — Пожалуйста, на здоровье! Умён — собака, — похвалил он сам себя по привычке. — Вот замечательное выражение. Возможно, единственное! Я его на твоём этаже слышал, когда один тип, который собирался понарошку щенят топить, так меня аттестовал!
- Что-что? — чуть не подавился Пальчик.
- Не знаешь? Псов всегда на собачьих выставках ат-тес-туют, — по складам с удовольствием произнёс Гав.
- Послушай, а собаки тут водятся? Что-то я не видал.
- А я видал. Тоже сытые, как коты. С бантиками на хвосте, — Гав плюнул. — Это не по адресу твоей мамы, а вообще! — посчитал он, что удачно вывернулся из неловкого положения, и продолжил: — А бродячих у них нету. Всех лишних — как могут быть лишние, если родились? — жирняки топят в море. А уж гордые какие эти собаки! Ну, те самые, неутопленные. Они, мол, лучшие представители своей породы, отобранные ещё в детстве! Наверно, жирняки выбирали самых толстых. А ещё собаки говорят, что...
- Так они говорят?
- А откуда же я бы про всё узнал?! Странный вы, право. Как удивлялась буфетчица Оля одному адвокату, который по утрам пил молоко, а не пиво. Говорят собаки, говорят, но только между собой. По-человечески болтать, трепаться, спикать, вякать — они не могут.
- Но ты же можешь.
- Сравнил! Я междуэтажный путешественник. Свой этаж имею.
- А у нас на «первом» ты разговаривать не умел. Как это понять?
- И понимать нечего. Там исключительно ваш мир, — заявил Гав. — У вас ни одна собака по-человечески не говорит.
- Постой, ты же побывал на «седьмом этаже»?
- Ну, побывал, — почему-то смущённо ответил Гав.
- А там ты говорил?
- С кем?!
- Но ты же...
- Там только мой нос побывал, — признался Гав. — Я и из лифта не выходил. Только глянул, и назад.
- Испугался? А я — нет! — похвастался Пальчик.
- Храбрец... Если б ты увидел «человечий ящик», как я — «собачий», ты бы враз дал тягу.
- Лично я на «седьмом» никаких собачников не замечал.
- Вот именно. Ты их видел, но не замечал. Потому что тебя не

касалось. А меня — только я высунул нос — чуть не коснулось колесо проезжавших мимо собачников! Ясно?

— Ясно.

И Пальчик подумал: «Наверно, Гав может разговаривать только на «запретных этажах». Наверняка он и на «седьмом» заговорил бы».

— А нас, между прочим, ищут, — вдруг сказал пёс.

— Так давай быстрее в лифт! — вскочил Пальчик.

— Давай на вокзале стоит. Как говорила буфетчица Оля.

— Какой ещё «давай»?

— Жизни не знаешь. Тот, что на вокзале вещи носит. Он всё время кричит: «Давай! Давай!» Очевидно, себя называет.

— Да ну тебя! Надо бежать. Чего мы здесь околачиваемся?

— Я тебе сразу же хотел об этом сказать. Сам меня отвлѣк своими душой щипательными беседами.

— Душещипательными, — машинально поправил его Пальчик.

— Душе — это в душе. У вас в ванне. Душ, он тоже щиплет. А я говорю про душе. Бессмертную! Теперь-то сообразил? Вот как бы ты сказал об особой породе псов, которых почему-то всегда присобачивают к какому-то еноту? Забыл...

— Это ты про енотовидную собаку, что ли?

— Вот-вот, — обрадовался Гав. — Опять у тебя та же ошибочка. Как надо говорить? Еноту видная собака — вот так!

— Но...

— Опять отвлекаешь?!

— Молчу.

Гав посерьёзней:

— К лифту нам не выйти. Ворота закрыты. Граница на замке, понял? Между пиками ограды не пролезть даже тебе, так тесно стоят. А по ночам побережье охраняют стражники с пограничными акулами. Они их водят вместо собак на цепочках по мелководью вдоль берега. Закрой рот, — потребовал он, — ты хочешь спросить, почему я сказал, что нас ищут? Тот обалдуй с дубинкой и двое таких же, в фуражках, рыщут по всему парку. Неспроста! Снова закрой рот, — приказал он Пальчику. — Я знаю, что делать. За мной!

Они выбрались из-под баньяна, и Пальчик побежал вслед за Гавом.

Смеркалось... Ветер шевелил верхушки пальм, и казалось, что большими метёлками подметают небо.

Гав и Пальчик стремительно пересекали одну аллею за другой.

— Вон они! Ви-и-жу! — послышался где-то позади хриплый голос.

— Не ви-и-жу! — вдруг так же хрипло прокричал Гав.

— А что же я ви-и-дел? — снова заорал тот же голос.

— Меня-я!

— А ты их ви-и-дишь?

— Не-е-ет! — чуть не надорвал себе глотку пёс, путая преследователей.

— Бери правее-е-ей!

— Ла-а-дно!.. За мной, — вновь скомандовал Пальчику Гав.

Электронные часы на аллеях снова показывали какое-то время, вероятно, оставшееся до отхода ко сну: 1.14.17 — 1.14.16 — 1.14.15... Строжайший распорядок дня, как в санатории.

Круглая жирная местная луна, перечёркнутая тёмным облачком, внимательно смотрела вниз, как из-под ладони. Казалось, она тоже следит за беглецами.

Гав и Пальчик миновали длинный двухэтажный белый дом с круглыми, как иллюминаторы, окнами и солярием на плоской крыше. Он был похож на корабль, неведомым путем застрявший на суше среди пирамидальных кипарисов. Окна мягко светились, приглушённо доносилась приятная, как холодный компот в жару, тихая музыка.

— Здесь живут только жирняки, — не останавливаясь, показал Гав.

— А прислуга?.. — еле поспевал за ним Пальчик.

— В конце парка. Там стоят большие крупнопанельные дома — с отдельными каморками. И своя столовая у них.

— Кормят хорошо? — сострил Пальчик.

Гав обернулся и скорчил зверскую рожу.

— Понятно. А кто живёт в том особняке с колоннами — помнишь?

— Начальство. Все старые да тощие, как обгоревшие спички. Боятся растолстеть. Хотят пожить подольше. На вечность нацелились! Как говорит буфетчица Оля о тех, кто трусцой бегают.

— Откуда ты всё знаешь? — Пальчик запыхался и перешёл на быстрый шаг.

— Я по всему парку мотался, — тоже замедлил ход Гав. — Со следу сбивал. Боялся, собак-ищек пустят. Уже забыл про мой «шестой этаж»?

— Такое не забывается. Вот и среди собак бывают подлые твари!

Гав на ходу пожал плечами:

— Всё, как у вас. Не хуже людей живём.

Пришлось молча проглотить его ответ. Правду не скроешь.

— Цирк шапито! — воскликнул Пальчик, увидев впереди на обширной поляне между высоченных краснокорых секвой огромный брезентовый купол. Поляну щедро заливал лунный свет, как будто любопытная луна нарочно переместилась именно сюда в ожидании дальнейших событий.

— Тсс, — прошипел Гав.

Они осторожно обогнули цирк, то перешагивая через натянутые веревки, то пробираясь под ними. За цирком оказался другой брезентовый купол — поменьше. Из него доносились визг, хрюканье, рычание и хихиканье каких-то животных... Внезапно всё это перекрыл трубный вскрик слона.

— Цирк зверей, — сказал Гав. — Не бойся, все свои. Да, запомни, — предупредил он, — я за переводчика. По-человечески они только команды знают.

— Что ж, выходит, все звери друг друга понимают?

— Здесь — да.

— И ты можешь перевести даже кошачье мяуканье? — подкузьмил его Пальчик.

— Могу, — поморщился Гав. — Но с густопсовыми ошибками.

Он приподнял край брезента и проскользнул в зверинец, Пальчик последовал за ним.

Под кровлей неярко светились лампочки. Помещение было разделено на множество тесных дощатых отсеков. Кое-где виднелись и железные клетки. В каждом отсеке и в каждой клетке стояли, сидели, метались разные животные: обезьяны, кабаны, тигры, львы, собачки... Была и пара слонов, они находились в самых, если тут применимо это определение, больших вольерах.

Гав что-то пролаял. Звери добродушно отозвались единым шумным возгласом.

— А теперь ты поздоровайся, — предложил пёс Пальчику.

— Здравствуйте, все! — звонко крикнул он.

Гав опять что-то пролаял, но гораздо дольше.

Звери снова отозвались одобрительным хором.

— Ты что сказал? — шёпотом спросил Пальчик.

— Я пожелал им от твоего имени здоровья и долгих лет жизни. Ведь ты сказал: «Здравствуйте!» А это значит: будьте всегда и везде здоровы. Верно?

— Ещё как верно! Ты замечательный переводчик. Самый лучший.

Гав надулся от гордости. Давненько Пальчик его так не хвалил.

Чтобы избежать буквоедства и нудности, мы будем передавать разговор зверей с Пальчиком напрямую, как говорится, без посредника. Не забывая, конечно, при этом, что переводчиком был всё-таки Гав.

В ответ на «Здравствуйте!» Пальчика, столь блистательно переданное Гавом, одна из обезьян крикливо пожаловалась:

— Разве тут будешь здоровой? Нас морят голодом.

— Бьют, — зарычал тигр.

— Не кормят! — протрубил слон.

— Не кормят, не кормят, — захрюкал кабан.

— Но почему? — удивился Пальчик. — У нас в городе тоже есть цирк, но там зверей любят.

— Жирняки нас за зверей не считают! — заявила остроносая такса. — Они нас и раньше плохо кормили, но, когда мы...

— ... когда мы, выйдя на арену, отказались работать в таких условиях... — перекрыл её голос своим рёвом тигр.

— ... нас в наказание начали поливать холодной водой из шлангов, — гулко продолжил слон. — Мощной чистой струёй! Какое было блаженство! До этого нас месяц не мыли.

— Мы не стали выполнять никаких команд. И нас злобно забросали гнилыми помидорами и картошкой, — вновь зачастил кабан. — Вкуснятина! Мне даже попали в пасть прокисшим, — он восторженно закатил глаза и причмокнул, — кочаном капусты — вот таким! — развёл он копытцами. — Впервые в жизни наелся, да ещё одними лакомствами. Единственный день, когда я был сыт.

— А теперь нас вообще держат на голодном пайке, — зарокотал лев. — Неделю мы крепились. Поневоле пришлось вновь работать, чтоб вовсе не сдохнуть с голоду.

— Мы шатаемся от усталости, — проревел медведь. — Нас заставляют стоять на задних лапах круглый день. Больных тоже гоняют на арену. Вон морскому коту — из ванны в углу высунулась усатая гладкая голова — пришлось жонглировать с перевязанным ластом!

Когда звери отвели душу и выслушали сочувствие гостей, Гав попросил приютить его с другом здесь на ночь. А там, мол, посмотрим.

— Нас ищет стража, — сообщил он. — Уж тут-то никто искать не станет.

Все наперебой стали звать Гава и Пальчика в свой отсек и в свою клетку.

— У меня вы в полной безопасности, — убеждал тигр. — Ко мне не сунутся!

Гав и Пальчик вежливо поблагодарили всех и удобно устроились на опилках в отсеке у собак.

— Может, пить хочется? — сказал Пальчик ушастому спаниелю с коротким хвостом. — Я там видел кран и ведро.

— Не беспокойся. Воду-то нам дают. А если не хватает, слон дотягивается своим хоботом, отворачивает кран, а затем передаёт полное ведро по кругу.

— Я обязательно что-нибудь придумаю, чтобы вызволить вас всех отсюда! — горячо заверил Пальчик.

— Хорошо бы... — ответил спаниель. — А знаешь, у нас тут недавно смешная история вышла. — Он оживился. — Начальником над нами назначили одну — извини! — человекообразную обезьяну: нахального мордастого орангутана, пустозвона и доносчика. Он сразу заважничал, где-то раздобыл очки — наверно, в цирке украл — и стал носить. Все звери насмехались: «Вышел в люди!» А очки попались с такими толстыми стёклами, что он мало кого различал, всё плыло перед глазами. Но упорно их не снимал из гордости. Однажды я обозвал его доносчиком. «Ты кто?» — сразу спросил он. «Я новенький, — отвечаю. — Жираф». Их-то у нас нет, пусть потом поищет. «Но жираф должен быть с длинной шеей, — говорит он. — А твой голос раздаётся снизу». — «Я маленький жираф: Вот моя шея», — и протягиваю ему свой обрубок хвоста. Орангутан ощупал его: «Да-да, шея... А голова где?» — «Всё остальное — голова», — говорю. «Такая большая и странная?» — удивился он, сослепу потрогав меня всего. «Потому что болит, — не выдержал я и расхохотался. — Распухла. От жизни такой!»

Пальчик, Гав и все собаки в вольере, хотя и знавшие наверняка эту историю, покатались от смеха.

— И где он сейчас? — сказал Гав.

— Жирняки забрали его к себе. Он теперь их каждый вечер потешает своими дурацкими выходками.

Лампочки погасли.

— Я их обязательно спасу... — уже сквозь сон пробормотал Пальчик.

Ему снилось, что звери, сами став зрителями, смотрят в цирке выступление дрессированных жирняков. Полосатый тигр грозно щёлкал кнутом, и те послушно бегали по арене на четвереньках, жонглировали

тарелками с супом и, закрыв глаза, с визгом прыгали сквозь горящие обручи.

Жаль, что сны редко сбываются.

СТОРОЖ-МОРЯК

Но досмотреть сон до конца так и не удалось. Рано утром — сквозь марлевые оконца уже просачивался слабый свет — вдруг вновь зажглись лампочки под брезентовым сводом.

— Приготовить документы! — послышался чей-то бас.

— И поживей! — вторил ему другой.

— Обормоты. Ну, какие тут могут быть документы? У них на морде написано, кто есть кто, — заявил третий человек. И провозгласил: — Посторонние, выходи!

Это был голос того самого стражника, который уже останавливал Пальчика и Гава в парке.

В ответ звери зарычали, завизжали, захрюкали, замычали, затрубили...

Стража начала обход. Привстав на цыпочки, Пальчик и Гав увидели, как над загородками поплыли три фуражки с надписью «Граница на замке». Впереди них, высоко подпрыгивая и вертя головой, скакал орангутан — звериный начальник. Беглецы сразу узнали его по вчерашнему описанию спаниеля, хотя на сей раз он был без очков, — пустозвон и доносчик.

— Они где-то здесь! — верещал он. — Затаились, спрятались, схоронились! Высмотрим, отыщем, найдём! Поймаем, задержим, схватим! Посадим, упрячем, закроем!

Напомним — ни стража, ни Пальчик не могли понимать, что выкрикивал орангутан. Но для стражи было достаточно угрожающей интонации в самом визге доносчика, и Пальчику всё шепотком переводил Гав.

Законно спросить, как же в таком случае можно быть доносчиком, если его язык никак нельзя понять. Ответим: доносчиком можно быть и молча. А если подходить к этой противной проблеме серьёзно, то орангутан просто-напросто приводил кого-нибудь из жирняков и указывал на любого зверя, а потом того без лишних расспросов хлестали бичом.

Обход приближался к беглецам. Надо было вновь удирать!

Но спаниель удержал их, почему-то загадочно улыбаясь:

— Не спешите, дружочки. Сейчас они у нас попляшут.

— Потанцуют, попрыгают? — думая, что ослышался, уточнил Гав.

— Вот именно.

И Гав, и Пальчик не заметили, что оба слона поочерёдно набрали хоботами воды из крана, раздувшись, как цистерны.

— Вот они! — разом вскричали преследователи, поравнявшись с собачьим вольером. И кинулись к загородке.

Нападение захлебнулось. Две мощные струи, подбрасывая стражников и орангутана, понесли их по проходу и вышвырнули вон за дверь!

Откуда-то из-под потолка упали сорванные фуражки и... очки доносчика. Интересно, где он их на себе прятал?!

— А теперь — пора, — кивнул спаниель. — Пока они очухаются и снова пойдут на приступ...

«... вы уже будете далеко», — очевидно, хотел сказать он.

Но беглецы действительно были уже далеко. Мигом выскочив из вольера и поднырнув под брезентовый полог, они вихрем помчались прочь по пустынному в этот час парку. Впрочем, как мы знаем, парк был настолько велик, что и днём не казался многолюдным. А в такую рань даже подметальщицы спят.

Увы, знакомые ворота всё ещё были заперты на всякий замок.

Буквально, безвыходное положение. Между частыми пиками ограды не протиснуться, Гав вчера верно сказал. Перелезть — очень уж высоко.

Под воротами тоже слишком узкая щель.

— Говорят, если пройдёт голова, — пытался просунуть её Гав под ворота, — то пролезет и всё другое.

— Боюсь, голова-то, может, и пройдёт, — посочувствовал Пальчик, — а вот всё другое — останется.

— И хвост? — забеспокоился пёс.

— Само собой.

— А если подкопаться?.. Невозможно, — сам себе ответил Гав. — Асфальт.

Он оглянулся на бревенчатую сторожку, видневшуюся за кустами неподалёку.

— Пошли разведаем?

Домик также оказался запертым. Они заглянули в закрытое окошко. Сторож-усач мирно почивал на топчане.

— Гляди! — тихо воскликнул Пальчик.

На табуретке лежали два ключа: большой и маленький. Вероятно, от ворот и от самой сторожки.

— Что будем делать? — напористо сказал пёс. — Во-первых, разобьём окно. Во-вторых, схватим ключи...

— А в-третьих, сторож схватит нас и разобьёт нам вывески. Гениальный план!

— Какие ещё ... вывески? — Тут уж Гав оторопел.

— У буфетчицы Оли спроси. — Первый раз перещеголял его Пальчик: — Фотокарточки, рожи, морды, лица, физиономии, профили!

— Думаешь? — озаботился пёс. — А если не успеет?..

— Схватить или заорать на весь парк?

— Про «заорать» я не подумал, — смутился Гав.

Взгляд его упал на отдушину в завалинке.

— Сюда-то мы пролезем, — забормотал он, протискиваясь сквозь неё под пол дома. — Надо переждать, — глухо донеслось изнутри. — Давай ко мне.

— Давай на вокзале стоит.

— Какой ... — начал было пёс и умолк. Вспомнил.

Пальчик пролез к нему. Над ними светились тонкие щели между досками пола. Доносилось сладкое похрапывание сторожа. Он ещё и посвистывал носом во сне.

— Тоже мне соловей, — пробурчал Гав, устраиваясь поудобнее. — Кстати, ты заметил, что собаки, да и все звери, не храпят? Большое преимущество!

— В чём?

— Заснёшь где-нибудь в лесу, и враг тебя не услышит.

— Зато учует.

— Тоже верно, — задумался Гав.

— А вообще-то куда мы с тобой собрались? — вдруг спросил Пальчик.

— Как — куда? Домой. Я сыт по горло, — заявил пёс, — хотя и опять есть охота.

— Мне не даёт покоя... Интересно, куда это провалились столы с пустой посудой под платаном? И откуда берётся тут вся еда? И почему она отдаёт рыбой?..

— Может, они всю её из рыбы делают, — брякнул Гав.

— Не исключено, — по-взрослому заметил Пальчик. — Но тогда, кто её ловит? Кого мы здесь только не встречали! А вот рыбаков на море-озере и не видели.

— Мы слишком мало здесь пробыли.

— Вот именно — мало! — выпрямился было Пальчик, но больно стукнулся о потолок. То есть об пол.

— А-а, понял. Ты не хочешь домой.

— Это я-то не хочу!

— Ты не любишь родителей.

— Это я-то не люблю!

— Они волнуются там за тебя...

— Да, может, там всего полчаса прошло!

— Вот-вот, они и волнуются, полчаса уже прошло, а тебя всё нет.

— Ну, знаешь!.. Признайся, тебе самому хочется домой, — потребовал Пальчик. — На свой собачий этаж, да?

— Мой этаж не хуже других! — вышел из себя Гав.

— А ну вылезайте, — внезапно раздался сверху голос старикана сторожа. — Разорались тут с утра пораньше. Кому говорю!

— А если не вылезем? — сказал Пальчик.

— Сигнализацию включу, — пригрозил тот.

— Да ладно пугать-то, — проворчал Гав. — Пока ты выйдешь, нас ищи-свищи.

— Я с тобой морских коров не пас, — рассердился наверху сторож. — Каждая собака будет мне тыкать!.. Ты лучше оглянись, пустобрёх. Вы в ловушке. Я отдушину бочкой прикрыл, пока вы тут лаялись.

И правда светлый квадрат лаза исчез. Только сейчас беглецы заметили, что в подполье стало гораздо темней.

— Дайте слово, что не удерёте, — выпущу.

— Разве тут верят слову? — процедил пёс.

— Твоему — нет, — сказал сторож. — Собака лает, ветер носит.

— А вы сами... даёте слово? — спросил Пальчик. — Вам-то можно верить?

— Я бывший моряк, — оскорбился старикан. — Мое слово крепче грот-мачты, клянусь бизань-мачтой!

— А фок-мачтой клянётесь?

— Что?! Что я слышу, малыш! Морская душа, надо же. Я клянусь всей парусной оснасткой и...

— ...форштевнем впридачу, — потребовал Пальчик.

— Что?! — снова взревел бывший моряк и заторопился к выходу. — Немедленно выпускаю.

Через полминуты они уже сидели у него в сторожке. Он предусмотрительно задёрнул шторы на оконце.

— Мы... — начал было Пальчик.

— Ваши тайны меня не интересуют, — отмахнулся он, — пусть они останутся при вас. Лишь бы люди были хорошие, добрые, — он покосился на пса, — а не рычали, как собаки.

— Я... — начал было и Гав.

— Прощаю, — прогудел бывший моряк. — Ради твоего друга. Где плавал? — спросил он Пальчика.

— Я только лишь собирал модели фрегатов, каравелл и джонок...

— И джонок! — вновь взревел бывший моряк, снял с гвоздя соломенную шляпу и в восторге подбросил под потолок.

Шляпу он не поймал. Поймал её Гав и подал ему.

— Не морской, но приморский пёс — точно! — погрозил ему пальцем старикан.

— Угадали, — заулыбался Гав.

— Моряк моряка...

— ... видит... — подхватил Пальчик.

— ... слышит, — расхохотался старикан, указывая на пол, — издалека.

Моряк моряка и видит, и слышит издалека. Если ты утверждаешь, что только собирал модели парусных кораблей, а не плавал на необитаемые острова за сокровища... Но молчок! Твоё право, малыш, хранить язык за зубами. Тайна есть тайна. И если её знают пусть даже двое, то это уже...

— ... не тайна, — заключил Гав.

— А он смьшлён, — вконец подобрел к нему бывший моряк. — Мне, конечно, не по нутру, когда каждая собака огрызается, перебивает, но...

— Больше не буду, — перебил его пёс.

Сторож снова расхохотался.

— Я не плавал ни за какими сокровищами, — наконец удалось вставить Пальчику. — И никакой тайны у меня нет. — Он вдруг покраснел.

— Я сказал: молчок. Тайны у него, видите ли, нет. Неизвестно откуда явился, разгуливает с говорящей собакой, знает парусное дело, скрывается от закона — может, ты пират? — неожиданно спросил он. — Юнга-пират, да? А твой пустобрёх — вместо говорящего попугая? Вот мы тебя и раскусили! Ха-ха!

Пальчик не стал ничего доказывать. Напрасное дело. Да и, честно говоря, не хотелось выдавать свою тайну. Какую — известно Гаву и нам с вами.

— Эх, стар я стал, — вдруг погрузился старикан. — Не плавать мне больше. Бросил якорь тут, на острове. Некуда больше податься. Старость не радость.

— Да вы ещё крепкий, как дуб каменный, — сказал Гав. — Или падуб обыкновенный.

Бывший моряк строго посмотрел на пса:

— Не подлизывайся. Кто шляпу не поймал? Я! Вот и помолчи. Ловкий какой. Да-а, я уже давно мышей не ловлю.

— Мышей? — округлил глаза пёс. — Вы же не кот! — И добавил: — Может, по совместительству?..

— Вот я тебя сейчас совмещу с полом, — рассердился старикан. — Оборот! Это выражение такое: «мышей не ловит».

— Как говаривала буфетчица Оля... — важно начал Гав, но Пальчик вовремя дёрнул его за хвост.

— Не знаю, что говорят твои знакомые, а мой старый друг, хранитель пляжа, тоже теперь хочет лишь одного: дослужиться до высшего разряда, — мечтательно произнёс сторож. — Вот будет жизнь!

— Разве это жизнь? — возразил Пальчик. — Лопнуть же можно.

— От вкусной еды — никогда, — убеждённо сказал сторож. — А вот от одной картошки или земляных орехов — можно.

— А ещё моряк — с печки бряк, — проворчал пёс. — Тоже выражение такое, — поспешил он уточнить.

— Прощаю, — повторил старикан и подмигнул Пальчику. — За словом в карман не лезет.

— У меня их нет, — честно сказал пёс.

— Вот видишь! — возликовал бывший моряк. — Всё время держит нос по ветру, что твой вахтенный.

— Не знаю, кто такой этот... вахтенный. А нос держу, — с достоинством произнёс Гав.

— Так держать! — одобрил бывший моряк. — Давненько не бывал в такой теплой компании.

А Пальчик грустно подумал: «Пропавший остров. Если уж такой добряк, как этот старикан, завидует тупым жирнякам — совсем тут плохо дело...» Но если бы он поделился мыслями с многоопытным бродягой псом, тот мог бы снисходительно ответить новым житейским изречением, слышанным от буфетчицы Оли: «По одежке протягивай ножки».

— Попроси его: пусть скорей ворота открывает, — зашипел ему Гав, — а то скоро все проснутся.

— Да погоди ты! — отмахнулся Пальчик. Рядом со стариканом он забыл об опасности.

— Тебя как звать-то? — спросил пса бывший моряк.

— Гав. — Затем припомнил новое имя: — Гав-гав.

— Значит, сиди и не гавкай.

— Я же шёпотом.

— От твоего шёпота уши дерёт, как наждаком. Выпущу вас незаметно, не бойся.

— Я не за себя — за него боюсь!

— Правильно делаешь, что волнуешься за хозяина.

— Он мне не хозяин. Теперь.

— А теперь кто?

— Друг.

— Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты, — важно произнёс бывший моряк. — Но тебе я не скажу, не то зазнаешься.

— Я уже зазнался, — улыбнулся Гав.

— Вы сказали про земляные орехи и картошку, — заметил Пальчик. — А что, плодовых деревьев на острове нет?

— Есть. Да только их стерегут злющие псы. Побольше твоего дружка и покруче нравом!

— Каждый за себя отвечает, — Гав прихлопнул лапой муху, ползущую по полу. — Ваши жирняки, я гляжу, не лучше тех псов. А уж о стражниках вообще молчу.

— Я их тоже не перевариваю. Чуть что, орут: почему ворота открыты? Не могу же я их каждую минуту закрывать и открывать. Высший разряд всё время с лыжными палками бегаёт вниз-вверх, вверх-вниз для моциона.

— Моци... что? — поллюбопытствовал Гав.

— Чтобы похудеть.

— А зачем едят так много?

— Чтобы поправиться. Наконец-то ты понял!.. Так и бегают туда-сюда.

— Без своих подпорок не побегали бы, — съязвил пёс.

— Ты про палки? Конечно, без них трудно. И в гору, и под гору. Особенно вниз — страшное дело. Можно и костей не собрать, если б не предупредительные знаки.

— «Налево» и «Направо»?

— Ясно. А то ещё занесёт на спуске.

Гав со значением взглянул на друга: мол, что я тебе говорил.

— Смышлён, смышлён, — ответил ему Пальчик словами старика-на. — А откуда вся еда на острове берётся? И освещение? — вновь пристал он с расспросами к хозяину.

— Из воды, юнга. Из воды. Удивительно, да? — Бывший моряк вскочил. — Идёмте, всё покажу.

— А если заметят?

— Мы осторожненько. Я одну потайную тропку к морю знаю.

— Так это всё-таки море?

— А ты думал — озеро? Не мог же я быть моряком на озере.

— Тогда вы были бы... — Гав хихикнул, — старик-озорник. То есть озёрник.

— Цыц! — И бывший моряк снова повернулся к «юнге». — Но о морях и озёрах — после.

ОСНОВА ЖИЗНИ

Вскоре они уже спускались по узкой лесной тропке, петлявшей меж валунами. Разумеется, сначала они прошли через ворота, которые сторож затем вновь запер, перевесив замок на другую сторону. Этой дорогой идти было ближе. Они быстро добрались до берега моря.

Море, как и раньше здесь, отливало тёмно-серым цветом. Из округлых, пухлых облаков веером тянулись тонкие солнечные спицы — они как бы прожигали на водной глади пронзительные кружочки с зубчатой опушкой по краям. Казалось, там и сям были разбросаны белые горящие ромашки с острыми тлеющими лепестками.

Сторож повёл беглецов направо, за поворот скалистого мыса. По пути Пальчик невольно обернулся на две сосенки, скрывающие вход в пещеру, где был лифт.

За мысом галечный берег перешел в песчано-илистые откосы и отмели. Здесь теснились на бесчисленных ножках-корнях странные деревья и

кустарники с коричневой корой. Они напоминали множество балерин, стоящих на пуантах.

— Что это? — заинтересовался пёс.

— Мангровые заросли, — сказал сторож. — Вон, видите что-то вроде груш?

Мангры были усыпаны плодами, похожими на груши. Только они висели как бы обратной стороной — горлышком вниз.

— У них прорастает хвост — полуметровый воздушный корень, — продолжил старикан, — и ждёт своего часа, чтоб отделиться. Затем молодые растеньица отрываются от плода, летят вниз, глубоко входят в освободившуюся от воды почву и закрепляются корнями. Живородящие растения!

— И всё-то вы знаете, — уважительно поглядел на него Пальчик.

— Я ведь хочу дорасти до садовника, чтобы перейти в среднее звено, — приосанился сторож. — А там уже недалече и до высшего разряда.

Хотя Пальчик был ещё мал, он опять невольно подумал: «Здорово им тут голову заморочили!»

Вслед за проводником он тоже разулся, засучил штаны и обошёл мангровые заросли по воде. Гав прошлёпал, как говорится, босиком.

— Мангры — это чепуха. Скоро я вам такое покажу — ахнете!! — предвкушал старикан. И заговорщически толкнул Пальчика локтем в бок. — А пока признавайся, где всё-таки оставили свой корабль? Не по воздуху же прилетели.

Ну не мог ему Пальчик сказать, как они сюда прибыли! Сторож бы ни за что не поверил. Да и сам-то Пальчик верил с трудом.

— Здесь, на южной стороне, или там, на северной? — выпытывал бывший моряк. С его неистребимым любопытством ему б не в садовники метить, а по крайней мере — в астрономы. Целыми сутками за звёздами в телескоп подглядывать — милое дело!

— На северной, — буркнул Пальчик, кляня себя за вынужденное враньё.

— На северной? — всполошился тот. — Вы с ума сошли! Там кругом предательские рифы!

— На северо-западной, — наугад «уточнил» Пальчик.

— Другое дело... Перепугал до смерти. Разве ж так можно?.. О-хо-хо, лишь бы войны не было.

— С кем? — поднял уши Гав.

— С кем — с кем? Вообще. К слову сказано. Да и на самом деле. В море островов, знаешь, сколько!

— Сколько?

— Как семечек в подсолнухе. Кто-нибудь да с кем-нибудь всегда непременно воюет.

— И так везде, — вздохнул пёс. — Даже буфетчица Оля, когда её хотели в тюрьму засадить, сказала: «Лишь бы войны не было».

— Не знаю, не знаю, — привычно отмахнулся старик. — Я ваших секретов не знаю и знать не хочу. Но запомни, пустобрёх, на всю жизнь...

Гав вытянул шею, стараясь не упустить того, что надо на всю жизнь запоминать.

— Дружи с буфетом. Вот тебе мой главный совет!

— И без вас знаю, — разочарованно сказал грубиян пёс. Он ожидал чего-то большего.

— Это лишний раз подтверждает мою правоту. Если и ты, и другой, и третий знают одно и то же, значит, так оно и есть, — глубокомысленно заключил старикан.

Мангровые заросли давно кончились, а они всё продолжали идти, теперь уже взбираясь на высокий обрыв береговой полосы.

Цвет моря изменился, оно стало каким-то глинистым, мутным, подёрнулось рябью... Затем пошли крупные волны. На них качались утки-нырки, опускаясь и поднимаясь с каждым новым накатом. Они то и дело ныряли с таким видом, словно топились навсегда.

Беззвучно пролетели длинной-предлинной цепью чёрно-фиолетовые гагары — они тянулись низко, почти над водой, изгибаясь как единое целое и словно повторяя изгибы очередной набегавшей волны.

— Сейчас, сейчас будет, — говорил старикан. — Сейчас...

Море становилось всё беспокойнее. Вскидываясь перед берегом, гребни пытались закручиваться, подобно гигантской раковине, но не успевали и рассыпались шумными брызгами.

Но бывший моряк привёл их взглянуть не на шторм. Пальчик и Гав увидели, что штормило лишь на небольшом участке. А вот дальше...

Дальше, вращаясь огромной спиралью, вода с гулом уходила в тёмную бездну воронки диаметром метров восемьдесят — словно здесь, не так далеко от берега, море прохудилось насквозь, как кастрюля. Но даже не это странное явление потрясло наших невольных зрителей — большущий кит, очевидно, случайно угодивший в неистовый водоворот, отчаянно пуская фонтаны и бешено работая могучим хвостом, пытался выбраться из уготованной ему судьбой западни. Чудовищная воронка неумолимо затягивала его всё глубже и глубже, пока он не исчез совсем, выбросив над ней как бы прощальную, уже тонкую струю своего фонтана.

— Ужасно, — прошептал Пальчик. А Гав яростно залаял, в этот миг забыв, что умеет говорить.

— Кто ж это был?.. — наконец пробормотал он. — Вот это рыба... Все коты в мире с ума посходили бы. — Он всё ещё не пришёл в себя от жуткого зрелища и плёл, что на ум взбрёт.

А Пальчик молчал.

— Вода — основа жизни, — в некотором смущении сказал ему бывший моряк.

— Я знаю, — не обернулся Пальчик. — В школе проходили.

— Ты не понял. Основа жизни нашего острова, — подчеркнул он.

— Острова?

— Ну, конечно. Там, глубоко на дне, — показал старикан на огромную воронку, — находится здоровенный водосток. Воду засасывают через него на завод, расположенный под островом. Из неё берут всё: тепло, соли, металлы, планктон, рыбу...

— Китов...

— Ну, и китов, если вдруг попадутся. Да их уже почти нет. Наверно, последний, — простодушно заметил бывший моряк. — А что, у вас не охотятся на китов и кашалотов, на дельфинов и тюленей?..

— На китов и дельфинов, кажется, запретили, — медленно ответил Пальчик, не сразу стряхнув оцепенение, вызванное гибелью кита.

— Так делают везде. В общем-то, погибает природа, — грустно сказал старикан. — Всё прямо на глазах меняется. Теперь и море не то, и погода не та. Море становится холодней и холодней, а от этого, случается, и снег выпадает летом.

— Ещё бы! Вы же бездумно растаскиваете морское тепло, — возмутился Пальчик.

— Ну, это не нашего ума дело. Не нами так заведено. Учёные не спят, соображают. Но я одного не пойму: ты что, с луны свалился?! Разве у вас природа не гибнет? Моря не мелеют? Рыбы недохнут? — накинулся на него старикан. — Скажите, пожалуйста, какой умный выискался!.. Если даже у вас и не совсем так, как здесь, всё равно к тому же придёте, — снова указал он на засасывающий водоворот. — Куда вы денетесь?

— Ничего. Мы ещё возьмёмся за ум.

— Ага, — язвительно сказал старикан. — Когда поздно будет.

«А, может, и не поздно, — ободрил себя Пальчик. Вырасту и что-нибудь да придумаю!» Маленький наивный мальчуган. Он уже готовился принять на свои плечи непосильную ношу, оставленную ему взрослыми.

Вращение огромной воронки внезапно замедлилось, затем прекратилось — нахлынувшие со всех сторон волны столкнулись в её центре с такой силой, что вода ударила высоко вверх яростным взрывом!

— Водосток перекрыт, — сказал сторож. — На сегодня закончено. Завод в основном работает по ночам и рано утром, когда к берегу подходит больше рыбы. Вода даёт нам всё — от тепла до пищи, — повторил он. — Ты не заметил, что остров обогревается подземными трубами?

— Нет... — ответил Пальчик.

— Иначе бы все наши редкие деревья погибли. А одежда наша — из водорослей. Значит, тоже из воды.

— А кто работает на заводе?

— Никто. Одни машины. И бригада ремонтников.

— Но кто-то ведь строил завод?

— Точно. Строил, — подчеркнул сторож. — Те, кто строил, первыми перешли в высший разряд.

— Всего-то двести? — засомневался Пальчик.

— Ну, не двести, а двести четырнадцать. А было больше. Но никто же не вечен, столько осталось. Будут ещё вопросы, юнга? Или отчалим? — сказал бывший моряк.

— Постойте... Чтобы засасывать столько воды, да разлагать её потом на составные части, необходимо много-много энергии, — вслух размышлял Пальчик. — Ведь верно?

— Я тебя понял. Отвечу: чтоб забирать, энергии всегда нужно меньше.

Как в жизни. Копил-копил ты хоть тыщу лет, а кто-то пришёл и враз отнял. Так и здесь. Тратим энергии столько-то, а получаем её во много раз больше.

— Это называется — воровство, — твёрдо сказал Пальчик.

— А! — привычно отмахнулся старикан. — Все везде воруют у природы. У вас что, по-другому? — вновь поставил он его в тупик.

— А куда девается отработанная вода?

— Она выходит с другой стороны пляжа. Пробовал её там? Абсолютно чистая — всё у неё отнято, — чище не бывает!

«У нас даже и такого ещё нет, — с беспокойством подумал Пальчик. — Сплошные отходы и вредные стоки. Что же с нами станет-то в будущем?!» Но вслух свои мысли высказать не решился. Побоялся новых насмешек.

— Так вот почему там вода такая дистиллированная, — щегольнул усвоенным словечком Гав. — Пресная донельзя. И кто ж этот завод придумал? — не мигая, уставился он на сторожа.

— Да уж не мы с тобой. Большие учёные!

— А начальники острова кто?

— Они же и правители. Сегодня у них состоится большой совет. Ходят слухи, сделано новое гениальное открытие!

— От ваших открытий в дрожь бросает, — заявил Гав. — Уж лучше бы каждая собака правила, чем такие учёные, — кивнул он в сторону моря. — Наколобродили тут!..

— Попридержи язык, — прикрикнул на него сторож. — Не твоего умишка дело.

В нём странным образом сочеталось как бы три человека: то он бывал строгим сторожем, то умудрённым стариком, то простецким и открытым бывшим моряком.

— Сегодня, говорите, совет? — задумался Пальчик.

— Точно знаю — сегодня.

— Как бы туда незаметно попасть, а?

— Что ты! — замахал руками сторож. — Нельзя!

— А если постараться? — жалобно посмотрел на него Пальчик.

Тот смущённо кашлянул. На этот раз в нём взял верх умудрённый старик.

— Вообще-то тебе, мальцу, полезно было бы послушать, что говорят умные люди... — И неожиданно закончил как бывший моряк: — Ладно, проведу сквозь рифы. Поднять паруса!

Гав только вздохнул и поплёлся за ними.

БОЛЬШИЕ УЧЁНЫЕ

Бывший моряк снова повёл их куда-то, загадочно сказав что-то о кратчайшем пути.

Этот короткий путь оказался довольно-таки длинным и крутым. Но вот перед ними опять замаячила ограда из пик — они вышли к парку с другой стороны.

Сторож открыл неприметную ржавую калиточку, притаившуюся за нагромождением каменных глыб.

— О ней мало кто знает. Она никогда не запирается, — на всякий случай предупредил он.

В нескольких шагах за калиткой начиналась — или заканчивалась? — тенистая аллея с лавровыми кустами по сторонам, подстриженными в виде шаров и конусов. Стоило поравняться с ними, как они поочерёдно взрывались врассыпную вылетающими птицами, и на лице всё время чувствовался тугой мах крыльев.

В зарослях шиповника суетились яркие малиновки — красноватые на красном — среди крупных, как мелкие райские яблочки, спелых плодов. По кипарису пробежала белка вниз головой и застыла в той же перевёрнутой позе, провожая глазами путников.

Высоченные сосны вытянули свои гривы в сторону от моря и казались однобокими. Все они — впрочем, как и другие деревья, — были пронумерованы, словно на случай побега.

Только теперь Пальчик стал замечать на замечательных деревьях парка следы умирания: сухие ветви, лишай, грибы-паразиты и многочисленные дупла, заделанные цветным, под тон коры цементом.

Царила спокойная тишина, подчёркнутая безмятежными птичьими голосами. Но она была обманчива. На лужайках недвижно раскинулись, как падаль, жирные коты в «собачьих» ошейниках и чутко следили приоткрытым глазом за семенящими вокруг птичками.

Гав с трудом удерживался, чтобы не броситься на своих извечных врагов:

— Ишь, свежатинки захотелось. А там-то были ленивей ленивых.

— Охота — пуще неволи, — усмехнулся старикан.

Они свернули в заросшую, явно нехоженую аллею. В коротком тупике одиноко стояла скала. На её отвесном боку так же отвесно росли, чудом тянулись ввысь настойчивые пихты, прижимаясь к нему всем своим стволом, чтоб не упасть. Старикан обогнул скалу. Здесь, в дремучей траве, виднелась ржавая крышка люка наподобие водопроводного — только с кольцом. Он, поднатужившись, сдвинул её в сторону. Открылся каменный тёмный колодец.

— Тут забытый подземный ход... Ну, ребятки, с Богом! А мне надо возвращаться, пора открывать ворота. — Тут он хитро взглянул на пса. — Так я и не спросил у тебя, где ты научился говорить по-человечески. У вас что, это принято?

— У нас — да, — важно кивнул Гав.

— Здоровья вам и долгих лет жизни, дедушка, — растроганно попрощался Пальчик.

— Тебе — тоже, хоть ты пока и малыш. Встретимся ли ещё?.. — Тоже расчувствовался старикан. Отвернулся, постоял и пошёл прочь.

— Пока, хвостатый. Держите курс по ветру, ребятки!..

Пёс заглянул в зияющий лаз:

— А может... по домам? Лучше уж держать нос по ветру, чем по такому курсу.

— Запомни, мама говорит, что я упрямый. А она знает, что говорит. — Пальчик решительно полез в колодец.

Гав трижды поплевал через левое плечо — наверняка подсмотрел у буфетчицы Оли — и шустро двинулся следом. Там из стенки торчали скобы, и пёс спускался, цепляясь за них только передними лапами, а задними — фактически стоял у Пальчика на плечах. К счастью, спуск был недолгим. Дальше, куда-то вбок, тянулся низкий тоннель, выложенный тёсаным осклизлым камнем.

Гав пошёл впереди.

— Всё равно ничего не видно. А у меня — чутьё, — не преминул он похвастаться лишний раз.

— Верхнее или нижнее? — пошутил Пальчик.

— Нижнее, — серьезно отозвался пёс. — Потому что ход ведёт вниз.

— Осторожно, ступенька, — предупредил он чуть погодя.

— Спасибо, друг.

— Пустяки, — откликнулся из темноты Гав. — Я просто боялся, что ты свалишься на меня.

— Эгоист.

— Эго... что?

— Себялюб. Тот, кто самого себя любит.

— А ты себя не любишь? За что ж ты тогда мне спасибо сказал?! А за то, что не расшибся. Кто не расшибся? — рассуждал Гав. — Ты! Значит, сам себя любишь. Ясно?

— Темно, — буркнул Пальчик.

— И без тебя вижу, то есть не вижу. Так кто из нас себялюб?

— Оба, — рассмеялся Пальчик.

— Тогда закрой пасть.

— Рот.

— Пасть — звучит внушительней!

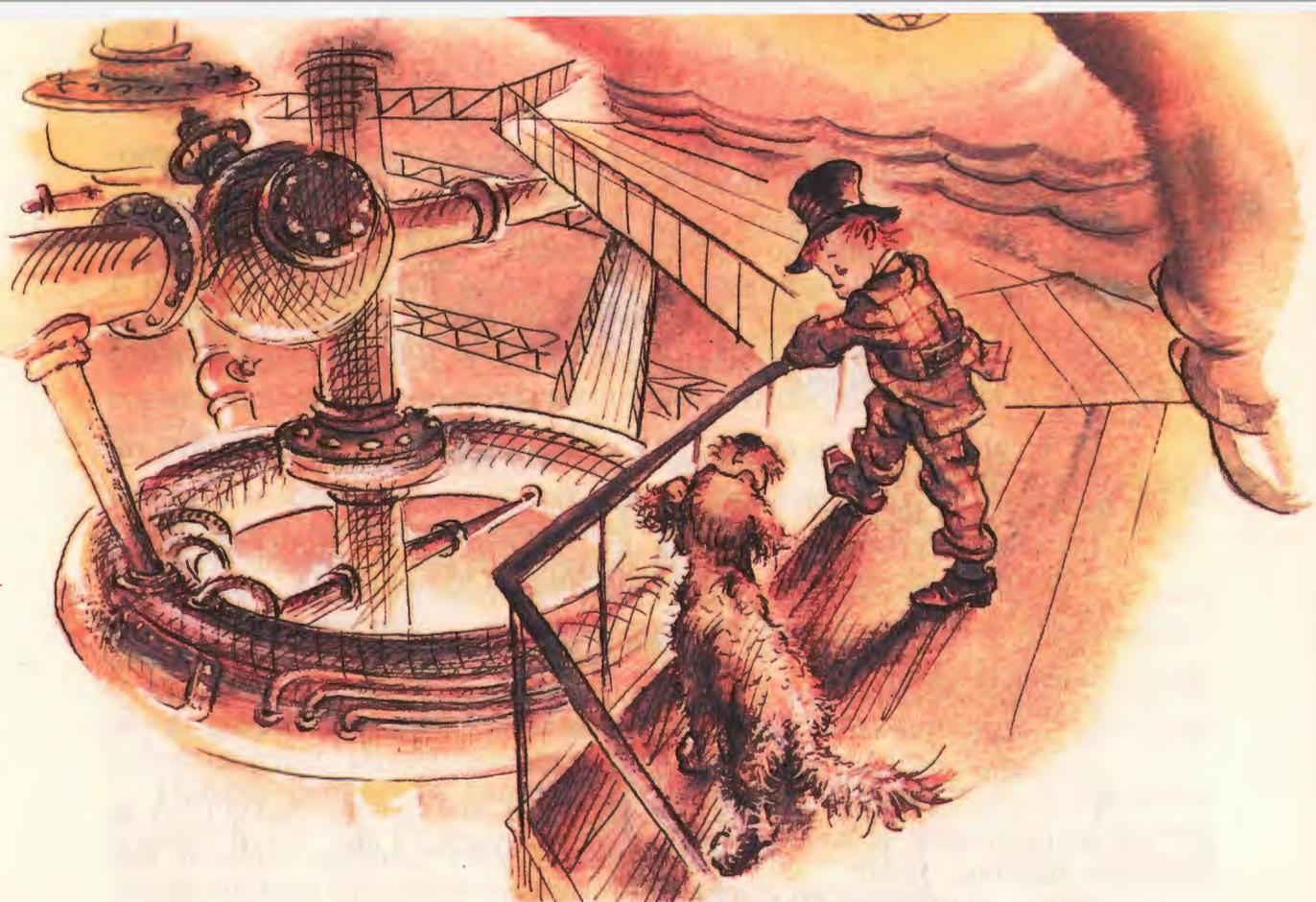
И вот впереди, проступая как сквозь далёкое и пыльное стекло, постепенно забрезжил свет. Вскоре Пальчик уже мог различать Гава впереди. Становилось всё светлее...

Подземный ход кончился, и они неожиданно вышли на какую-то узкую галерею. Она петляла под потолком огромнейшего зала, освещённого яркими лампами. Собственно, это была просто гигантская пещера, в незапамятные времена образовавшаяся в недрах острова. Кое-где с бугристого свода ещё свисали сталактиты.

Внизу железной паутиной раскинулось сложное переплетение разнообразных труб, уходящих сквозь пробитые арки в соседние пещеры — залы. Тихо и мерно жужжали многочисленные загадочные машины со стальными кожухами.

Встав на цыпочки и глядя через парапет на подземный завод, Пальчик не сразу высмотрел на другом конце зала группку людей, рассаживавшихся за посверкивающим металлическим столом у стены.

— Давай вокруг, — сказал он Гаву шёпотом, хотя его вряд ли услышали бы там, внизу. Пёс уже на ходу что-то надоедливо пробормотал про вокзал.

Они тихонько обогнули зал по галерее и остановились как раз над тем местом, где стоял стол. Теперь учёных, правда, не было видно, потому что свод, под которым шла галерея, сужался кверху. Зато было слышно, о чём те говорят. Впрочем, Пальчик мог бы их и увидеть, но лишь в одном случае: если бы повис с парашюта вниз головой, а Гав удерживал бы его за ноги. Хорошо, что такая мысль не возникла ни у кого из них. Собрание, очевидно, только что началось. Донёсся, как показалось Пальчику, голос того самого начальника — человека с трубкой:

— ... перед важным сообщением мне хочется сделать нам комплимент, коллеги. Вы не ослышались — именно всем нам. Даже не комплимент, а просто отдаю должное: все мы по-прежнему энергичны, худощавы, подтянуты. И это меня — надеюсь и вас, — слышался смех, — всегда радует. Единственный, можно сказать, весомый кусок, который мы с вами удерживаем в руках, — власть! Пока существуют те, для кого сладкая, жирная жизнь — предел мечтаний, нашей власти на острове Изобилия ничто не угрожает. Но долго ли сможем мы поддерживать достигнутый уровень? К сожалению, море скудеет, а это грозит непредсказуемыми последствиями. И вот, — он повысил голос, — я хочу вам сообщить о грандиозном открытии, которое неожиданно...

— И главное, даром, — долетел второй голос, по всей видимости, точнее — слышимости, другого, очкастого начальника.

— Само собой, — подтвердил первый и продолжил, недовольный, что его перебили. — Так вот, на нашем благословенном острове, где букваль-

но всё и вся научно обоснованно, неожиданно обнаружили одну кабину лифта...

Пальчик и Гав замерли на галерее.

— Ну и что? — послышался третий голос. — В моей лаборатории даже два лифта. Шучу!

— Я выразился математически точно, — сухо заявил человек с трубкой. — Одну — значит, одну!

— Единицу — без всяких, так сказать, дробей? — подал голос четвертый собеседник. — Без всяких там домов, зданий...

— Без ничего, — хладнокровно ответил человек с трубкой. — Сейчас она стоит сама по себе. Не буду пока говорить, где она находится... Но теоретически это не лифт, хотя на нём и можно передвигаться между этажами.

— Не понимаю... Кабина же одна, без ничего!.. Между какими этажами? — наперебой зашумели голоса.

— Минуту!

Все умолкли.

Пальчик и Гав напряжённо прислушивались на галерее.

— Поясню. Кабина этого лифта перемещается не только между этажами реального дома в своём мире, существующем параллельно с нашим, — человек с трубкой сделал выразительную паузу, — но может, как ни странно это звучит, «подниматься» и в наш мир.

— И даже ещё в два других неведомых пространства, — выкрикнул очкастый, — если не считать того, где она находится постоянно. Крайне ненаучно, но тем не менее так и есть. Мы уже убедились!

— Откуда она взялась?.. Кто её сделал?.. По какому принципу работает лифт?.. Это машина пространства или машина времени? — вновь загомонили голоса.

— Спокойно, коллеги, — вновь выступил человек с трубкой. — Нам сейчас всё равно, кто, где и когда изобрёл этот поистине удивительный лифт. Нам сейчас всё равно, какова судьба этого гения, чудака ли, сумасброда, или даже сумасшедшего. Нам сейчас всё равно, как это сделано. Вы заметили, что я постоянно повторяю: «сейчас»?..

Стояла тишина.

— Будет время, мы постараемся разобраться в принципах работы этого с неба ли свалившегося или из-под земли возникшего изобретения. Может, и успеем. Сейчас главное — в другом. Я уже говорил: наше море теоретически и практически обречено. А там, в одном из параллельных миров, мы нашли другое, пока ещё живое и теплое, замечательное море, которое могло бы дать нам всё на свете. Правда, оно частично загрязнено промышленными отходами, но нам это не помеха. Мы умеем извлекать из воды всё. Отходы станут попутными доходами. Теперь задача понятна?

— Он говорит про наше Чёрное море, — лихорадочно зашептал Пальчик на ухо Гаву.

— Несколькo вопросов! — прорезался чей-то старческий дискант.

— Прошу.

— Насколько я понял, обнаружено три других мира?

— Да. Условно говоря, первые пять этажей — один мир. Шестой этаж — второй мир. Седьмой этаж — третий мир. И последний, восьмой, этаж — наш с вами, коллеги. В принципе эти три чужих пространства могут стать для нас неисчерпаемыми кладовыми!

— В каком из миров находится то самое море, о котором вы говорили?

— В первом, — ответил человек с трубкой.

— Там, где и стоит тот пятиэтажный дом?

— Совершенно правильно.

— А море далеко от того дома?

— Близко. 125,21 метра.

— По ночам там тоже спят?

— Время резко отличается от нашего, — сказал человек с трубкой. —

Но по ночам там, конечно, спят. Я догадываюсь, к чему ваш вопрос.

— В таком случае благодарю вас, коллега. У меня всё.

— Вы, наверно, тоже все догадались, о чём идёт речь. Мы можем ночами — «их» ночами! — перекачивать то море в это, пропустив шланг через кабину лифта и протянув его до морского берега прямо из подъезда. Наша ознакомительно-разведывательная прогулка в тот мир показала, что мы странным образом понимаем и можем говорить на их языке. Кстати, там по ночам ведутся всевозможные ремонтные работы, так что наши водопроводчики не будут выглядеть белыми воронами. Вы все, конечно, знаете, что вопрос о диаметре шланга не играет существенной роли. Важна лишь скорость, с которой вода будет перекачиваться сюда. В принципе при достаточном напоре можно повисить уровень нашего моря метра на два только за одну ночь.

— Но тогда возникает другая проблема... — сказал кто-то.

— Если моральная, то нас она не должна интересовать. Пусть хоть совсем останутся там без своего моря. Мы решаем чисто техническую задачу, кстати, с самой благородной целью: оживить, внести свежую струю в наше обедневшее море.

— Коллега не дослушал меня.

— Прошу прощения.

— Имеется в виду проблема прочности самого шланга. При таком напоре его попросту разорвёт!

— Вот в чём загвоздка. Именно затем мы вас и собрали. Ваши светлые головы должны срочно решить эту первоочередную задачу. Итак?

— Светлые головы — это лысые? — тихо поинтересовался Гав у Пальчика. И, не получив ответа, снова наострил уши.

На обращение человека с трубкой посыпались предложения:

— Гибкий металлизированный пластик!.. Суперэластичная сталь!.. Сплав того и другого!.. Гидростекловидный материал!

— Просто не верится! — вдруг снова раздался знакомый голос очкастого. — А ведь я сам на этом лифте поднимался и опускался. Чёрт-те что! Ну, просто нереально, как, представьте себе, собачий лай в этом машинном зале.

Возмущённый Гав громко залаял с галереи, Пальчик поспешно зажал ему пасть.

— Опять! — вскричал очкастый. — Недавно были зрительные галлюцинации, а теперь слуховые!

Внизу всё изумленно затихло. А затем...

— Это пришельцы! Те, кто прибыл к нам на этом лифте, — догадался человек с трубкой. — Мне уже докладывали о странном мальчике с собакой, выдающем себя за иностранца. Эй, стража!

— Я не отдам вам наше море! — Не выдержав, прокричал Пальчик, перегнувшись через парапет. — Жулики! Грабители!

— Захребетники! — рывкнул Гав во всю свою глотку, пользуясь тем, что его пасть, наконец-то, свободна. — Водоворы! Шлангососы! Лифтогады!

И они стремительно помчались прочь по галерее к подземному ходу.

— Не перестаю поражаться. И где ты таких словечек понабрался? — на бегу спросил Пальчик. — Опять, скажешь, у своей Оли?

— У себя. Сам придумал. Всё-таки Родина в опасности!

— Может, вернёшься к нам?

— Вернёмся ли мы вообще...

В ОБХОД

Пока их не было, на острове внезапно выпал снег. Молоденьким птицам он казался пугающей диковинкой — они, верно, видели его впервые. Очумелые грачи пронзали заснеженные кустарники с треском, точно от раздавливаемых шишек. Странно выглядели лиственные деревья в снегу. Особенно пальмы — как обнажённые на холоде. И тем не менее яркая, подчёркнутая зелень и свеженький, лепной снег сияли непривычной красотой, если не задумываться над тем, что это не от хорошей жизни. Но Пальчику, а Гаву и подавно, было не до красот летней зимы. Они спешили к той потайной калитке, через которую их сюда привёл сторож. Подземный-то ход прошли они быстро, благо уже знакомым путем, да вот в колодце случилось заминка. Гав, явно не бывший матрос, не умел лазать по скобам, как по вантам, — пришлось его подсаживать с одной на другую. И теперь надо было навёрстывать упущенное время.

Только они свернули в лавровую аллею, как оказались в толпе тепло закутанных увальней: мальчиков и девочек лет шести. Они сосредоточенно опирались на лыжные палки. В этом они ничем не отличались от взрослых жирняков — тащить свой лишний вес без опоры трудно.

Пальчику и Гаву повезло. Не встретить они их, неминуемо наткнулись бы на стражу. Вперёди, растянувшись цепью, аллею пересекали охранники в форменных фуражках, прочёсывая парк. Затерявшись среди ребят, беглецы так же медленно зашагали по снегу. У всех их спутников шарф был надвинут на рот, чтобы не простудиться. Они удивлённо и молча поглядывали на незнакомого мальчонку с собакой. Наконец, одна девочка, чуть сдвинув шарф, спросила:

— Ты кто?

— Да так... — неопределенно ответил Пальчик, не спуская взгляда со стражников. Аллею уже переходили последние, заглядывая под каждый куст и ругаясь, когда им сыпало снегом за шиворот.

— А откуда? — не отставала девочка, буравя его заплывшими глазками.

— Оттуда... — махнул он рукой назад и, отвлекая её слишком уж пристальное внимание, насел со своими вопросами: — Почему вы все не на лыжах?

— Упасть можно.

— А лыжные палки тогда зачем?

— Чтобы не упасть.

Слава Богу, Гав благоразумно помалкивал.

— А куда ведёт аллея? — Лишь бы не дать ей расспрашивать. Пальчик не любил врать.

— Никуда. Это маршрут номер девять. Самый трудный, — машинально пожаловалась она, — триста пятьдесят метров. Упаришься!

— Жирно живут, — не выдержав, буркнул пёс. Пальчик показал ему кулак.

К счастью, девочка не расслышала.

— А ты почему без палок? — наконец, успела она вклинить новый вопрос.

— Мало каши ел, — усмехнулся он.

Стража скрылась из виду. Пальчик с Гавом рванули вперёд, оставив всех «лыжников», а заодно и девочку вместе с излишне распиравшими её расспросами, далеко позади. В конце аллеи они нырнули в кусты, мгновенно нашли калитку и выбрались из парка.

По берегу, к пещере с лифтом, они не рискнули идти — сразу заметят, открытая местность. Решили добираться туда вдоль заросшей диким хмелем ограды. Если уж им нельзя подняться в пещеру снизу, то нужно спуститься к ней сверху. Авось разыщут какой-нибудь безопасный путь. Лишь бы не пройти то место. Ориентиры, пожалуй, были: сначала внизу появятся мангровые заросли, затем покажется начало асфальтовой дорожки. Где-то посредине и находится вход в пещеру с теми двумя сосенками, к сожалению, различимыми только с берега.

Лавируя меж скалистых глыб, они упорно продвигались над берегом моря.

По пути приходилось огибать столь высокие скалы, что сосны, торчащие на их макушках, выглядели снизу просто травой. Отдалённо рокотал прибой, утягивая за собой заснеженную гальку. Солнечные лучи, прорвавшись кое-где из-за чёрных, немых туч, стояли жёлтыми столбами на воде, которая казалась под ними золотистыми островками с чёткими границами суши.

Пальчик и Гав остановились передохнуть в ложбине среди валунов. Над ними высились голые стволы каких-то засохших деревьев, покрытых с ветровой стороны снизу доверху заостренными снежными опоясками, похожими на полудужья древесных грибов.

— Боюсь, что поздно будет, — пробормотал Пальчик. — Они не дураки.

— Они — учёные, — уныло подтвердил Гав. — Придём, а они там как там.

— Тут как тут, — поправил его Пальчик.

— Тут — это тут, — снисходительно заметил пёс, ткнув ему лапой под ноги. — А там — это там! — указал он вдаль.

— Да что с тобой говорить...

— Поговори с кем-нибудь другим, — обиделся Гав.

— Ну ладно, — устало сказал Пальчик. — Пошли. Там видно будет.

— Вот видишь! А ты утверждал: «тут», — повеселел пёс, довольный своей правотой.

Дорога становилась всё труднее. Пальчик уже и не рад был, что они выбрали такой путь. Безопасней-то оно безопасней, да лишь — от кого-то, но не от чего-то. Здесь им, конечно, не грозила встреча со стражей, зато грозило сорваться со скал.

Миновав, наконец, появившиеся внизу мангры, они стали спускаться наискось по изломанному склону — с уступа на уступ, цепляясь то за крепкие ветви одиночных кустов, то за длинные лианы, свисающие откуда-то сверху. Причем пёс ловко хватался не только лапами, но и зубами.

— Всё-таки ты вправду горный пёс, хотя и городской, — похвалил Пальчик.

— Да и ты малый не промах, — не уступил ему в любезности польщённый Гав. — Ни разу не промахнулся. С этими ползучими верёвками одна морока.

А повсюду кипела птичья жизнь. Вдоль каменных морщин склона бегали дрозды, шустро переставляя лапки; а сойки скакали, как воробьи, по заиндевелым травянистым пяткам. Беглецы невольно пугались, когда чуть ли не из-под самых ног кидались прочь какие-то спортивного вида птички. Обтекаемые, как капля, с узким хвостиком, они стремительно взмывали, невидимо частя крылышками, вдруг на миг замирали — и сила тяжести бросала их вниз. Затем снова частили, устремляясь вверх, и опять складывали крылья, проваливаясь вниз, — словно неумоимо рисовали в воздухе крутые волны...

В конце концов беглецы добрались до той скалы, внутри которой и была пещера с лифтом. Как и рассчитывали, они спустились с другой стороны от входа.

Гав пошёл на разведку и быстро вернулся:

— Там стража!

На что только надеялись, ползя сюда по скалам?.. Действительно, дураков нет.

ПУТЬ ОТРЕЗАН, ПУТЬ ОТКРЫТ

Что делать? Выход в свой мир перекрыт. Другого способа покинуть остров не было, нет и не будет.

И вдруг...

— Я, кажется, придумал. Жди меня здесь, — тихо сказал Гав и бросился в заросли.

Лишь покачивающиеся кусты отмечали его извилистый путь в сторону асфальтовой дорожки. Вскоре лохматый хвост мелькнул в разрыве листвы, уже на отрезке асфальта, и исчез.

Прислонясь спиной к скале, Пальчик опять задремал, как и в тот раз под баньяном, в ожидании Гава. Ему было зябко, он глубоко засунул кисти рук в карманы своей курточки. Что же такое задумал Гав? Может, побежал посоветоваться украдкой со сторожем?.. А, впрочем, ничего, вероятно, не выйдет... Со стражей — не справиться. И домой им — никогда не вернуться... Главное, он, Пальчик, теперь не сможет спасти своё море. А ведь ему пришла гениально-простая мысль, как это сделать. Когда ещё в машинном зале у человека с трубкой спросили, спят ли «там» по ночам, — Пальчик тогда вдруг чуть не подскочил: а что если...

Становилось всё холодней, он заснул. Ему приснился странный, ещё более холодный, зимний сон... Он шёл по тому же парку, расцвеченному морозными узорами. Повсюду валялись замёрзшие птицы с красными точками у клюва на толстом насте. Многоплечие сосны и ели осыпались сухой и искристой снежной пылью... Он неожиданно вышел к неизвестному водопаду. Весь водопад застыл, неподвижно низвергаясь всё более укорачивавшимися книзу сосульками, начинаясь огромными и кончаясь крохотными — мал мала меньше... Или — наоборот? — нижние казались самыми большими, постепенно уменьшаясь кверху. Водопад словно схватило морозом в единый миг так, что даже все бесчисленные брызги, отлетевшие от бывших струй, тоже застыли в воздухе — градинами и градинками, соединяясь с сосульками ледяными ниточками и паутинками. Внезапно донёсся какой-то зычный трубный звук. Водопад сразу ожил, заревел, полетели брызги... и пропал.

Пальчик открыл глаза. Это бегущая по дереву белка обдала его снежком. По-прежнему было холодно... Но вот зычный трубный звук повторился — и уже близко!

Что это? Над кустами, там, где была асфальтовая дорожка, величаво плыли две слоновьи головы. На шее у первого слона восседал Гав и кричал:

— Берегись! Мы — идём!!

В просветах листвы на дорожке показались знакомые звери из цирка: львы, медведи, кабаны, собаки... С дерева на дерево, ухарски вопя, перелетали обезьяны. Грозный отряд замыкали рычащие тигры.

Пальчик, поспешно обогнув скалу, выскочил ко входу в пещеру. Здесь было повыше: лучше видно. Ошеломлённая стража, теряя фуражки и бросая на ходу дубинки, уже драпала без оглядки вниз от пещеры и разбегалась по пляжу в разные стороны — стремительно, как ртуть по столу.

— Ты же сам обещал их спасти, — заявил Гав, когда прибыл во главе своего внушительного отряда. — Не знаю, как ты, а они нас уже спасли! Теперь выполняй своё обещание.

— Ну, если поочередно, то... — смутился Пальчик. — Но слоны всё равно в лифт не войдут.

Пёс пошептался со слонами.

— Они говорят, что войдут, — перевёл Пальчику Гав. — Не побоятся.

— Я имею в виду — не вместятся!

— Не волнуйся. Они заверяют, что ужмутся. За дело, друзья!

Слоны и медведи быстро расширили проход в пещеру. Это было неудивительно при их-то силе и сноровке. Удивительно другое. Звери, один за другим набиваясь в кабину лифта, действительно ужимались, съёживались, становились меньше, пока не поместились — все. Чудеса да и только, но они ведь так старались!.. Впрочем, и сам лифт, как мы знаем, не был обычным.

— Морского котика забыли! — всполошился Пальчик.

— Котика мы выпустили в море, — успокоил Гав. — Захотел остаться, но только на воле. Теперь им его не поймать — он учёный.

В тот миг, когда Пальчик уже закрывал дверь, в кабину внезапно влетела и воткнулась в стену, как копьё, острая лыжная палка. Это подкрался и злобно метнул её какой-то жирняк.

Пальчик захлопнул дверь, и Гав нажал... кнопку своего этажа. Оказалось, он взял её с собой и припрятал здесь, в пещере.

На шестом он вышел и бодро взмахнул лапой:

— До свиданья! Не скучайте! А кнопку вставляю — заезжай.

— Прощай. Прощай, милый Гав... — грустно сказал Пальчик. Он знал, что говорил.

СЫН ВЕЛИКАНА

Долго потом вспоминали в приморском городе, где жил Пальчик, о торжественной процессии дрессированных диких зверей, которая шла по улицам к цирку. Слоны трубили и вставали на дыбы, как лихие кони. Медведи отплясывали ламбаду с кабанами. Тигры, львы и собаки прыгали одновременно друг через друга. Обезьяны, подсакивая, словно на батуте, крутили в воздухе немислимые сальто-мортале... А впереди всей процессии невозмутимо шагал какой-то мальчишка в драной одежде.

Свободных вольеров в новом цирке оказалось предостаточно. Пальчику не составило особого труда пристроить здесь всех зверей. Помогли родители — к счастью, они были на работе, — и, что немаловажно, сам директор. Правда, поначалу он растерянно спросил:

— Откуда столько?..

— Беспризорные, — ни капли не покривил душой Пальчик.

— Берём, — согласился деловой директор. — Но, если найдутся хозяева, то...

— Не найдутся, — заверил Пальчик.

Мама, папа, даже директор нет-нет да и поглядывали на него так, словно сомневались в том, что это именно он перед ними. «Неужели меня так долго не было?» — удивлялся он.

Ничего подобного. За окном виднелись на здании телеграфа большие часы. Они показывали не просто время, но и день, месяц, год, — Пальчик отсутствовал всего 45 минут. Оказывается, на «восьмом этаже» время текло побыстрее, чем на «седьмом». А уж со своим собственным миром и сравнивать нечего.

Он не знал, поймут ли его звери без переводчика Гава, но всё же сказал, расставаясь с ними:

— Вам здесь понравится. Я сам мечтаю тут работать. Мы будем часто видеться. А если кому и разонравится, устроим в зоопарк или отправим в далёкие жаркие страны. К нам в порт, знаете, сколько заморских судов приходит!

Очевидно, звери его все-таки поняли. Закивали слоны, львы, тигры, медведи, кабаны, собаки...

— До скорой встречи, мои дорогие, милые, хорошие, — и пожал ближнему слону хобот обеими руками.

— Ну, про зверей ты нам потом всё объяснишь, — сказала ему уже дома мама. — Сначала посмотри в зеркало.

— Да-да, — скрывая улыбку, солидно добавил папа.

— Погодите, — вдруг спохватился Пальчик. — Где у нас ножовка?..

Он не стал дожидаться ночи. Человек с трубкой правильно сказал в машинном зале: «По ночам там, конечно, спят». Ещё проспишь! Нет, лучше всё сделать сейчас.

Пальчик схватил коробку с инструментом и выскочил на лестничную площадку, хлопнув дверью. Смелым сопутствует удача: кабина лифта стояла внизу, в подъезде никого не было.

Мама и папа, оставшись одни, сели и разом вздохнули.

— Я его просто не узнаю, — сказала мама.

— А я сложно не узнаю.

— Как?..

— Сложный он человек. Непростой, — улыбнулся папа.

— Вечно ты всё усложняешь.

— А ты — упрощаешь.

Оба они рассмеялись.

Пальчик вернулся с отпиленным верхом кнопочной панели: виднелись цифры «6», «7» и «8».

— Может, ты нам объяснишь... — начал папа.

— Пусть сначала посмотрится в зеркало, — повторила мама.

Пальчик подошёл к большому зеркалу в коридоре. И посмотрел. Лицо как лицо. Но...

Он снова вырос. Да как! Из коротких брюк торчали голые щиколотки, из лопнувших башмаков — пальцы ног, а из рукавов разодравшейся по швам курточки — кисти рук. Теперь он был ростом с любого мальчишку своего возраста. Нет, всё же выше!

— Не знаю, с каким номером я буду выступать в цирке, — тихо сказал Пальчик, — но название уже знаю — «Восьмой этаж».

Долго он рассказывал им в этот день о своих похождениях. Родители даже не знали, чему верить, а чему — нет.

— Ну, пусть, — принял, так сказать, условия игры папа. — А зачем ты отпилил разом все три этажа? Достаточно было бы — только самый верхний. Ведь главное в том, чтобы они не смогли вызвать кабину к себе на «восьмой».

— Э-э... — протянул Пальчик. — Плохо ты их знаешь. Они и впрямь изобретательны. А вдруг и с лифтом что-нибудь придумали бы? Сначала — на «седьмой», затем — на «шестой»... А так я поставил перед ними тройную преграду.

— По-моему, это всё из области фантазии, — не выдержала мама.

— А звери, которых я привёл, из какой области? Из Симферопольской?! — обиженно воскликнул Пальчик.

— Со зверями ещё разберутся... — начала было мама.

Но тут за дверью, на лестничной площадке, послышался какой-то шум. Они выглянули. Жилец пятого этажа громко негодовал возле распахнутого настежь лифта:

— Нет, вы только поглядите! — И указывал на лыжную палку, торчащую из стены под потолком кабины. — Безобразие! Не понимаю: почему — летом? Почему?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Однажды, месяца через три, когда в самый разгар мягкой золотой осени в городе неожиданно выпал снег, Пальчик случайно проходил мимо одного санатория для важных лиц.

Заснеженные пальмы, платаны и кипарисы выглядели растерянно и одиноко за оградой из высоких кованых пик. Крутые асфальтовые дорожки, подёрнутые прозрачной коркой наледи, петляли по парку санатория — с электронными часами на поворотах и с табличками: «Маршрут № 8 — 1850 м», «Маршрут № 9 — 935 м», «Маршрут № 10 — 350 м»...

И тут — нет, не почудилось! — на дорожках вдруг появились тучные люди — без лыж, но с лыжными палками. Тяжело переступая и опираясь на них, они держали курс на стеклянную столовую, где на многочисленных столах были расставлены вазы с фруктами, бутылки, бокалы, тарелки, тарелочки, блюда, соусники...

— Они уже всё-таки здесь?.. — прошептал Пальчик.

Переделкино. 1983, 1990.

